
ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 1
2010

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель –
ФГОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

Зиннуров Ф.К. - ответственный редактор, к.пс.н.;
Миронов С.Н. - заместитель ответственного редактора, к.и.н., доцент;
Хисамутдинов Ф.Р. - заместитель ответственного редактора, к.ю.н., доцент;
Кабилов Д.Э. - ответственный секретарь редакционной коллегии, к.и.н.

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Р.Р., д.ю.н.;
Ахметзянова Г.Р., к.филол.н., доцент;
Валеев А.Б., к.филос.н., доцент;
Гарафутдинов М.Р., к.ю.н., доцент;
Згадзай О.Э., к.ф.-м.н., доцент;
Казанцев С.Я., д.пед.н., к.ю.н., профессор;
Клетнева Е.Г., к.ю.н.;
Комлев Ю.Ю., д.с.н., профессор;
Коньк Ю.Г.;
Марданов Д.Р., к.пед.н., доцент;
Муратова Н.Г., д.ю.н., профессор;
Синников В.Б., к.пед.н., доцент;
Сундунов Ф.Р., д.ю.н., профессор;
Талан М.В., д.ю.н., профессор;
Фаткуллин Ф.Ф., к.фил.н., доцент;
Шалагин А.Е., к.ю.н., доцент;
Шляхтин Е.П.;
Шмелева Н.А., к.и.н., профессор

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово Ф.К. Зиннурова.....	3
<u>«ПРОШУ СЛОВА»</u>	
Алиуллов Р.Р. О проекте федерального закона «О полиции».....	4
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Гилинский Я.И. Российская социология девиантности и социального контроля (девиантология) в 60-е – 90-е гг. XX столетия.....	7
Комлев Ю.Ю. Ретроспективный анализ моделей и практик социального контроля: перспективы рестриктивного подхода	20
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Векленко С.В. Роль и место сознания в преступном поведении.....	30
Балеев С.А. Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ.....	36
Шалагин А.Е. Ответственность за преступления против общественной нравственности в зарубежных странах.....	40
Винокуров В.Н. Пределы допустимости правомерного согласия лица на причинение вреда собственным интересам.....	48
Гусарова М.В. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографической продукции.....	51
Казанцев С.Я., Згадзай О.Э. Авторские права и их защита в сети Интернет.....	57
Хафизова Л.С. Система правового противодействия финансовому мошенничеству в России в современных условиях.....	63
Шакирьянов М.М. Понятие коррупции: научные и правовые аспекты.....	72
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС</u>	
Муратова Н.Г. Проблемы участия в процессуальной модели обвинительного заключения (история и современность).....	76
Амануллина А.Ф. Уголовно-процессуальный аспект международных стандартов защиты прав осужденных.....	81
Хайдаров А.А. Пределы судебного усмотрения в российском уголовном процессе	85

Подписано в печать 01.10.2010 г.
Формат 60х84 1/8
Усл.печ.л.16,67 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Цена свободная.

©Казанский юридический институт
МВД России
Организационно-научное и редакционно-издательское отделение
vestnikkui@mail.ru
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128

КРИМИНАЛИСТИКА

Казанцев С.Я., Мазуренко П.Н.

К вопросу о незаконном обороте оружия в свете постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 1996 г. N 5 "О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ"..... 94

ЭКОНОМИКА

Хадиуллина Г.Н.

Трансформация интеллектуальной собственности в современной российской экономике..... 97

Белов Е.А.

Феномен теневой занятости населения в контексте некоторых научных подходов..... 101

Шмелева О.Г.

Проблемы и перспективы развития рынка труда в монопрофильных городах в условиях мирового финансового кризиса (на примере г. Набережные Челны)..... 109

ПЕДАГОГИКА

Казанцева Л.А.

Инновационные подходы к подготовке современного юриста в вузе..... 111

Чанышева Г.Г., Богдановская В.А.

Актуальные проблемы воспитания личного состава ОВД в современных условиях..... 116

Романюк В.С.

Перспективы реформирования системы обучения в образовательных учреждениях системы МВД РФ в свете Болонской конвенции..... 121

НАУКА И ПРАКТИКА

Степущенко О.А.

Научно-методическое обеспечение деятельности МВД по Республике Татарстан..... 132

Шляхтин Е.П.

Об участии преподавателей и курсантов КЮИ МВД России в проведении 8 сентября 2010 г. в г. Казани Второго студенческого фестиваля Приволжского федерального округа «Экстремизму – нет!»... 136

Казанцев С.Я.

Международный семинар в Германии по актуальным проблемам деятельности криминальной полиции 138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Комлев Ю.Ю.

Конфликтологические знания руководителям и сотрудникам ОВД, слушателям и курсантам..... 141

Кабиров Д.Э.

Международная научно-практическая конференция «Антикоррупционное образование в системе органов внутренних дел (организационно-правовые аспекты формирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел)» 143

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 146

Уважаемые читатели!

Сегодня мы представляем вашему вниманию первый номер Вестника Казанского юридического института, выпуск которого, верим, станет регулярным.

Целью настоящего издания является распространение научных знаний, результатов прикладных исследований по юридическим, социологическим, философским, экономическим, педагогическим и другим наукам; содействие в повышении уровня научного потенциала и педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава института, а также помощь в обучении, воспитании и подготовке квалифицированных специалистов для органов внутренних дел.

Задумывая издание периодического журнала по актуальным правовым вопросам, мы рассчитывали на то, что журнал, отражая новые реалии, сохраняя и используя передовой опыт, станет изданием, в котором ученые и специалисты-практики будут иметь возможность обмениваться мнением, излагать свои позиции, освещать актуальные проблемы теории и практики правоохранительной деятельности. Под обложкой нашего Вестника вы найдете теоретические и теоретико-исторические правовые исследования, группу разноплановых материалов по проблематике уголовного судопроизводства и многое другое.

Будем рады творческому, научному сотрудничеству с нашими коллегами из регионов России, учеными и практиками.

Найдут на страницах журнала свое место рецензии на диссертации, интервью с известными правоведами и страницы истории, а также яркие страницы научной жизни института.

Предусмотрена в нашем журнале и рубрика «Трибуна молодым», которая, по нашему замыслу, должна предоставить начинающим молодым ученым уникальную возможность выступления с научным исследованием перед широкой аудиторией читателей.

Надеемся, что журнал станет тем информационным полем, на котором развернутся плодотворные дискуссии по самым различным вопросам, связанным с противодействием преступности.

Начальник Казанского юридического института

МВД России

кандидат психологических наук

генерал-майор милиции

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Ф.К. Зиннуров'.

Ф.К. Зиннуров

Р.Р. Алиулов,

доктор юридических наук,
начальник кафедры административного права,
административной деятельности и управления ОВД
Казанского юридического института МВД России

О ПРОЕКТЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПОЛИЦИИ»

Опубликованный в средствах массовой информации проект федерального закона «О полиции», разработанный по инициативе Президента РФ, активно обсуждается широкой общественностью. О содержании и об основных положениях представленного законопроекта высказываются различные точки зрения, зачастую взаимоисключающие друг друга. Подобный разброс мнений, прежде всего, отражает отношение подавляющей части населения к милиции, деятельность которой в последние годы вызывала обоснованную критику. Вместе с тем разработка законопроекта, призванного способствовать формированию принципиально нового современного облика милиции, от деятельности которой население ожидает эффективной защиты своих прав и свобод от различных противоправных посягательств, должна базироваться на основе современных принципов, которые в совокупности формируют целостную правовую концепцию регулирования общественных отношений в сфере организации борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Поиск этих фундаментальных принципов приобретает особую познавательную актуальность и имеет методологическое значение для правильного понимания роли и места органов милиции в системе других органов исполнительной власти, рационального формирования выполняемых ими задач и функций, определения компетенций милиции и закрепления полномочий сотрудников милиции. Важное значение имеет вопрос о наделении милиции правом применять силы принуждения, в том

числе специальные средства и огнестрельное оружие.

Даже при самом поверхностном ознакомлении с представленным законопроектом возникает вопрос об обоснованности и целесообразности введения нового наименования правоохранительного органа, деятельность которого имеет колоссальное социальное значение. Практика показывает, что деятельность милиции затрагивает жизненно важные интересы миллиона граждан. В их деятельности, как в фокусе, концентрируются и многократно усиливаются необоснованные ограничения прав и свобод граждан, игнорирование интересов общества и государства, злоупотребления предоставленными должностными полномочиями, вызывая обоснованные возмущения граждан. Кроме того, всякое неправомерное вмешательство милиции в сферу частных интересов граждан подрывает доверие населения к органам государственной власти и приводит к нарушению социальной стабильности в обществе, выступает дестабилизирующим фактором. Милиция, как орган исполнительный власти, была сформирована в первые дни советской власти. Подавляющая часть населения страны позитивно приняла наименование «милиция» и категорических суждений по ее переименованию никогда не высказывала. Этимологический анализ содержания термина «милиция» как вооруженного отряда самообороны, и возникающее на этой основе желание ее переименовать на полицию скорее является умозаключением отдельной, незначительной части российской научной общественности. Представляется,

что именно поэтому сторонники этой точки зрения не могут привести сколь-нибудь значимых аргументов в развернувшейся дискуссии по этому вопросу. При этом часто наблюдается беспредметная ссылка на опыт зарубежных стран, которая для российской правоохранительной действительности не приемлема в силу нашего национального менталитета. Кроме отсутствия рациональных доводов, следует учитывать и существенный исторический фактор. В стране, в которой население целых областей в годы Великой Отечественной войны находилось под надзором у полицейцев, сформировалось крайне негативное, неприемлемое отношение к самому термину «полицейский». Что касается целесообразности переименования милиции на полицию, немаловажным аспектом выступает и учет предстоящих, совершенно неоправданных финансовых затрат. В условиях экономического кризиса, который переживает Российская Федерация, на современном этапе подобная смена декорации явно себя не оправдывает. Так, даже по самым скромным подсчетам специалистов, финансовые расходы на переименование милиции на полицию составят более 150 миллионов рублей [1].

Содержание и структура законопроекта. При безусловно важном юридическом значении каждого положения и предложенной формулировки отдельных статей обсуждаемого законопроекта его регулятивное значение и содержание во многом определяется точностью и юридической корректностью формулировок таких ключевых категорий, как: цели деятельности милиции, обоснованность возлагаемых на нее задач и функций, определение объема полномочий милиции, а также компетенция ее сотрудников. В соответствии со ст.1 законопроекта полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому

регулированию в сфере внутренних дел, и предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности.

Во-первых, предложенная формулировка громоздка по форме и малосодержательна по сути. Даже человеку, имеющему юридическое образование, трудно уловить основное предназначение полиции исходя из анализа этого положения. Кроме того, разработчики законопроекта в целях придания наукообразности этой дефиниции в одном определении попытались объединить функциональные цели полиции и министерства внутренних дел как федерального органа исполнительной власти, призванного осуществлять функции по выработке реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере борьбы с преступностью, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Подобное механическое соединение положений различных нормативных актов, разумеется, не способствует пониманию сущности полиции и вычленению ее основных признаков. Указание органов полиции на необходимость защищать жизнь, здоровье, права и свободы человека и гражданина размывает их роль и место с органами здравоохранения, социальной защиты и другими органами. Между тем в ст.1 действующего Федерального закона «О милиции» в качестве основной цели милиции сформулирована задача защиты прав и свобод, собственности, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Такая формулировка цели позволяет в последующем выстраивать соответствующие правоохранительные задачи, возложенные на милицию, и определить реализуемые ими повседневные функции.

Во-вторых, в предложенном законопроекте авторам не удалось

реализовать в целом продуктивную идею, высказанную рядом специалистов в сфере государственного управления, о необходимости освобождения органов внутренних дел от несвойственных им функций. Если исходить из содержания статьи первой действующего закона о милиции, то к ее услугам население должно прибегать лишь в следующих случаях:

- когда имеет место факт совершения правонарушения или общественно опасного деяния;

- создана ситуация, при которой возникает необходимость применения публичной меры государственного принуждения (физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия);

- созданы препятствия, не позволяющие реализовать законные права граждан и должностных лиц. При таком подходе к формированию задач милиции совершенно очевидно, что она должна быть освобождена от таких направлений деятельности, как охрана объектов (собственности) по договорам, организация прохождения технического осмотра автотранспорта, от участия в охране общественного порядка и общественной безопасности при проведении спортивных мероприятий непосредственно на территории стадионов и спортивных арен, оказания медицинской помощи по вытрезвлению лицам, находящимся в нетрезвом состоянии, выдворения за пределы территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства и некоторых других направлений. Реализация этой идеи позволит

значительно сократить численность сотрудников милиции (по нашим примерным подсчетам, наполовину, а оставшимся сотрудникам значительно повысить их денежное содержание).

В главе восьмой проекта раскрываются права сотрудников полиции. Если исходить из положений указанной главы, то они достаточно детализированы и повторяют отдельные положения корреспондирующего проекта федерального закона «О социальном обеспечении сотрудников полиции». Подобное положение нам представляется нецелесообразным. В статье тринадцатой перечисляются права полиции, которыми сотрудники наделены в целях реализации правоохранительных задач. Они отражены в сорока двух позициях, что значительно больше по объему, нежели в действующем законе «О милиции». В связи с этим некоторые специалисты и правозащитные организации обоснованно высказывают опасения о попытке восстановить в современной России режим полицейского государства. Думается, в окончательном варианте законопроекта объем прав сотрудников полиции должен быть значительно сокращен.

Кроме того, в обсуждаемом проекте часто встречаются бланкетные нормы, имеющие ссылку на несуществующие законодательные акты [2]. Разумеется, подобного рода пробелы должны быть устранены. В целом, предложенный законопроект должен быть существенным образом переработан, прежде всего, с привлечением специалистов в сфере организации деятельности органов внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская газета. - 2010. - 20 сен.
2. Статья 13 (п.16, п.14, п.20 и т.д.).

Я.И. Гишинский,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН, зав. кафедрой уголовного права юридического факультета РГУ им. А.И.Герцена, декан юридического факультета Балтийского института экологии, политики, права, профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, член Академии гуманитарных наук, Нью-Йоркской академии наук, Международной социологической ассоциации, Европейского союза криминологов, редакционного совета международного журнала «Police Practice and Research»

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ (ДЕВИАНТОЛОГИЯ) В 60-Е – 90-Е ГГ. XX СТОЛЕТИЯ

Впервые опубликовано в: Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века. СПбГУ, 2008. С. 101-123. В Вестнике КЮИ МВД России публикуется с согласия автора.

Дается развернутая характеристика истории становления, развития социологии девиантности и социального контроля как новой отрасли социологического знания. Описываются условия, этапы и специфика формирования девиантологии в России, ее проблемы и перспективы. Показывается состояние и развитие основных научных школ и исследовательских центров, раскрываются ключевые понятия и девиантологические концепты.

К истории отрасли

Каждое общество во все времена пыталось различными методами элиминировать поведенческие формы, признаваемые нежелательными (вредными, опасными). А мыслители, ученые старались объяснить существование негативных поведенческих форм и предложить меры по их устранению или же минимизации. За тысячелетия своего существования человечество перепробовало все мыслимые способы «искоренения» преступности, пьянства, «разврата», иных пороков, но – безуспешно.

Одной из первых научных концепций, объясняющих *девиантное (отклоняющееся) поведение*, была теория аномии Э. Дюркгейма (1858-1917). Его и принято считать основоположником *социологии девиантности и социального контроля*, хотя сам Дюркгейм не пользовался этой терминологией.

С тех пор в мировой социологии появилось множество трудов, посвященных проблемам девиантности и контроля над девиантными проявлениями

(преступность, наркотизм, пьянство, коррупция, терроризм, проституция и др.) [1]. Свыше четверти века выходит международный журнал «*Deviant Behavior*». В рамках Международной социологической ассоциации (ISA) действует Исследовательский комитет №29 «Девиантность и социальный контроль» («*Deviance and Social Control*»).

Российские предтечи

Формирование социологии девиантности и социального контроля в России складывалось непросто. Хотя в трудах отечественных социологов и криминологов содержалось немало идей, результатов исследований, посвященных проблемам девиантного поведения (К. Герман, М. Гернет, П. Сорокин и др.), однако до Октября 1917 г. не было ни соответствующей терминологии, ни понятийного аппарата, ни осознания девиантности и социального контроля как предмета специальной отрасли социологических знаний. В годы советского тоталитарного режима это направление не могло создаваться и

развиваться, как и социология в целом.

Характер и объем статьи не позволяют особенно углубиться в историю. Несомненно, давними и великими предшественниками отечественной (и *петербургской*!) девиантологии были и Питирим Сорокин, с его классическим трудом петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» [2], а также эссе о самоубийстве[3], и М.Н. Гернет, чьи труды по социологии преступности, наркотизма, пьянства, проституции, самоубийств, их взаимосвязях и зависимостях от социальных, демографических, политических и иных факторов сыграли огромную роль в становлении отечественной криминологии как социологии преступности, да и девиантологии в целом[4]. Впрочем, мне приходилось не раз писать о наших предшественниках[5].

Излишне напоминать, что развитие отечественной социологии было прервано десятилетиями сталинского режима с жесточайшей идеологической цензурой и фактическим запретом изучать явления, «чуждые советскому народу»...

Реальные условия для формирования *социологии девиантного поведения* появились в СССР только в период хрущевской «оттепели» и реанимации отечественной социологии. «Намеки» на девиантное поведение, его генезис, связи различных проявлений содержались уже в ведомственных ленинградских изданиях 1969-1970 гг. Так, в 1970 г. Ленинградской областной коллегией адвокатов был издан небольшой сборник статей к ленинскому юбилею (тиражом 600 экз. по цене 10 копеек...). В этом сборнике содержалась статья автора этих строк «Некоторые проблемы криминологии в свете ленинских идей». В этой статье говорилось, в частности, о преступлениях как одном из видов отклоняющегося поведения, о социально-историческом генезисе отклоняющегося поведения, о различении негативных и позитивных его

проявлений, о необходимости комплексного изучения нормального, негативно и позитивно отклоняющегося поведения[6]. Причем здесь «ленинские идеи»? Да просто это было обычным цензурным прикрытием для «протаскивания буржуазных идей», о чем мне вспомнили спустя несколько лет. Кстати, по той же причине принятый в мировой науке термин «*девиантное поведение*» заменен «*отклоняющимся*»: во избежание обвинений в «преклонении перед Западом»...

Но лишь в 1971 г. были изданы небольшие по объему работы двух ленинградских авторов, которые независимо друг от друга решились написать о девиантном (отклоняющемся) поведении, вынеся эти слова в заглавие[7]. В этих работах ставился вопрос о необходимости рассмотрения различных нежелательных для общества нормонарушающих проявлений с позиции более *общей социологической теории*, поскольку девиантное поведение есть именно *социальный* феномен, различные его виды имеют общий генезис, находятся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических и социальных условий. Отмечалось значение понимания и выбора критерия (точки отсчета) «отклонения», оценки и измерения его величины, а также – *направленности*. Ибо, с точки зрения одного из авторов – Я. Гилинского, отклоняющееся поведение может быть как со знаком «-» (*негативное* – преступность, наркотизм, коррупция и т.п.), так и со знаком «+» (*позитивное* – социальное, научное, художественное, техническое и иное творчество). Эта позиция отстаивалась мною и в более поздних работах[8] и была поддержана другими исследователями, в частности, А.М. Яковлевым[9]. Впрочем, в литературе эта проблема носит дискуссионный характер. Так, В.Н. Кудрявцев, много сделавший для становления девиантологии в России, не разделяет мою позицию в отношении позитивных девиаций[10].

Разумеется, в ранних отечественных публикациях отдавалось должное

марксизму-ленинизму, решениям последнего съезда КПСС (Пленума ЦК КПСС), содержались идеологически вынужденные положения (о преимуществах социалистической системы и пороках капиталистической и т.п.). Подробнее об этом и других «маленьких хитростях» (публикация результатов одного исследования частями в разных городах и республиках – чаще в Эстонской ССР, написание цифровых данных словами – «пятнадцать процентов» вместо «15%», что могло «проскочить» мимо зоркого цензора Горлита, и т.п.) было рассказано мною на международной научной конференции, посвященной ленинградской социологической школе[11].

Впрочем, и эта обязательная атрибутика тех лет не спасла от обвинений в том, что Гилинский «оказался в плену» буржуазных идей, а выдвигаемые им положения имеют «чуждую нам идеологическую окраску», тогда как нам «нельзя делать уступок проникновению в какой-либо форме буржуазных идей» [12].

Говоря о становлении и развитии в России социологии девиантности и социального контроля, следует подчеркнуть вклад академика В.Н. Кудрявцева, чьи труды отличались новаторством и одновременно служили «крышей» для менее именитых «девиантологов» [13].

Формирование и развитие девиантологии в СССР и России

С конца 70-х – начала 80-х годов социология девиантности и социального контроля шаг за шагом развивается на территории СССР. В Москве активно работает группа профессора Б.М. Левина в Институте социологии АН СССР. Преимущественный объект группы Левина – пьянство и алкоголизм, а также наркотизм. Невозможно переоценить роль международных и отечественных конференций по социологии девиантности, организуемых Б.С. Левиным, а также выпускаемых под его редакцией сборников научных трудов[14]. В настоящее время сектор девиантного

поведения ИС РАН продолжает работать под руководством М.Е. Поздняковой[15].

Огромны заслуги *грузинской* девиантологической школы, возглавляемой профессором А. Габиани. Его труды посвящены наркотизму, проституции, пьянству и алкоголизму, женской преступности и иным проявлениям девиантности[16].

Активно развивается социология девиантности у ближайших ленинградских соседей - *эстонских* коллег (А. Лепс, Э. Раска, Ю. Саар) [17]. Благодаря им стали возможны и многие публикации ленинградских авторов, чьи труды были «непубликабельны» в условиях бдительной ленинградской цензуры.

Девиантное поведение подростков изучает группа *белорусских* коллег - Н. Голубкова, Л. Новикова, Д. Ротман, а также Е. Мальченков, до сего времени представляющий социологию девиантности в Белоруссии.

Исследованиями девиантного поведения занимались А. Баимбетов в *Башкирии*, С. Ворошилов в *Молдавии*.

И все же основным центром девиантологических исследований остается *ленинградская - петербургская* школа. Неслучайно председателем комитета социологии девиантного (отклоняющегося) поведения Советской социологической ассоциации (ССА) избирался Я. Гилинский. Одними из первых ее представителей следует назвать также В.С. Афанасьева и И.В. Маточкина, которые еще в 70-е гг. со студенческой скамьи увлеклись проблемами девиантного поведения[18].

Наряду с разработкой теоретических подходов к пониманию девиантности и ее различных проявлений (преступность, наркотизм, пьянство, самоубийства, а также творчество), уже в 70-е гг. ушедшего столетия ленинградцам удалось осуществить ряд эмпирических исследований. Это стало возможным, в частности, в связи с интересом к проблемам *комплексного социально-экономического планирования* предприятий и регионов. «Модное»

направление, родившееся в Ленинграде и поддержанное Ленинградским ОК КПСС и «лично Г.В. Романовым» [19], требовало экономических и социологических исследований. А как прописать в их числе девиантологическую тематику – было делом техники и выработанной при советской власти эзоповой «мудрости» исследователей.

Так, нам удалось – в рамках НИИ комплексных социологических исследований (НИИКСИ) при Ленинградском государственном университете – провести серию эмпирических исследований преступности, пьянства, суицидального поведения, трудовых правонарушений в Ленинграде, Орле, Мурманске, Пскове (разумеется, по заказу соответствующих ОК КПСС). Некоторые результаты этих исследований были частично, насколько позволяла цензура, опубликованы [20]. Следует особо отметить комплексное социологическое исследование социальных проблем Орла, включая позитивные и негативные девиации, проведенное по инициативе и под руководством Л.И. Спиридонова [21]. Хотя и в этом случае не обошлось без руки цензора (на с. 96 упомянутой книги после второй корректуры исчезли данные о преступности), однако впервые удалось совместить в одной монографии теоретические предпосылки и некоторые результаты большого эмпирического исследования. Достаточно упомянуть, что наряду с выборочным опросом населения Орла был осуществлен опрос в трех исправительно-трудовых колониях на территории Орловской области, изучены материалы расследований по фактам самоубийств, проанализированы данные открытой и «закрытой» (первый секретарь ОК КПСС дал указание!) статистики, и все это – на фоне и в связи с исследованием социальной стратификации и социальных перемещений населения города. В результате были выявлены корреляционные зависимости между социальным статусом и девиантными проявлениями, нетривиальные взаимосвязи территориального

распределения различных форм девиантности и др. Так, были установлены обратные корреляционные связи между степенью алкоголизации и уровнем преступности, между уровнем убийств и уровнем самоубийств и др. Это привело к выдвижению гипотезы об «интерференции» различных форм девиантного поведения: в некоторых случаях одни проявления девиантности усиливают другие (алкоголизация и тяжкие насильственные преступления), в других случаях происходит «сбивание волны», когда одни проявления девиантности «глушат» другие (алкоголизация и корыстные преступления, наркотизация и преступность). Проверка и конкретизация этой гипотезы нуждается в дальнейшей основательной проверке.

Примером единого теоретического и методического подхода к изучению преступности, пьянства, самоубийств в рамках общей теории девиантности может служить методика выявления *групп риска* («криминального», «алкогольного», «суицидального» и обобщенного – «девиантного»), предложенная Н.Н. Проскурниной и апробированная в эмпирических исследованиях [22]. Группы формировались по совокупности таких социально-демографических свойств, как пол, возраст, образование, социальное и семейное положение. Для каждого вида девиантности были выбраны свои показатели (например, для пьянства – заболевание хроническим алкоголизмом, употребление алкогольных напитков не реже четырех раз в неделю, помещение в медвытрезвитель, размер душевого потребления алкоголя). Были рассчитаны частные коэффициенты криминальной, алкогольной, суицидальной активности и общий коэффициент девиантности.

Позднее, в 80-е гг. в Ленинградском институте социально-экономических проблем (ИСЭП) АН СССР была образована группа изучения проблем пьянства и алкоголизма (руководитель – В. Карпов). В 1989 г. ленинградские исследователи девиантности смогли, наконец, объединиться на базе вновь

созданного Ленинградского филиала Института социологии АН СССР (позднее – РАН): группа, а затем и сектор социологии девиантного поведения, позднее – сектор социологии девиантности и социального контроля, или Центр девиантологии. Ряд ленинградцев-петербуржцев продолжали исследование различных проблем девиантности на базе других учреждений (В. Гордин – социология и экономика алкопотребления, В. Зобнев – социальная психология пьянства и наркотизма, Н. Кофырин, Ф. Махов, А. Сукало – девиантность подростков и др.) [23]

Именно в Санкт-Петербурге формируется новое направление не только отечественной, но и мировой социологии девиантности – *военная девиантология* [24].

В Петербурге же выходит *первое* отечественное учебное пособие по курсу социологии девиантности и социального контроля [25], а также *первое* в стране учебное пособие по суицидологии [26].

На базе теоретических и эмпирических исследований заложены основы *моделирования* девиантных проявлений.

Постепенно – с конца 80-х - начала 90-х гг. – начинают развиваться и крепнуть международные связи. Проводятся совместные конференции, осуществляются международные проекты. Среди множества последних нельзя не назвать многолетний проект «*Baltic Study*» (1991-1996) по сравнительному исследованию различных форм девиантности стран Балтийского региона (руководитель – проф. Ю. Симпура, Финляндия), один из первых в стране проектов эмпирического исследования организованной преступности «*Organized Crime Centers in Russia*» (1995-1997, координатор – проф. Л. Шелли, США), серия первых отечественных исследований детской проституции (1999-2002, координаторы Дж. О'Коннел-Девидсон, М. Юркинен, Э. Марконен и др., Великобритания, Финляндия). Петербургские девиантологи являются членами 29 Исследовательского комитета *Deviance and Social Control*

Международной социологической ассоциации и выступали с докладами на XIII (1994, Билефельд, Германия) и XV (2002, Брисбен, Австралия) Международных социологических конгрессах. География участия петербургских девиантологов в международных конференциях, симпозиумах и семинарах – от Скандинавии до Турции, от США до Бразилии и Чили, от Таиланда и Японии до Австралии и Новой Зеландии (всего более чем в 40 странах).

День сегодняшний и день завтрашний

Конец XIX – начало XX веков характеризуются в России резким возрастанием интереса к исследованиям девиантности и социального контроля над ней, что неудивительно с учетом динамики объекта девиантологии...

Возникают все новые и новые центры изучения девиантности.

Нельзя не назвать *казанскую* школу, представленную трудами Ю.Ю. Комлева, И.В. Мкртумовой, А.Л. Салагаева, Н.Х. Сафиуллина, И.Г. Ясавеева и др. [27] Это активно работающие девиантологи, сочетающие интересные теоретические построения (в частности, труды Ю. Комлева, конструктивизм И. Ясавеева) с эмпирическими исследованиями наркотизма, подростковой делинквентности и др. В ноябре 2005 г. в рамках Первых казанских социологических чтений успешно работала секция «Социология девиантного поведения».

Активно развивается девиантология в *Тюмени* (С.Г. Ольков, И.А. Грошева, И.Л. Грошев, Э.Г. Юзиханова и др.). В октябре 2003 г. тюменские коллеги организовали и провели на базе Тюменского юридического института МВД РФ Всероссийскую научно-практическую конференцию «Девиантология в России: история и современность» [28]. В Тюмени, благодаря профессору С.Г. Олькову, произошел прорыв математического моделирования девиантных проявлений [29].

Интересное исследование проведено

О.В. Теплоуховой во *Владивостоке*. В своей кандидатской диссертации «Экспертные суждения о риске потребления алкоголя, табака и наркотиков в контексте трансформации общества» (Владивосток, 2005) она, в частности, приходит к тем же выводам, что И.Г. Ясавеев в докторской диссертации «Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации» (Казань, 2006) и М.Г. Мацкевич в кандидатской диссертации «Наркотизм как предмет социологического исследования» (Санкт-Петербург, 2006): в России благодаря популизму политиков и деятельности СМИ происходит гиперпроблематизация наркотизма при депроблематизации алкопотребления и табакокурения.

В *Ульяновске* трудится проф. Ю.А. Клейберг, чьи многочисленные труды по теории девиантного поведения и подростково-молодежной девиантности пополнились монографией «Социальная психология девиантного поведения» (Москва-Ульяновск, 2005).

В апреле 2006 г. в *Нижем Новгороде* успешно прошла Международная научно-практическая конференция «Девиация и делинквентность: социальный контроль».

Как уже говорилось, продолжают работу *москвичи* в секторе девиантного поведения СИ РАН под руководством М.Е. Поздняковой.

В рамках *петербургской* школы проводятся многочисленные эмпирические исследования (организованной преступности, наркотизма, пьянства и алкоголизма, коррупции, проституции, включая детскую, взаимоотношения полиции и населения, практики применения пыток и многие другие) и выходят фундаментальные труды [30].

Думаю, будет справедливым кратко остановиться на некоторых персонах петербургской школы девиантологии.

Бараева Н.Б., к.с.н., зав. кафедрой Балтийского института экологии, политики, права. Научные интересы – организованная преступность как социальный институт, соотношение

нормативного порядка и девиантности.

Белоусов К.Ю., к.с.н., старший научный сотрудник СИ РАН. Основное исследовательское поле – социальный контроль над девиантным поведением. Непременный участник проектов сектора социологии девиантности и социального контроля СИ РАН. Совмещает исследовательскую работу с преподавательской.

Гилинский Я.И., д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник СИ РАН, профессор Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, зав. кафедрой уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, автор свыше 370 научных публикаций.

Гольберт В.В., PhD Гамбургского университета, к.с.н., зав. сектором социологии девиантности и социального контроля СИ РАН. Талантливый ученый с хорошим знанием мировой социологии. Свободное владение английским и немецким языками. Основные интересы – теория социологии, концепция безопасности, карательные притязания. В ряду многочисленных публикаций монография «Innere Sicherheit in unterschiedlichen gesellschaftlichen Kontexten» (Lit Verlag, 2003).

Гурвич И.Н., д.психол.н., главный научный сотрудник СИ РАН, профессор факультета психологии СПбГУ. Основные интересы – методология социологических исследований, аддиктивные формы девиантности (наркотизм, пьянство и алкоголизм). В числе многочисленных публикаций фундаментальная монография «Социальная психология здоровья» (СПбГУ, 1999. 1024 с.).

Клепиков Д.В., к.с.н., старший преподаватель Военно-морской академии им. Н.Г. Кузнецова. Один из основателей военной девиантологии. Автор многочисленных работ, включая очень интересное диссертационное исследование «Дедовщина как социальный институт» (СПб., 1997).

Костюковский Я.В., к.с.н., старший научный сотрудник СИ РАН. Хорошо известен в России и за рубежом как

исследователь организованной преступности в России. Соответствующие публикации на русском, английском, французском, польском и др. языках.

Мацкевич М.Г., к.с.н., старший научный сотрудник СИ РАН. Основные научные интересы – методология эмпирических исследований, общественное мнение, наркотизм. Сочетает научные и публицистические работы.

Румянцева Г.А., научный сотрудник СИ РАН. Научные интересы – социология суицидального поведения.

Русакова М.М., к.с.н., старший научный сотрудник СИ РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, директор Санкт-Петербургской общественной организации социальных проектов «Стеллит». Область научных интересов – социология наркотизма, проституции.

Шипунова Т.В., д.с.н., доцент факультета социологии СПбГУ. Основные научные интересы – теория девиантности, агрессия и насилие. Автор оригинальной общей социологической теории девиантности, основанной на видении причин девиантности в социальной несправедливости[31].

Кроме того, многие петербургские ученые занимаются исследованием отдельных проявлений девиантности: преступности (профессора С.Ф. Милюков, Д.А. Шестаков, доцент А.Л. Сморгунова и др.), организованной преступности (к.с.н. О.Г. Цыплакова), экономической преступности (д.ю.н. Б.В. Волженкин, д.э.н. В.В. Колесников, к.с.н. Р.Г. Оленев), суицидального поведения (к.с.н. А.Е. Мальченкова), проституции (д.ф.н. С.И. Голод, к.с.н. А.А. Клёцин, к.с.н. А. Яковлева), социального контроля (д.с.н. О.А. Лиходей) и др.

Социологические исследования девиантности и социального контроля дополняются психологическими трудами петербургских коллег[32].

Наконец, петербургские девиантологи принимают посильное участие в деятельности многочисленных

общественных организаций, осуществляющих социальную помощь «униженным и оскорбленным» (Фонд «Ночлежка», Фонд «Возрождение», «Матери против наркотиков», «Общественный центр содействия реформе уголовного правосудия», Центр «Судебно-правовая реформа», Благотворительный некоммерческий фонд «Здоровое будущее» и др.).

Таким образом, можно утверждать, что с конца 60-х – начала 70-х гг. прошлого века именно в Ленинграде впервые в отечественной социологии зарождается и формируется относительно самостоятельная специальная социологическая теория – социология девиантности и социального контроля (девиантология). Это отнюдь не умаляет значение трудов наших коллег из других регионов России и республик бывшего СССР. Не следует также забывать, что за рубежом это направление формировалось и развивалось значительно раньше.

К достижениям ленинградской-петербургской школы девиантологии можно отнести:

- начало формирования и развитие социологии девиантности и социального контроля в СССР - России;
- разработку теоретических основ отечественной девиантологии;
- разработку и реализацию многочисленных программ эмпирических социологических исследований преступности, организованной преступности, девиантности подростков, пьянства, наркотизма, суицидального поведения, коррупции, проституции (включая детскую), а также деятельности органов и организаций социального контроля над девиантностью (милиция, пенитенциарные учреждения, правозащитные организации);
- издание первых в стране учебных пособий по девиантологии и ее отдельным направлениям;
- многолетний мониторинг различных проявлений девиантности в Санкт-Петербурге, России в сравнении с

зарубежными странами;

- обеспечение вхождения отечественной девиантологии в мировую науку (многочисленные публикации на английском, венгерском, итальянском, немецком, норвежском, польском, финском, французском, японском и др. языках; участие в многочисленных международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, семинарах);

- формирование военной девиантологии.

Юный (скорее даже младенческий) возраст девиантологии обуславливает отсутствие в ней устоявшихся понятий, устойчивой структуры, общепризнанных закономерностей существования и развития ее предмета. Это одновременно и «недостаток», и «достоинство» девиантологии: она *открыта для эволюционных и «революционных» изменений парадигм, для новых открытий.*

У девиантологии сильно деформировано одно крыло: относительно развитые знания о негативных девиациях при весьма скромных (зачаточных) представлениях о девиациях позитивных. За этим скрывается *огромное исследовательское поле.*

Девиантология больше, чем какая-либо другая общественная наука, свидетельствует о *релятивности, конвенциональности социальных конструкций* («девиация», «преступность», «наркотизм», «проституция», «коррупция», «терроризм», «творчество» и др.), об относительности и взаимодополнительности «добра» и «зла» в реальной жизни, «где порок переплетен с добродетелью и где из добра рождается зло, а из зла – добро» [33].

Как *все* науки, девиантология *интернациональна*. Тем важнее освоение и усвоение международного опыта, *активное вхождение отечественной науки в мировую.* Изоляционизм – гибель науки.

Увлекательная в своих теоретических построениях, девиантология по сути своей весьма *практична* – она выявляет закономерности, возможности социального контроля над девиантностью, как в целях минимизации негативных отклонений, так и для максимального

развития позитивных девиаций, творчества.

Основные положения отечественной девиантологии

Каковы же основные содержательные идеи отечественной девиантологии?

Девиации («отклонения») присущи всем уровням и формам организации мироздания. В физике и химии отклонения обычно именуются *флуктуациями*, в биологии – *мутациями*, на долю социологии и психологии выпали *девиации*.

Существование каждой системы (физической, биологической, социальной) есть динамическое состояние, единство процессов *сохранения и изменения*. **Девиации (флуктуации, мутации) служат механизмом изменчивости, а следовательно, существования и развития каждой системы.** Отсутствие девиаций системы означает ее не-существование, гибель.

Чем выше уровень организации системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают *изменения как «средство» сохранения.*

Неравновесность, неустойчивость становится источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктуации»). Поэтому для биологических и социальных систем характерен переход от гомеостаза (поддержание сохранения, стабилизированного состояния) к гомеорезу (поддержанию изменений, стабилизированному потоку) [34].

Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются (*конструируются*) как результат отражения в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она

является «естественной», «нормальной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, религиозного, политизированного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается *анормальной* сама социальная «норма», «нормальны» же (функциональны, адаптивны) отклонения от нее.

Вот почему принципиальным для понимания социальных отклонений и предмета девиантологии как науки является осознание *относительности, релятивности* социальной «нормы» и социальных «отклонений». В реальной действительности не существует видов деятельности, форм поведения «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию, *per se, sui generis*. Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся (установленных, *сконструированных*) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»). Даже умышленное причинение смерти другому человеку может быть преступным (убийство) или же «нормальным», легальным – убийство врага на войне, исполнение приговора к смертной казни, необходимая оборона.

Девиантность – социальный феномен, выражающийся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям.

Девиантность как социальное явление реализуется через *девиантное поведение* – поступки, действия человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям.

Девиантология (социология девиантности и социального контроля) – наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них

(социальный контроль). В перспективе она может стать общей теорией девиаций в природе и обществе.

Когда девиантология изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм – не более. В другом обществе, в другое время рассматриваемая «девиантность» может не быть таковой.

Социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двойное значение. Одни из них – *позитивные* – выполняют негэнтропийную функцию, служат средством (механизмом) *развития* системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это – социальное *творчество* во всех его ипостасях. Другие же – *негативные* – дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и др.

Границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. В одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры (от научного сообщества и художественной богемы до преступных сообществ и субкультуры наркоманов). И то, что «нормально» для одной из них, – «девиантно» для другой или для общества в целом. Наконец, организация и дезорганизация, «норма» и «отклонение», энтропия и негэнтропия *дополнительны* (в понимании Н. Бора). Их сосуществование неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы.

Вот почему девиантологическая концепция *социального контроля* над девиантными проявлениями исходит из *функциональности* всех существующих, не элиминированных в процессе исторического развития человечества «отклонений», из их принципиальной

неустранимости. Речь может идти лишь о разумной «корректировке» различных видов девиантности с целью минимизировать негативные и оптимизировать позитивные.

Во все времена люди тщетно пытались «ликвидировать» нежелательные виды поведения. При этом человечество испробовало все мыслимые методы воздействия на «девиантов», включая пытки, квалифицированные виды смертной казни, калечение, галеры, каторгу, тюрьмы.

Лишь со временем стали осознаваться некоторые закономерности социального «зла». Во-первых, как отмечалось, не существует поведенческих форм, «девиантных», преступных по своему содержанию. Все виды девиантности суть социальные *конструкты* [35]. Общество или государство определяют, что в данное время признается недопустимым, нарушающим моральные или правовые нормы (напомним, что в средневековой Испании курение табака наказывалось смертной казнью, употребление каннабиса легально в современной Голландии, а потребление вина недопустимо в исламском мире).

Во-вторых, девиации в природе (флуктуации, мутации) и обществе служат *механизмом изменчивости*, а следовательно, существования и развития каждой системы. Как заметил еще Лукреций, без «отклонений» (*clinamen*) «ничего никогда породить не могла бы природа» [36].

В-третьих, все виды и формы человеческого поведения, которые неадаптивны, нефункциональны, давно элиминировались в процессе человеческой истории. А те, что остались - адаптивны, функциональны и, следовательно, по Гегелю, «разумны» («имеют основание») [37].

Какие же социальные функции, явные или латентные (Р.Мертон), выполняют различные виды девиантности?

Еще Э. Дюркгейм утверждал *нормальность* преступности, точнее, определенного ее уровня, для любого

общества. «Преступность – нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно». Более того, «сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит» [38]. Дюркгейм ссылаясь при этом на Сократа, приговоренного соотечественниками к смертной казни, но служившего провозвестником новой морали. А разве не служили предтечами новых – рыночных отношений такие «преступления» советского периода, как «спекуляция», «валютные операции», «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество»?

В своей статье 1981 года я называл такие функции *преступности*, как экономическая (перераспределение товаров и услуг в условиях государственной экономики), политическая (форма протеста против существующих общественных отношений), культурологическая (средство самоутверждения личности, субкультура, определенный образ жизни) [39].

В американской литературе описываются функции *коррупции*: упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др. [40]

Потребление *наркотиков и алкоголя* выполняет следующие функции: *анестезирующую* (снятие или уменьшение боли), *седативную* (успокаивающую, снижающую напряжение), *психостимулирующую* (наряду с чаем или кофе), *интегративную* (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков и алкоголя может служить формой социального *протеста*, средством *идентификации* (показателем принадлежности к определенной

субкультуре), а потребление некоторых из сортов – «элитарных», «престижных» (например, кокаина, французского коньяка) играет *престижно-статусную* роль. Вот, кстати, почему я убежден, что рано или поздно потребление наркотиков будет легализовано во всем мире. Это – единственный способ «победить» наркомафию, так же как отмена «сухого закона» в США привела в тридцатые годы минувшего столетия к ликвидации бутлегерства.

Еще древние, включая апостолов христианства, понимали функции *проституции*. Один из современников Солона (VI в. до н. э.), впервые открывшего публичные дома, воспевает его: «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». В этом величании «выдается» одна из социальных функций проституции: служить предохранительным клапаном моногамного брака. Святой Августин восклицает: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторит Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!». Остается лишь удивляться нынешним российским борцам за нравственность, требующим криминализировать проституцию.

Распространенность *гомосексуализма* известна издревле. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в Древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме. Более того, гомосексуализм распространен и в животном мире (владельцам собак-кобелей это хорошо известно).

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1-6% мужчин и 1-4% женщин. Эти цифры – «нижний предел», т.к. общее

число мужчин и женщин, имевших гомосексуальный контакт хотя бы раз в жизни, доходит, по мнению Кинзи, до 48% мужчин и 19% женщин [41] (27% по данным К. Дэвиса).

Из всех видов девиантности *истинный* или *врожденный* гомосексуализм, по-видимому, наиболее «биологичен» (а следовательно, и нормален) по своей природе. Высказываются обоснованные сомнения в том, можно ли гомосексуализм относить к социальным *отклонениям*. Вообще гендерная идентификация индивида вовсе не столь очевидна, как это представляется обыденному сознанию. Наглядной иллюстрацией сложности гендерной идентификации служит *гермафродитизм* – врожденная двойственность репродуктивных органов, когда пол индивида нельзя однозначно определить ни как мужской, ни как женский. В случаях же *транссексуализма* лицо не только ощущает свою принадлежность к противоположному полу, но и упорно стремится к соответствующему изменению, в том числе хирургическим путем. Направленность сексуального влечения может быть не только гетеро- или гомосексуальной, но и *бисексуальной* (влечение к лицам обоего пола).

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм *нормальны* в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора.

Я столь подробно остановился на проблеме гомосексуализма, поскольку последние события с запретом, а затем жестоким разгоном демонстрации геев в Москве (май 2006 г.) лишние раз свидетельствуют о нашей дремучести, нетерпимости, ксенофобии. Кстати, в развитых странах – Великобритании, Германии, США и др. гомофобия – явно

выраженное отрицательное отношение к гомосексуалистам – расценивается как тяжкое преступление (*hate crime* – преступление ненависти) наряду с преступлениями, совершенными по мотивам национальной, расовой, религиозной ненависти[42]. Так что преследование гомосексуалистов в мае 2006 г. в Москве есть уголовное преступление, с точки зрения цивилизованных стран.

Наконец, все виды девиантности выполняют существеннейшую функцию: разграничение дозволенного / недозволенного и интеграция, консолидация нормопослушных граждан, противопоставляющих себя девиантам.

Вышесказанное отнюдь не преследует

цель «оправдания» всех девиантных проявлений. Пафос изложенного – в призыве задуматься о природе и функциях различных социальных явлений, а следовательно, и об адекватных формах и методах социального контроля, в отличие от истерии и кликушества с соответствующими требованиями: «усилить борьбу», «сажать», «стрелять»... Кстати, не забудем, что высшие достижения человеческого духа – науки, искусства, литературы – есть также «отклонения», девиации, «ненормальности», только весьма положительные, хотя нередко осуждаемые собратьями по творчеству (да и профанами).

ЛИТЕРАТУРА

1. См., например: Bryant C. (Ed.) Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. -Vol. I-IV. Brunner-Routledge, 2001; Lamnek S. Theorien abweichenden Verhaltens. Vierte Auflage.- München: W. Fink Verlag, 1990; Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary.- NY.: Continuum, 1994. Обзор на русском языке в: Гишинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». -СПб., 2004.
2. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда.- СПб., 1914.
3. Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление. -Рига, 1913.
4. См., например: Гернет М.Н. Избранные произведения. -М., 1974; Он же. Моральная статистика (Уголовная статистика и статистика самоубийств). -М., 1922.
5. Гишинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля //Социология в России / ред. В. Ядова. -М., 1998. -С. 587-609; Он же. Петербургская девиантология и девиантность в Петербурге //Санкт-Петербург в зеркале социологии / ред. В. Козловский. - СПб., 2003.- С. 396-411; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гишинский. - СПб., 2000.
6. Гишинский Я.И. Некоторые проблемы криминологии в свете ленинских идей // В.И. Ленин - выдающийся государственный деятель и юрист / ред. Е. Малев, Я. Гишинский. -Л., 1970. - С. 14-20.
7. Гишинский Я.И. Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество.- Л.: ЛГУ, 1971. - Вып.8. - С. 113-118; Он же. Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения» // Преступность и ее предупреждение. - Л.: ЛГУ, 1971. - С. 95-100; Здравомыслов А.Г. Методологические проблемы изучения девиантного поведения // Материалы социологического симпозиума. - Ереван, 1971. - С. 6-9.
8. Гишинский Я.И. Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. - 1990. - №2. - С. 41-49.
9. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. - М., 1982.- С. 152-153.
10. Социальные отклонения. - М., 1989. -С. 97-101.
11. Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы). - М. – СПб., 1998.- С.77-80.
12. Звирбуль В.К. Проблема преступности в свете борьбы социалистической и буржуазной идеологий // Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1975. - Вып. 23. - С. 3-14.

13. Кудрявцев В.Н. Социологические проблемы исследования антиобщественного поведения // Социологические исследования. - 1974. - №1; Он же. Правовое поведение: норма и патология. - М., 1982; два издания (1984, 1989) монографии «Социальные отклонения» под редакцией и при соавторстве В.Н. Кудрявцева и др.
14. За здоровый образ жизни (Борьба с социальными болезнями) / ред. Б. Левин. - М., 1993.
15. Наркомания как форма девиантного поведения / ред. М. Позднякова. - М., 1997; Наркомания: Ситуация, тенденция и проблемы / ред. М. Позднякова. - М., 1999; Наркотизация населения в современной России: Специфика, субъекты, динамика / ред. М. Позднякова. - М., 2003; Девиантное поведение: методология и методика расследования / ред. М. Позднякова. - М., 2004; Девиантное поведение в современной России в фокусе социологии / ред. М. Позднякова и А. Салагаев. - М., 2005 и др.
16. Габиани А.А. Наркотизм (Конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). - Тбилиси, 1977; Он же. Наркотизм: Вчера и сегодня. - Тбилиси, 1988; Габиани А.А., Мануильский М.А. «Цена любви» (Обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. - 1987. - №6. - С. 61-68; Некоторые результаты социально-экономического исследования пьянства и алкоголизма (По материалам Грузинской ССР) / ред. А. Габиани. - Тбилиси, 1979 и др.
17. Отклоняющееся поведение молодежи / ред. Э. Раска. - Таллин, 1979; Лепс А. Влияние социально-демографических процессов на преступность. - Таллин, 1981; Гишинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. - Т. 30. - 1981. - №2, а также ежегодники Ученых записок Тартуского университета с 1985 по 1991 гг.
18. Афанасьев В.С., Маточкин И.В. К вопросу о понятии антисоциального поведения // Вестник ЛГУ. - 1979. - Вып. №3.
19. Г.В. Романов долгие годы был первым секретарем Ленинградского ОК КПСС.
20. Человек как объект социологического исследования / ред. Л. Спиридонов, Я. Гишинский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977; Эффективность действия правовых норм / ред. А.С. Пашков. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1977; Отклоняющееся поведение молодежи / ред. Э.Раска. - Таллин, 1979.
21. Человек как объект социологического исследования / ред. Л. Спиридонов, Я. Гишинский. - Л., 1977.
22. Проскурнина Н.Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения // Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности: Ученые записки Тартуского университета. - Тарту, 1985. - С. 84-91.
23. Кофырин Н. Криминогенные молодежные группы по месту жительства. Их правосознание и жизненные ориентации // Трудные судьбы подростков – кто виноват? - М., 1991. - С. 125-133; Сукало А.А. Педагогические основы профилактики правонарушений в сфере подростково-молодежного досуга. - СПб., 1996; Gilinskiy Y., Zobnev V. The Drug Treatment System in Russia: Past and Present, Problems and Prospects. In: Klingeman H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications, 1998. - Pp. 117-123.
24. Ворошилов С., Гишинский Я. Военная девиантология. - Кишинев, 1994; Клепиков Д. В. Дедовщина как социальный институт: дис. ... канд. социологических наук. - СПб., 1997; Вагин В.С., Клепиков Д.В. Девиантное поведение военнослужащих. - СПб., 1998; Вагин В.С. Военная девиантология: Теория, методология, библиография. - М., 2001 и др.
25. Гишинский Я., Афанасьев В. Социология отклоняющегося (девиантного) поведения: учебное пособие. - СПб., 1993.
26. Гишинский Я., Юнацкевич П. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии: учебное пособие. - СПб., 1999.
27. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения: вопросы теории. - Казань, 2000; Они же. Социология девиантного поведения. - Казань, 2003 (последнее издание

- 2006); Мкртумова И.В. Социальная конструкция девиантного поведения в различных социальных институтах (на примере исследований по Республике Татарстан). -Казань, 2005.
28. Девиантология в России: история и современность: сборник тезисов докладов... -. Тюмень, 2003.
29. Ольков С.Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция. - Новосибирск, 1999; Он же. Математическое моделирование в юриспруденции, этике и девиантологии. - Тюмень, 2006; Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. - Тюмень, 2005; Скифский И.С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. - Красноярск, 2006.
30. Социальный контроль над девиантностью в современной России / ред. Я. Гилинский. - СПб., 1998; Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): Тенденции и социологическое осмысление / ред. Я. Гилинский. - СПб., 2000; Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность / Я. Гилинский и др. - СПб., 2001; Кесельман Л., Мацкевич М. Социальное пространство наркотизма. - СПб., 2001; Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. - СПбГУ, 2003; Гилинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». - СПб., 2004; Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. - СПб., 2006.
31. Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. = СПбГУ, 2003; Она же. Опыт построения социологической теории девиантности (теоретико-методологические проблемы): дис. ... д-ра соц. наук. - СПб., 2004.
32. Горьковая И.А. Личность подростка – правонарушителя. СПбГУ, 2005; Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: учебное пособие.- СПбГУ, 2001 (изд. 3-е, 2006); Лабковская Е.Б. Юридическая психология: Теория девиантного поведения. - СПбГУ, 2000; Первова И.Л. Асоциальное поведение детей и подростков.- СПбГУ, 1999.
33. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в двух томах. - М., 1971. - С. 544.
34. На пути к теоретической биологии: 1. Прологомены. - М., 1970.
35. Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. - СПб., 2002. - С. 30-39; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. - Казань, 2004.
36. Лукреций. О природе вещей. - М., 1958. - С.68.
37. См.: Гилинский Я. «Все действительное разумно» // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологических исследований / ред. Н. Лопашенко. Вып.2. - Саратов, 2006. - С. 154-157.
38. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. - М., 1966. -С. 40,43.
39. Гилинский Я.И. О системном подходе к преступности // Правоведение. -1981.-№5. - С. 54.
40. Left N. Economic Development trough Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. – 1964. - VIII; Scott J. Comparative Political Corruption. - Englewood Cliffs, 1972.
41. Kinsey A., Pomeroy W., Martin C. Sexual Behavior in the Human Male. Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1948; Kinsey A., Pomeroy W., Martin C., Gebhard P. Sexual Behavior in the Human Female. - Philadelphia, PA: W.B. Saunders, 1953.
42. Hall N. Hate Crime. Willan Publishing, 2005; Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998; Гилинский Я. «Hate crimes»: теория и российская реальность // Сибирский криминологический журнал. - 2006.- №2.

Ю.Ю. Комлев,

доктор социологических наук, профессор,
начальник кафедры философии, политологии, социологии и
психологии Казанского юридического института МВД России

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ И ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО
КОНТРОЛЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕСТРИКТИВНОГО ПОДХОДА**

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант №09-03-00172а.

В статье раскрываются генезис и основные положения консервативной, либеральной стратегий социального контроля и соответствующих им практик. Показано влияние либеральных идей в обосновании приоритета превенции над репрессией, в декриминализации уголовного законодательства, обозначен потенциал рестриктивного подхода в совершенствовании социального контроля.

В социологии девиантного поведения временные периоды, в ходе которых состоялся генезис теоретических моделей и практик социального контроля, выделяют в зависимости от типа общества и уровня развития социальной структуры. Трансформация социального контроля наиболее полно отражается в истории криминального наказания.

На первом историческом этапе в эпоху феодализма господствовали религиозные институты и теологическое мышление, а девиантность интерпретировалась церковью как грех, зло или ересь. Реализуя духовную, а нередко и светскую власть, церковь была первым институализированным «практиком» социального контроля. Социальный контроль отражал необходимость искупления греха и уничтожения зла, часто включал епитимью и телесные наказания[1]. В случаях, не затрагивающих религию, основным средством сдерживания служил страх мести со стороны жертв или их родственников. До конца средних веков большая часть девиантности «обрабатывалась» неформально в семьях и деревнях. Тюрьмы не предназначались для наказания. Когда феодальными властями

применялись санкции, то они носили в большинстве случаев характер телесных наказаний. Для бедных часто применялась смертная казнь, а богатые платили штрафы.

По мере преодоления феодальной раздробленности и возникновения национальных государств с более развитой социальной структурой правительства брали на себя все большие обязательства по наказанию за преступления. При этом наказания продолжали оставаться крайне жестокими. Даже на протяжении XVIII века осужденные за преступления могли быть повешены, обезглавлены, лишены какой-либо части тела (пальцев, руки, языка, уха и т.д.), подвергнуты клеймению или публичному бесчестью на позорном столбе. Наказание «фокусировалось на теле осужденного» и имело публичный характер. Социальный контроль подразумевал демонстрацию кары, минимальное вовлечение в этот процесс институтов государства и полное отсутствие любых экспертов из области пенологии.

В дальнейшем, с точки зрения М.Фуко, государство все больше берет на себя функцию социального контроля, например, заключает безумных в

работные дома[2]. При этом безвредные безумцы отчасти сохраняли свободу и могли покидать эти места обособления. За решеткой вместе с преступниками оставалась небольшая часть умалишенных, которых считали опасными для общества. Такое смешение всех «отбросов» раннебуржуазного общества вызывало к концу XVIII в. растущую критику философов-просветителей. В начале XIX века в Европе повсюду стоял вопрос: что делать с психическими больными. Вопрос этот задавался в связи с правами человека, каковыми обладают и больные люди. Число психических больных было невелико в сравнении с нищими, но вопрос о душевнобольных звучал в первой половине XIX века куда острее, чем вопрос о бедности и социальном неравенстве.

Начало второго этапа трансформации социального контроля относится к середине XIX века. Он связывается с развитием таких крупномасштабных институтов, как тюремная система и психиатрические больницы. В этот период ситуация с наказанием преступников изменилась и контроль переместился с эшафотов и площадей в учреждения, контролируемые экспертами в области тюремного заключения и психиатрии.

Капитализм бурно развивается в пору промышленной революции и индустриализации. В буржуазном обществе возникают новые и дифференцируются старые социальные институты, растет сложность социальной структуры. При этом доминируют политические и экономические институты, а «управление» девиантностью возлагается на специалистов. Государственные учреждения стали принимать еще более активное участие в осуществлении формального социального контроля. Причиной стало то, что правительства взяли на себя полную ответственность за обеспечение общественной безопасности и благосостояния. Криминологи, медики, психиатры и помогающие им профессионалы (социальные работники,

пробационные инспекторы) стали чаще участвовать в подготовке и принятии судебных решений. Методики и практики социального контроля в целом были направлены на то, чтобы «вылечить» носителей девиантного поведения[3].

С.Коэн характеризует эти перемены следующим образом: растущее участие государства в формировании и управлении бюрократическими институтами, предназначенными для наказания, содержания и «излечения» девиантов; влияние профессиональных экспертов, которые концентрируются на дифференциации и классификации девиантных и зависимых от них групп в соответствии с определенными критериями; изоляция девиантов в специальных заведениях; уменьшение наказания, содержащего демонстрацию физического насилия[4].

В индустриальном обществе подходы к выбору стратегии и практик социального контроля строятся на веберовской идее рационализации. Они направлены на достижение через наказание целей дисциплины и правопорядка. Бюрократические, изолирующие институты социального контроля (полиция, пенитенциарная система, психиатрические учреждения и др.) получили в работах И.Гофмана название «тотальных институтов» [5]. До 1960-х годов эти тотальные институты и контролирующая роль, которую они играют в индустриальном обществе, в целом оставались неизменными.

Под влиянием утилитарных идей сдерживания/устрашения (И.Бентам, Ч.Бекка-риа), в результате отбора и аккумуляции репрессивных практик, сформировалась и утвердилась консервативная стратегия контроля.

Социальная и юридическая практика перепробовала различные варианты репрессий, включая самые изощренные виды смертной казни (четвертование, повешение, расстрел, «электрический стул») и различные сроки лишения свободы. Однако ни преступность, ни иные формы негативного девиантного

поведения (наркотизм, алкоголизм, проституция и др.) так и не исчезли. Не исчезли они и в странах, участвовавших в социалистическом эксперименте. Более того, в большинстве стран Запада после Второй мировой войны наблюдался постоянный рост уровня зарегистрированной преступности, несмотря на принятие иногда крайне жестких, непопулярных репрессивных мер. Не снижалась и рецидивная преступность. Длительные сроки лишения свободы вели лишь к росту «тюремного населения», к необратимым изменениям психики заключенных, а сами тюрьмы выступали школами девиантной социализации и криминальной карьеры.

В США, к примеру, начиная с 1960 года, проблема борьбы с преступностью стала главным вопросом политики на общенациональном уровне. В этот период не прекращается драматический рост уровня индексных преступлений представителей низшего класса и конгрессмены, разделявшие консервативную стратегию социального контроля, которую обычно выражает метафора «закон и порядок», активно артикулировали эту тему[6]. В 1965 году была создана президентская Комиссия по правоохранительной деятельности и управлению юстицией.

Для уменьшения преступности в Америке на этом историческом этапе комиссия, не затрагивая ее социальные детерминанты, рекомендовала поддержать на уровне государства ряд направлений антикриминальной деятельности: планирование; обучение персонала полиции; инспектирование и контрольные службы, отвечающие за организацию работы органов уголовной юстиции; развитие государственных информационных систем; научное и техническое исследование и развитие; выделение государственных дотаций на полицейскую деятельность и др. Реализация этих предложений должна была модернизировать систему уголовной юстиции, но принятые правительством

меры не изменили к лучшему криминальную ситуацию в стране.

Когда в начале 70-х годов начался новый рост преступности, Р.Никсон снова объявил войну криминалитету и существенно увеличил финансовую поддержку правоохранительной системы. Как свидетельствует Дж.Конклин, бюджет администрации на поддержку уголовной юстиции и полицейских мер контроля увеличился с 63 млн долларов в 1968 году до 880 млн долларов в 1975 году. В целом до 1981 года на правоохранительные цели было потрачено 7,7 млрд долларов[7]. Однако перемены в методах деятельности полиции (усиление патрулирования, увеличение образовательных программ для полицейских и др.) не позволили снизить преступность. Администрация США была обвинена в расточительности и отсутствии положительных результатов.

По итогам 1970-х годов стали совершенно очевидны бесплодность и чрезмерные издержки консервативной стратегии «закон и порядок» и соответствующих ей практик формального социального контроля (криминализация девиантных актов, селективность правоприменения, увеличение сроков наказания, реабилитация, использование смертной казни и др.).

Криминологи стали говорить о «кризисе наказания». Жесткой критике был подвергнут «карательный вэлферизм» как система социальных институтов контроля, сложившаяся в рамках консервативной стратегии «закон и порядок», которая формировала сознание нескольких поколений политиков, ученых и практиков[8].

Крах карательной стратегии был особенно очевиден в свете увеличения расходов на содержание силовых структур при существенном снижении налогов, росте безработицы и инфляции. Высокий уровень преступности стал нормой. Эта ситуация была характерна не только для США, но и других европейских стран, переживавших этап индустриальной модернизации. Перспектива бюджетного дефицита, в конечном счете, вынудила

власти уменьшить расходы на социальный контроль и сферу социальных услуг. Тем не менее, в период «рейгономики» внимание политиков было снова сфокусировано на системе уголовной юстиции, которая продолжала назначать наказания, основанные на идеях сдерживания/устрашения.

Полицейские аппараты с большим или меньшим успехом вели борьбу лишь с «уличной преступностью», тогда как огромный пласт «беловоротничковой», «респектабельной» преступности оставался вне досягаемости формального социального контроля. По мнению Д.Гарланда, бюрократический ответ государства был не способен что-либо сделать с хронически высоким уровнем преступности в обществе[9]. Вместо того чтобы радоваться маленьким каждодневным победам над преступностью, государство через пропаганду и реализацию сурового уголовного законодательства все громче заявляло о своей суверенной власти, оказавшейся в этом отношении лишь символической. К примеру, в 1980-х годах многие штаты США предприняли попытки ужесточить уголовное наказание, повысить минимальный срок заключения, возродить смертную казнь, а также идею о том, что наказание производится во благо самого же наказуемого. Этот период характеризовался расцветом правозащитных движений, обращавших внимание на изоляцию и клеймение преступников, реальных или воображаемых. Изоляция достигалась вынесением длительных сроков заключения по известной системе «три удара». Так, в частности, стигматизации правонарушителей и, соответственно, росту рецидивной преступности способствовал специальный закон о лицах, совершивших половые преступления.

Дальнейший ход событий на рубеже и в начале XXI века показал, что в развитых странах Запада из-за бюджетного дефицита стали сворачиваться программы поддержки благосостояния, борьбы с бедностью. В итоге упрочилась социальная

база преступности и других проявлений негативной девиантности[10]. Тем не менее, в этот период, наряду с модернизацией правоохранительной деятельности (по вопросам пресечения преступности, назначения и исполнения наказаний, реабилитации), развиваются и превентивные практики формального социального контроля. Основные направления превенции состоят: в управлении социальной средой, связанной с преступностью; в уменьшении возможностей для совершения преступлений; в увеличении риска уголовной ответственности для широкого круга преступников; в укреплении «объектов преступного посягательства» (target hardening), в развитии мер самозащиты, в организации информационного социального контроля, в использовании возможностей местного предупреждения преступности. Однако и эти меры оказываются недостаточными, чтобы остановить криминальный бум.

Консервативная стратегия и соответствующие ей практики социального контроля фокусируют внимание, прежде всего, на противодействии индексным преступлениям, которые совершают, в основном, представители низшего класса: бедные люди или индивиды с дефектами нормативной социализации. Этот подход концентрирует внимание на расширении правового регулирования в области девиантности, на модернизации системы уголовной юстиции и правоохранительной деятельности, на преследовании, наказании и реабилитации преступников, но не устраняет ее социальных причин: бедности, дезорганизации института семьи и др. Кроме того, модель «закон и порядок» недооценивает роль неформального социального контроля.

В работах П.Сорокина, У.Бондесона, В.Чемблисса, Ф.Макклінтока, Х.Пепински, Р.Мартинсона, Р.Куинни, Я.Гилинского, А.Салагаева, Ю.Комлева и многих других зарубежных и отечественных исследователей показана неэффективность консервативной политики карательных

санкций в борьбе с преступностью и девиантностью представителей низшего класса. Реформы в системе уголовного юстиции 60-80-х годов в США и странах Западной Европы не затрагивали политико-экономических основ классового общества. Кризис уголовного наказания во многом девальвировал значение консервативной стратегии, привел к острой критике модели «закон и порядок», прежде всего, со стороны девиантологов либеральной ориентации и девиантологов-неомарксистов. Так, сторонники радикальной криминологии источником роста преступности считали и считают порочность капиталистической системы. В частности, Р.Куинни в 1975-1980 годы выделяет «преступность приспособления» в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований, которая распространена в среде рабочих, пострадавших от капитализма; «преступность сопротивления» - бессознательную реакцию против эксплуатации; «преступность доминирования и подавления», которая характерна для «белых воротничков» и правящего класса. Согласно радикальным взглядам, только ликвидация капитализма может решить проблему преступности, поскольку вся система формального социального контроля, уголовное законодательство и правоприменение в современном рыночном обществе - инструменты эксплуатации угнетенных социальных классов, рассчитанные на обеспечение господства капиталистов.

Противозаконное поведение власть предержащих в развитых странах редко пресекается селективным правосудием. Этот феномен характерен и для современной модернизирующейся по западным образцам России. Уголовное преследование за преступления нередко в большей мере распространяется на представителей низшего класса, люмпенизированные слои общества, которые не могут защитить себя и «отмазаться» деньгами или коррупционными связями.

С переходом к третьему этапу - периоду

постиндустриального развития и постмодерна - в западных обществах усилилось движение «деинституционализации», направленное на «возвращение» социального контроля в общество. Либеральная идеология этого движения требовала деbüroкратизации, децентрализации институтов контроля, декриминализации законодательства; развития инициатив самопомощи и ликвидации клеймения[11].

Реальность этого направления лучше иллюстрируется значительным сокращением за последние тридцать лет количества учреждений для умственно отсталых. Причин для «незаключения» их в тюрьму множество. С.Коэн и А.Скал приводят целый спектр таких факторов: неудачи «лечебной» модели; выводы теории ярлыков о социальной политике невмешательства (гипертрофированный социальный контроль ведет к стигматизации, девиантному поведению или усиливает его); необходимость освобождения правительств от чрезмерных финансовых затрат на содержание полицейских структур и т.п. [12]

Уменьшение или ликвидация функций социального контроля, таких, как опека и надзор за больными пациентами, привели к деинституционализации и появлению новых общественных движений, выступающих за заботу о психическом здоровье. Этот подход большей частью основывался на применении последних достижений в медицине, особенно в связи с производством препаратов для пациентов психиатрических лечебниц. Новые модели контроля все больше полагались на добровольные методы терапии. Наряду с постепенным отказом от принудительного лечения стали все более активно внедряться такие приемы контроля преступности, как патрулирование территории местными жителями с целью предотвратить проявления девиантности и другие не репрессивные методики надзора[13].

В постиндустриальную эру на Западе произошел существенный рост социальной ориентации институтов контроля,

связанный с модернизацией правоохранительных органов, с привлечением негосударственного сектора, организацией общественных движений самопомощи. В политических решениях были заявлены четкие ориентиры по борьбе с бедностью, дискриминацией, по укреплению институтов семьи и образования, территориальных сообществ, организаций самопомощи. По оценке Н.Девиса и Б.Андерсона, в эту новую реальность социального контроля, последовавшую за старой принудительной и авторитарной системой «тотальных институтов», входят управляемые профессионалами общественные организации, направленные на социальную работу с девиантами, и нормативно-ориентированные организации самопомощи (например, организация анонимных наркоманов и алкоголиков) [14].

Влияние либерального дискурса сказалось на разработке компромиссных или смешанных, а также рестриктивных (ограничительных) моделей и практик социального контроля. Государственные структуры развитых демократий лишь частично отказались от некоторых своих функций по осуществлению социального контроля. При этом часть оставшихся в правительственной юрисдикции функций были обоснованно усилены. Это относится, прежде всего, к тюремному заключению. Новые практики в осуществлении формального социального контроля показали двоякую картину: угроза тюремного заключения для преступников-рецидивистов остается серьезной и даже получает большее применение. С другой стороны, менее угрожающие обществу и потенциально исправимые девианты имеют реальные и существенно возросшие шансы получить профессиональную, психологическую и терапевтическую помощь.

Среди наиболее общих характеристик состояния социального контроля в период постиндустриального развития и постмодерна в западных странах специалисты выделяют следующие:

- снижение или прекращение бюджетного финансирования программ поддержки умственно отсталых, бедных, пожилых и других «несамостоятельных» групп населения и растущая тенденция оставлять их доживать свои дни на улицах;
- рост использования медицинских препаратов, например, психотропных веществ, для контроля поведения бывших пациентов психиатрических клиник;
- вторжение новых методик надзора (установка видеокамер, «жучков», внедрение «агентов», тестирование на употребление наркотиков) в повседневную жизнь и рост соответствующей сферы промышленности;
- широкое распространение подразделений безопасности в бизнесе для охраны корпоративной собственности;
- опора на негосударственные, частные и индивидуальные стратегии и структуры контроля, такие, как местные группы наблюдения, патрули местных жителей, вспомогательная полиция, антинаркотические организации, финансируемые частным капиталом и т.д.;
- возврат к исключению смертной казни[15].

В обществе постмодерна, наряду с практиками, направленными на реализацию права государства наказывать и «исключать» преступников – опасных «чужих других», формируются и новые направления контроля, представляющие собой сложную комбинацию стратегий обнаружения, рестрикции и управления криминальными рисками[16]. Так, в рамках «новой пенологии» (М.Фили, Д.Саймон) предлагается в меньшей степени поднимать вопросы ответственности, вины, вмешательства в девиантную активность на индивидуальном уровне, но при этом существенная роль отводится методикам идентификации, классификации и управления группами, выделяемыми по признаку криминальной опасности. По существу, новая пенология предлагает стратегию регулирования уровня девиаций, а не прерывания девиантной активности отдельных индивидов[17]. Контроль нацелен не на то, чтобы

нормализовать поведение и изменить мотивацию людей с криминальным прошлым, используя традиционные пенитенциарные институты, а на то, чтобы модифицировать социальные структуры, в которых осуществляется деятельность индивида.

В новейших моделях и практиках контроля в той или иной форме происходит сдвиг в сторону структурно-средового противодействия группам криминального риска, обоснованную либеральными теоретиками. Т.Дамм называет этот сдвиг переходом от «надзора» к «слежению», или мониторингу. Цель слежения менее амбициозна, чем цель наказания с последующей реабилитацией. Однако она в современных условиях позволяет практически и гарантированно «принимать ответные меры против агрессии в защищаемых зонах» [18]. В «обществе контроля», как назвал его Жиль Делез, речь больше идет не об «аресте и возвращении преступника к нормальной жизни» после совершения им преступления, а об осуществлении слежения за действиями индивидов, представляющих опасность, что позволяет принимать упреждающие меры [19].

В качестве единственно возможной альтернативы карательным мерам либеральными теоретиками контроля обосновываются меры превенции, например, в русле общественного исправления (community correction). Так, участники Чикагской ассамблеи «Crime, Communities and Public Policy» (1992) определили две базовые теоретические модели политики в области «community crime prevention»: неформальный социальный контроль и улучшение социальных условий [20]. Кроме того, предлагается развивать альтернативные меры наказания и восстановление прав потерпевших. В качестве одной из мер рекомендуется перейти от юстиции «возмездной» (retributive justice) к юстиции «восстанавливающей» (restorative justice) [21].

Обобщая различные варианты

превенции негативной девиантности и криминального поведения, накопленные мировым сообществом, специалисты либеральной ориентации выделяют следующие стратегические направления [22]:

А) Уровень общесоциальной профилактики (primary prevention):

1. Меры сокращения бедности и безработицы, улучшения условий жизни.
2. Программы поддержки семьи и детей.
3. Осуществление с использованием массовых коммуникаций.

Б) Уровень специальной профилактики (secondary prevention):

1. Программы ресоциализации и реабилитации наркоманов, алкоголиков, бывших заключенных.
2. Программы соседской взаимопомощи.
3. Программы реорганизации пенитенциарной системы и сокращения численности ее обитателей.
4. Повышение «техники безопасности» (освещенность улиц, охранные системы, патрули, индивидуальные средства защиты).

В) Уровень индивидуальной профилактики (tertiary prevention):

Работа с конкретными людьми.

Либеральная идея приоритета превенции, по сравнению с наказанием, получает сегодня все более мощную поддержку в государственных институтах развитых стран - последовательно осуществляются либерализация уголовной политики и декриминализация уголовного законодательства. По оценкам большинства англоязычных девиантологов, «в данный момент происходит существенное изменение карательной системы» [23]. Так, например, статья №3 Европейской конвенции о защите прав человека запрещает пытки и бесчеловечное обращение с осужденными, а протокол №6 к этому соглашению отменяет смертную казнь. Национальная комиссия США по уголовной юстиции даже предложила «изменить повестку дня для уголовной политики и перейти от «войны» к «миру» с преступностью». В антинаркотической деятельности ряда

европейских стран (Голландия, Швейцарии и др.) широко используются либеральные стратегии «уменьшения вреда» - «harm reduction», вместо репрессивной «войны с наркотиками» - «war on drugs». Значительно реже европейские суды стали прибегать к решениям о лишении свободы. В Швеции, например, доля таких приговоров уже в 1987 году составляла 20%, в Англии - 21% [24].

С. Уолкер, анализируя пути реформирования правовой системы, выделил семь наиболее важных областей, где в определенной степени необходима декриминализация: пребывание в общественном месте в состоянии опьянения как обстоятельство, имеющее значение для уголовной ответственности (drunkenness); наркотики и злоупотребление наркотиками (narcotics and drug abuse); игромания (gambling); поведение, нарушающее общественный порядок, и бродяжничество (disorderly conduct and vagrancy); криминальные аборт (criminal abortion); сексуальное поведение - адюльтер, незаконное сожителство, многоженство, проституция, изнасилование, порнография, криминальная непристойность, гомосексуализм (sexual behavior); преступность несовершеннолетних (juvenile delinquency) [25].

Принятие в 1991 году Концепции судебной реформы было началом демократического этапа развития правовой системы и правосудия в России. В ней был четко зафиксирован отказ от репрессивного характера правосудия: в качестве цели судопроизводства была провозглашена охрана прав, свобод и законных интересов граждан. В постсоветской России был введен мораторий на применение смертной казни. В 1996 году страна присоединилась к Европейской конвенции по правам человека.

Перспективы декриминализации социально неопасных деяний все чаще обсуждаются и в российской научной печати. Действительно, неопасные для

общества и граждан противоправные деяния из уголовно-правовых могут быть переведены законодателем в разряд административно-правовых. По мнению Я.И. Гилянского, репрессивные (уголовно-правовые) меры социального контроля неэффективны в принципе, тем более, когда речь идет о «преступлениях без жертв». Девиантолог обращает внимание не только на необходимость декриминализации ряда уголовно наказуемых деяний, но и на такие актуальные для России практики контроля, как: сокращение «тюремного населения», улучшение «техники безопасности» [26]. В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов выявили позитивный эффект депенализации законодателем в 2003 году многих статей УК РФ, состоящей в замене санкций в виде лишения свободы на штрафные санкции или кратковременный арест» [27]. Проблематику декриминализации активно разрабатывает и ряд других отечественных исследователей [28].

Весьма ценным для развития теории и практики социального контроля в либеральных программах представляется то, что власти западных стран все чаще снимают ограничения при реализации профилактических мер по контролю над негативной девиантностью, по элиминации социальных причин преступности и других проявлений негативной девиантности. Они финансируют и широко внедряют меры по борьбе с бедностью, безработицей; реализуют образовательные программы и решения по обеспечению бывших преступников работой.

В развитых странах под влиянием девиантологических исследований состоялась существенная коррекция традиционной модели «закон и порядок», усилилась социальная ориентация организаций и институтов, обеспечивающих правопорядок. Новые смешанные модели контроля успешно сочетают как консервативные, так и либеральные императивы, используют различные меры воздействия на девиантность и делинквентность: от наказания, реабилитации и перевоспитания

преступников, реинтеграции их в общество до анализа и устранения социальных причин девиантности, использования методик слежения и контроля за средовыми факторами, позволяющими минимизировать криминальные риски.

Практические меры по дебюрократизации институтов и организаций социального контроля в России (МВД, ФСИН и др.), оптимизации их нормативной базы и организационной структуры, а также численности персонала, декриминализации уголовного законодательства чрезвычайно важны для обеспечения социального порядка в стране на качественно ином уровне, а значит, и для успеха модернизации общества в целом. Кажется, на этом пути и принимаются Президентом России решительные меры по реформированию МВД, пенитенциарной системы и других институтов социального контроля.

При поиске и обосновании таких стратегических решений следует использовать не только передовой мировой и отечественный опыт, но и новые компромиссные (смешанные) подходы, девиантологические теории в области социального контроля. Представляется, что определенный эвристический потенциал содержит и теория рестриктивного социального контроля, разработанная в КЮИ МВД России[29].

Теория рестриктивного социального контроля над негативной девиантностью концептуализируется как открытая к изменениям методологическая рамка (framework). Ее основу составляют непротиворечивые и дополнительные положения ряда монотеорий социального контроля на трех уровнях социального сдерживания: *институциональном, групповом и личностном.*

Прежде всего, это концепты:

- из профилактической концепции контроля Т.Парсонса,
- теорий сдерживания У.Реклеса,
- теории связей Т.Хирши,

- теории самоконтроля М.Готфредсона и Т.Хирши [30].

Переформулированные и дополненные положения перечисленных выше теорий контроля интегрированы вокруг концепта «*рестрикция*» (*ограничение*). Его суть состоит в том, что открытый, но конечный набор разнонаправленных социальных ограничений определяет: характер функционального и дисфункционального состояния институтов социализации, их социальную эффективность; специфику социальных связей и вовлеченность индивида в группы негативных девиантов или конформистов, направленность социализации и формирования индивидуальной Я-концепции.

Варьируя конечным числом ограничений различной, в том числе и правовой направленности, на выделенных уровнях контроля можно усиливать или ослаблять эффект социального сдерживания (противодействия) негативной девиантности, создавать социальные условия и предпосылки для перевода активности подростков и молодых людей из деструктивного в конструктивное русло (конформизм и позитивную девиантность). Например, к социально эффективным относятся следующие рестриктивные меры в практике антинаркотизма:

- ограничение любопытства и интереса молодежи к наркотикам и алкоголю;
- выявление и локализация молодых людей, только вставших на путь алкоголизации и наркопотребления;
- ограничение возможностей для торговли ПАВ;
- комплексное информирование населения о вреде наркотиков, алкоголя, пропаганда ценности здоровья и здорового образа жизни;
- предоставление лечения и ухода;
- усиление мер ответственности в отношении мелкооптовых торговцев наркотиками;
- снятие ограничений по позитивной активности и занятости подростков и молодежи как в организованных, так и

индивидуально ориентированных формах социальной активности (спорт, работа, досуг, образование);

- развитие ресурсов гражданского общества и общественных движений;
- укрепление института семьи;
- контроль над социальным неравенством и безработицей в молодежной среде;
- развитие экономики уэлфера, нацеленной на всеобщее благосостояние.

Рестриктивные меры контроля – итог компромисса. Они «уживаются» как с программами декриминализации и дестигматизации, минимизации вреда, так и с репрессивными мерами в отношении криминалитета, организаторов и крупных игроков в наркобизнесе, что и приносит наибольший социальный эффект. Впрочем, теория и практика рестриктивного социального контроля еще нуждаются в дальнейшем осмыслении и эмпирической верификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Little C.B. Deviance and control: Theory, research, and social policy. - Itasca: Peacock Publishers, 1995. - P. 375.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: Ad Marginem, 1999.
3. Little C.B. Op. cit. P. 375-376.
4. Cohen S. Visions of social control: Crime, Punishment and Classification. - Cambridge: Polity Press, 1985.
5. Gofman E. Asylums. Garden city. - New York: Anchor, 1961.
6. Conklin J. Criminology. 4 th ed. - New York, 1992.- P. 524-552.
7. Conklin J. Op. cit. P. 528.
8. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. - Chicago: University of Chicago Press, 2001. - P. 3.
9. Garland D. Op. cit.
10. Эти изменения, например, в США нашли выражение в снижении финансирования специальных программ социальной поддержки малоимущих, так называемый велфэр (от англ. welfare – «благосостояние»). В 1990 году в США получателями велфэра были 4 млн семей. В 2000 году количество получателей велфэра снизилось до 2 млн семей. Затем, как известно, в 2000-х годах в США сначала разразился кризис потребительского и ипотечного кредитования, начиная с 2007 года - глобальный финансовый кризис (см.: подробнее: Комлев Ю.Ю. Основы социологии для юристов. - Казань: КЮИ МВД России, 2009. - С.132-140).
11. Cohen S. Op. cit. 1985.
12. Cohen S. The punitive city: Notes on the Dispersal of social control // Contemporary crises. -1979.- № 3. - P. 339-363; Scull A.T. Decarceration: Community treatment and the deviant, A radical view. - Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977.
13. Little C.B. Op. cit. P. 19.
14. Davis N.J., Anderson B. Social control: The production of deviance in the modern state.- New York, Irvington, 1983.
15. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля: монография. - Казань: КЮИ МВД России, 2009. - С. 83-84.
16. Rose W. Crimes of color: risk, profiling, and the contemporary racialization of social control // International Journal of politics, culture, and society.-2002.-Vol. 16. -№ 2. - P. 185.
17. Feeley M. The New Penology: Notes on the Emerging Strategy of Corrections and Its Implications // Criminology. -1992. -№ 30. - P. 449-452.
18. Dumm T. The New Enclosures: Racism in the Normalized Community // Reading Rodney King, Reading Urban Uprisings / ed. R. Gooding-Williams. - New York: Routledge, 1993.- P. 186.
19. Deleuze G. Postscript on Control Societies // Negotiations, 1972–1995. - New York: Columbia University Press, 1995.

- 20.Гилинский Я.И. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы //Социальный контроль над девиантностью. - СПб.: С.-Петербургский филиал Института социологии РАН, Балтийский институт экологии, политики и права, 1998. С. 12.
- 21.Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 9.
- 22.Там же. С. 12.
- 23.Pratt J. The Return of the Wheelbarrow Men; or, the Arrival of Postmodern Penalty // British Journal of Criminology. - 2000.- № 40. - P. 127.
- 24.Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 87-89.
- 25.Walker S. Reform the Law: decriminalization //Delos H. Kelly Deviant Behavior.- New York: St. Martin's Press, 1996.- P. 591.
- 26.Гилинский Я.И. Указ. соч.
- 27.Гилинский Я.И. Указ. соч. С. 103-107
- 28.Комлев Ю.Ю. Указ. соч. С. 90.
- 29.Там же.
- 30.Gofman E. Op. cit.

С.В. Векленко,

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Воронежского института МВД России
по научной работе

**РОЛЬ И МЕСТО СОЗНАНИЯ
В ПРЕСТУПНОМ ПОВЕДЕНИИ**

В статье проведен научный анализ определений понятий «сознание» и «осознание». Содержатся предложения по устранению недостатков при законодательном конструировании с

использованием данных понятий.

Со времен Р.Декарта представление о «homo sapiens» (человеке разумном) было неразрывно связано с его сознанием: «Мыслью, следовательно, существую» [1].

По мнению А.Ф. Зелинского, сознание относится к той категории понятий, которые мы понимаем до тех пор, пока никто не спрашивает нас, как их определить [2].

Представители различных наук трактуют сознание неодинаково. В философской литературе господствует широкое толкование сознания, которое сводится, в конечном счете, к идеальному. Большинство психологов, наоборот, рассматривает сознание как одну из двух основных сфер внутренней духовной жизни человека, присущую только ему, его личности. Некоторые авторы считают возможным исходить из двоякого понимания сознания — общефилософского и психологического [3].

Известный отечественный философ А.Г. Спиркин, используя достижения психологии, предлагает следующее определение данного понятия: «Сознание — это высшая, свойственная только человеку и связанная с речью функция мозга, заключающаяся в обобщенном, оценочном и целенаправленном отражении и конструктивно-творческом преобразовании действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в разумном регулировании и самоконтролировании поведения человека» [4].

Для того чтобы постичь природу человеческого сознания, необходимо проанализировать его структуру, анализ которой издавна принято начинать с созерцания, т.е. с ощущений и восприятий. Ощущение — это отражение отдельных свойств предметов объективного мира во время их непосредственного воздействия на органы чувств; это элементарное, далее психологически неразложимое, не имеющее структуры познавательное явление. Восприятие — это уже структурированный образ, состоящий из комплекса ощущений [5].

После того, как тот или иной предмет перестает воздействовать на органы чувств человека, образ этого предмета не исчезает бесследно, а запечатлевается и сохраняется в памяти. Память — это форма познавательной деятельности, направленная на запечатление, сохранение, воспроизведение и переработку поступающей в мозг информации [6].

В результате восприятия внешних воздействий и сохранения их памятью возникают представления как мысленные образы тех предметов или явлений, которые когда-то воздействовали на органы чувств человека, а потом восстанавливаются по сохранившимся в мозгу следам при отсутствии этих предметов. Представлениями могут также выступать образы, созданные усилиями продуктивного воображения: когда представления и мысленные ситуации в

действительности субъектом непосредственно не воспринимались.

В отличие от психики животных сознание человека имеет следующие существенные особенности. Во-первых, наряду с наследственно и эмпирически приобретенными формами поведения человек владеет принципиально новым средством ориентировки в окружающей действительности — знаниями, которые представляют собой концентрированный опыт человечества, передаваемый посредством слова («сознание» буквально и означает «совместное, совокупное знание») [7]. Коммуникативные возможности есть у многих высших животных, но только человек может передавать другим людям не только сообщения о своих внутренних состояниях (именно это является главным в языке и общении животных), но и о том, что знает, видит, понимает, представляет, т.е. объективную информацию об окружающем мире. Процесс общения осуществляется в форме взаимного материального воздействия словами, за которым скрывается обмен мыслями. По мнению Л.С. Выготского, слово относится к сознанию, как «малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания» [8].

Во-вторых, сознание человека отличается способностями мысленно представлять существующую и воображаемую действительность, контролировать собственные психические и поведенческие состояния, управлять ими, видеть и воспринимать в форме образов существенные стороны и закономерные взаимосвязи окружающего мира. Представление действительности, отсутствующей в данный момент или вовсе не существующей (воображение, грезы, мечты, фантазия), по мнению некоторых ученых, выступает как одна из важнейших психологических характеристик сознания [9].

Наконец, сознание тесно связано с самосознанием (саморефлексией), как системой ценностно-смысловых,

личностных отношений человека к миру, которая определяет уровень самоорганизации индивида, принципы его поведенческой саморегуляции, самопостроения и самоутверждения. Успех жизнедеятельности индивида непосредственно зависит от его способности к самоанализу, от приведения его внутреннего мира в соответствие с объективными внешними условиями, от вычленения в них существенного и несущественного, социально санкционированного, полезного и вредного [10].

Сущность и особенности сознания, как побудителя и регулятора деятельности, состоят в том, что оно есть соотнесение лица с объективной реальностью в процессе предметной деятельности человека. Применительно к конкретному акту поведения сознание представляет собой мысленное (интеллектуальное) соотнесение побудительных факторов с целью действия, самими актами деятельности, их социальной и правовой значимостью и теми последствиями, которые наступили или могли наступить как результат этой деятельности. Но соотнесение лица с объективной реальностью в процессе деятельности есть не только выделение его из окружающей среды, не только отражение мира в определенных образах, но и отношение (желание, переживание, внутреннее стремление к чему-то) лица к действительности [11].

При конструировании уголовно-правовых норм о видах умышленной вины (ч.2 и ч.3 ст.25 УК РФ) законодатель использует термин «осознание». Несмотря на терминологическое сходство данного термина с термином «сознание», между ними существуют определенные отличия. По заслуживающему внимания мнению В.Д. Филимонова, «осознание лицом объективной действительности означает возникновение в его сознании того или иного представления о сложившихся в данных условиях общественных отношениях, т.е. представления о социальном содержании

объективной действительности» [12]. Иными словами, если сознание подразумевает знание о внешнем и внутреннем мире, о самом себе, то осознание предполагает обязательное формирование собственного ценностного отношения к тем или иным явлениям или событиям, возникающего на фоне устоявшихся идеалов и признаваемых субъектом норм поведения. «Человек осознает то, что воспринимает, когда понимает смысл воспринятого в контексте реальных событий, когда он учитывает возможные последствия своих поступков» [13].

Субъект осознает предметы и явления окружающего мира, не только сами по себе, их структуру, свойства и взаимосвязи, но и определяет значимость, ценность данных предметов и явлений для себя или для других людей. Таким образом, оценка выступает моментом взаимодействия познающего субъекта и объекта, акт осознания ценности предметов, явлений, событий, их свойств и отношений. Оценка отражает объект в его бытии для субъекта и предполагает сравнение объектов познания с ранее сложившимися нормами, идеалами, представлениями о желаемом и должном, которые выполняют в процессе оценки функцию основания, критерия, ценностного эквивалента [14].

При этом в обязательном порядке необходимо учитывать, что «мысль об объекте никогда не исчерпывает всего богатства его свойств и отношений с другими объектами; оригинал богаче своей копии... Субъективность означает также неполноту отражения: образ отражает свойства вещей лишь с большей или меньшей степенью приближения. Воспринимаемое никогда не воспринимается полностью. Всегда имеет место различие и отбор» [15].

Принимая во внимание, что субъект любого (умышленного либо неосторожного) преступления должен привлекаться к уголовной ответственности лишь за те деяния и тот вред, который так или иначе охватывался его сознанием, следует заключить, что

сознание является обязательным и неотъемлемым признаком интеллектуального момента виновного поведения. Однако, в зависимости от формы психического отношения субъекта, сознание в конкретном преступном деянии может варьироваться от осознания, включающего личностную оценку происходящего и будущего, до простой возможности при должной внимательности предвидеть последствия своего деяния.

Несмотря на бесспорность позиции о необходимости привлечения к ответственности лишь лиц, действующих сознательно, в теории отечественного уголовного права долгое время большие разногласия вызывал и вызывает вопрос о предмете сознания преступника. Так, например, А.Н. Трайнин указывал, что «...осуждение поведения лица немыслимо, если в психике этого лица не было сознания общественной опасности своего поведения, это сознание является одним из признаков вины как элемента состава и как основания уголовной ответственности» [16]. Б.С. Маньковский пришел к выводу, что «исходя из сущности виновности, следует признать, что сознание противоправности является одним из моментов понятия вины» [17]. А.И. Рарог считает, что «...предметом сознания как элемента умысла является: 1) общественная опасность деяния, т.е. характеристика (хотя бы в общих чертах) объекта преступления, фактическое содержание и социальные свойства всех составных элементов действия или бездействия; 2) противоправность совершаемого деяния, т.е. его противоречие советскому социалистическому правопорядку» [18]. Такой же позиции придерживается А.И. Марцев: «Осознание общественной опасности своего деяния предполагает осознание противоправности (запрещенности) деяния, поскольку противоправность выступает юридическим выражением общественной опасности» [19].

Уголовный закон (ст.ст.25, 26 и 28 УК РФ) попытался решить данные разногласия путем прямого указания на необходимость сознавать общественно опасный характер действий либо общественно опасный характер неизбежных или возможных последствий. Исходя из того, что противоправность является на основании статьи 14 УК РФ юридическим выражением общественной опасности преступления, можно заключить, что преступник, сознавая общественную опасность совершаемого им деяния, должен в полном либо усеченном объеме сознавать и его противоправность.

Однако в судебно-следственной практике дело обстоит далеко не так гладко. Проблема состоит не только в том, что дать понятие термина «общественная опасность» затрудняются даже многие сотрудники правоохранительных органов, не говоря уже о лицах, не обладающих специальными познаниями в области юриспруденции. Многие лица, совершающие преступления, не только не осознают общественной опасности своих деяний, но, наоборот, уверены в общественной полезности своего поведения. Примером подобных преступлений могут выступить и самоуправство (ст.330 УК РФ), и так называемое убийство из сострадания или по просьбе потерпевшего (ч.1 ст.105 УК РФ).

Основная сложность состоит в том, что в связи со стремительным изменением жизни общества социальная и моральная оценка отдельными лицами многих взятых под охрану уголовного закона ценностей (например, в сфере экологии или компьютерной информации) существенно отличается от их значимости и важности для государства и общества в целом.

Что же касается сознания противоправности, то вряд ли разумно, на наш взгляд, требовать от граждан знания всех статей уголовного закона, тем более что подобное требование фактически

означает знание содержания бланкетных норм и постановлений Пленума Верховного Суда РФ, а также предполагает знание не только писаного права, но и права неписаного, например, заключения специалистов по тому или иному вопросу (скажем, что считать порнографическим предметом), сложившейся практики при толковании оценочных понятий и т.п.

В связи с этим обоснованность существования в современном уголовном праве презумпции знания закона в последнее время вызывает все больше нареканий и возражений со стороны ученых. Разделяем позицию Н.М.Кропачева, который считает, что «...суждение «незнание закона не освобождает от ответственности» вовсе не юридическая презумпция, а фикция, т.е. юридический прием, противоречащий конкретной естественной реальности, однако используемый для достижения юридических последствий. В настоящее время, когда это «правило» является фикцией даже для самих правоприменителей, от него, безусловно, необходимо отказаться» [20].

Вопрос о предмете сознания имеет, на наш взгляд, очень важное практическое значение, так как от его решения зависит и комплекс требований, предъявляемых государством и обществом своим членам по соблюдению предписаний закона, и, соответственно, величина упрека или негативной реакции властных структур в случае нарушения данных предписаний.

Нам видится наиболее эффективным следующий путь решения данной проблемы. Принимая во внимание, что любое преступление по своей социальной сути представляет собой конфликт интересов (преступника и жертвы, преступника и государства), считаем вполне допустимым со стороны государства и общества требование о сознании того, что деяние лица, нарушающего уголовно-правовой запрет, вступает в конфликт с чьим-то интересом. Причем совсем не обязательно, чтобы данное лицо осознавало, что посягает на

охраняемый законом интерес. Достаточно сознания лицом того, что подвергшемуся преступному воздействию интересу может быть причинен какой-либо ущерб. Для того чтобы это положение получило законодательное закрепление, также совсем не обязательно в тексте закона использовать термин «конфликт интересов», вполне, на наш взгляд, достаточно будет заменить в статье 25 УК РФ слово «опасность» на слово «значимость» [21], которое в самом общем смысле и означает непосредственное затрагивание тех или иных интересов членов социума. Такой подход, на наш взгляд, позволит сделать требования уголовного законодательства более доступными для лиц, не обладающих специальными юридическими познаниями, а также облегчить работу правоприменителей по установлению и доказыванию субъективной стороны состава преступления.

Сознание, безусловно, занимает центральное место в жизнедеятельности членов общества. Однако не следует абсолютизировать роль сознательного начала в регуляции противоправного поведения. Как свидетельствует судебная практика, многие умышленные преступления представляют собой своеобразные «парадоксы душевной жизни», далеко не всегда и не в полной мере осознаваемые виновными лицами. Это обусловлено психическими перегрузками, невротизацией и психопатизацией человека. Общеизвестна провоцирующая роль употребления алкоголя, ослабляющего сознательный самоконтроль поведения. В связи с этим становится очевидной актуальность проблемы неосознаваемой психической деятельности для теории и практики борьбы с преступностью [22].

Еще Зигмунд Фрейд пришел к выводу, что «психоанализ не может считать сознательное сущностью психического, но должен рассматривать сознание как качество психического, которое может

присоединяться или не присоединяться к другим его качествам» [23].

В современной психологии принято в психике человека выделять три взаимосвязанных уровня — сознательный, подсознательный и бессознательный [24].

Подсознательный уровень психической деятельности включает обобщенные, автоматизированные в опыте индивида стереотипы его поведения в различных ситуациях (фобии, страхи, истерические фантазии, спонтанная тревожность и радостное предчувствие), умения, навыки, привычки, интуицию (процесс мгновенных озарений, комплексного охвата проблемной ситуации, всплывания неожиданных решений, неосознанное предвидение развития событий на основе спонтанного обобщения предшествующего опыта). Поведенческие акты на бессознательном уровне регулируются неосознаваемыми биологическими механизмами (инстинктами и рефлексам), которые направлены на самосохранение организма и продолжение рода [25].

Процессы, начинающиеся в неосознаваемой сфере, могут иметь место и в сознании. И, наоборот, сознательное может вытесняться в подсознательную сферу. Взаимодействие сознательного и внесознательного может осуществляться согласованно — синергично, или антагонистично, противоречиво, проявляясь в разнообразных несовместимых поступках человека, внутриличностной конфликтности. Наличие указанных уровней психической деятельности обуславливает относительную самостоятельность следующих разновидностей человеческих реакций и действий: 1) бессознательно-инстинктивные, врожденные реакции; 2) импульсивно-реактивные, малоосознанные эмоциональные реакции; 3) привычно-автоматизированные действия; 4) сознательно-волевые действия [26].

Обозначенные реакции и действия, в свою очередь, способны привести к

нарушению предписаний уголовного закона. Решая вопрос о привлечении лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, к ответственности, определяя пределы этой ответственности, и законодатель, и правоприменитель в целях достижения максимального эффекта карательного воздействия должны в полной мере учитывать все особенности психики субъекта. Поэтому современное уголовное законодательство и судебно-следственная практика должны иметь четкие критерии психического содержания виновного поведения.

Применительно к сознательно-волевым действиям таким критерием, на наш взгляд, следует признать отмеченное выше осознание конфликта интересов (социальной значимости своих действий или бездействия). Что же касается трех других разновидностей человеческих реакций, то в этом случае разделяем позицию А.Ф. Зелинского, который вполне обоснованно считает, что «виновен не только тот, кто преднамеренно совершил преступление, но и тот, кто не мобилизовал свое сознание и волю, действовал по первому побуждению, бездумно. Ведь это первое побуждение — его собственное, отражающее его личность. Если при этом лицо не предвидит фактического развития событий и их общественно опасный результат, может наступить ответственность за неосторожность. Неумение или нежелание понять истинный социальный смысл совершаемого

при осознанности всех иных элементов объективной стороны состава преступления влечет ответственность за умышленное преступление» [27]. К аналогичным выводам пришел и В.Н. Кудрявцев: «Бессознательный элемент поведения имеет правовое значение только в тех случаях и в тех пределах, в каких он поддается возможному контролю со стороны сознания и воли лица, т.е. может потенциально быть в надлежащий момент осознанным. Именно в этих пределах и возможна ответственность человека за свои действия» [28].

Резюмируя вышеизложенное, следует еще раз отметить, что сознание является неотъемлемой частью содержания вины субъекта в совершении преступления. Государство и общество вправе привлекать к ответственности и наказывать нарушившее уголовно-правовой запрет лицо, если будет установлено, что предметом сознания данного лица является конфликт совершаемого деяния с чьим-либо интересом, которое, в свою очередь, может варьироваться от осознания (формирования личностной оценки к происходящему) общественной значимости совершаемого до отсутствия должной и требуемой от вменяемого лица мобилизации сознания и воли. Именно такой подход, на наш взгляд, позволит избежать разночтений при установлении наличия и особенностей психического отношения субъекта к совершаемому им деянию.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С.169.
2. См.: Зелинский А.Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. -Харьков, 1986. -С.9.
3. См.: Чвачихия В.М. Бессознательное в структуре психической деятельности.// Социол. исследования. 1981. № 2. С.119.
4. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. - М., 1972. -С.83.
5. Там же. С.91-94.
6. Спиркин А.Г. Указ.раб. С.95.
7. См.: Еникеев М.И. Общая и юридическая психология (в двух частях). Часть 1 “Общая психология”. М., 1996. С.86.
8. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. - М., 1956. - С.384.
9. См.: Немов Р.С. Психология. В 3 кн. Кн.1. Общие основы психологии. - 2-е изд. - М., 1995. - С.114.
10. См.: Еникеев М.И. Указанная работа. С.87-88.
11. См.: Мясичев В.Н. Личность и неврозы.- Л., 1960. С.109.

12. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. - Томск, 1970. - С.101.
13. Спиркин А.Г. Указанная работа. С.82.
14. См.: Батурина Г.И. Ценностный аспект сознания// Сознание и диалектика познавательной деятельности: межвуз. сборник науч. трудов.- Иваново, 1984. - С.116.
15. Спиркин А.Г. Указанная работа. С.70-71.
16. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву.- М., 1951.- С.126.
17. Маньковский Б.С. Проблема ответственности в уголовном праве. - М.-Л., 1949.- С.111.
18. Рарог А.И. Общая теория вины в уголовном праве. - М., 1980. - С.31-32.
19. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. - Омск, 2000. - С.39.
20. Кропачев Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования: дисс. на соиск. учен. степени доктора юрид. наук в форме научного доклада. - СПб., 2000. - С.22-23.
21. Одним из аргументов является заслуживающая внимания позиция В.А. Якушина, который вполне обоснованно считает, что “осознание социальной и правовой значимости совершаемого деяния есть тот признак, который должен быть положен в основу отграничения преступления от иных волевых действий. Ибо именно он является тем признаком, который выражает субъективный аспект сущности преступного деяния” (Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. - Казань, 1988. - С.18).
22. См.: Зелинский А.Ф. Указанная работа. - С.3.
23. Фрейд З. Я и Оно: Сочинения. - М., 1998. - С.841.
24. См.: Еникеев М.И. Указанная работа. С.91.
25. Еникеев М.И. Указанная работа. С.91-92.
26. Там же. С.93-95.
27. См.: Зелинский А.Ф. Указанная работа. С.69.
28. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. - М., 1982. - С.85.

С.А. Балеев,

кандидат юридических наук, доцент

Казанского (Приволжского) федерального университета

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ И УЧАСТИЕ В ЭКСТРЕМИСТСКОМ СООБЩЕСТВЕ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО УК РФ

Понятие «экстремизм» (от французского *extremisme* и латинского *extremus* - крайний) означает приверженность в политике и идеологии крайним взглядам и действиям.

Экстремизм могут порождать самые различные факторы: социально – экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня значительной части населения, деформация политических институтов и структур власти, их неспособность решать наболевшие проблемы общественного развития, тоталитарный характер политического режима, стремление отдельных групп ускорить решение своих задач, политические амбиции лидеров и т.д. В идеологическом плане экстремизм отрицает всякое инакомыслие, стремясь как можно жестче утвердить свои политические, идеологические или религиозные взгляды, навязать их своим оппонентам любой ценой [1].

В специальной литературе отмечается, что всем разновидностям экстремизма (политический, религиозный, националистический, антиглобалистский, экологический) присущи определенные общие черты: насилие или его угроза (обычно вооруженного); однобокость, одномерность в восприятии общественных проблем и в поиске путей их решения; фанатизм, одержимость в стремлении навязывать свои принципы, взгляды своим оппонентам; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов лидеров; неспособность к толерантности, компромиссам либо игнорирование их. Экстремизм смыкается с крайним радикализмом, нигилизмом,

терроризмом, революционностью и вождизмом [2].

Особенностями современного экстремизма являются рост его масштабов, сопутствующий наращиванию потенциала и превращение экстремистских группировок во влиятельные структуры жизни; усиление безоглядности и жестокости действий экстремистов, многообразие форм деятельности. Расширяется информационная, тактико – стратегическая, финансовая, идеологическая, психологическая, ресурсная взаимосвязанность экстремистских сообществ и групп в отдельных странах и в международном масштабе [3].

Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001г.) подтвердила, что наряду с терроризмом и сепаратизмом экстремизм – явление, угрожающее международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека. В ст. 1 Конвенции экстремизм определяется как любое деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них [4].

Понятие экстремистской деятельности (экстремизма) дается в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114 – ФЗ «О

противодействию экстремистской деятельности».

Это - деятельность по планированию, организации, подготовке и совершению деяний, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, на подрыв безопасности Российской Федерации, на захват или присвоение властных полномочий; на создание незаконных вооруженных формирований, на осуществление террористической деятельности, на возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, на унижение национального достоинства.

Проявлениями экстремизма являются осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. К экстремизму также относятся пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, финансирование экстремистской деятельности или иное содействие ее осуществлению. К проявлениям экстремизма могут быть отнесены также призывы к систематическим нарушениям прав человека, дискриминации людей по национальному, расовому или религиозному признаку.

Общественная опасность экстремизма и тенденции к распространению этого негативного явления послужили объективной предпосылкой внесения законодателем в 2002 г. существенных изменений и дополнений в главу о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности УК РФ.

Так, были изменены название и содержание состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК, Кодекс дополнен ст. ст. 282-1 и 282-2, в которых криминализированы организация и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации. Федеральным законом от 24 июля 2007г. № 211-ФЗ изменена диспозиция ст. 282-1, эта статья дополнена примечанием.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 282¹ УК РФ в действующей редакции экстремистским сообществом признается *организованная группа лиц* для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, то есть преступлений, совершенных по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Однако при раскрытии объективных признаков организационной деятельности законодатель говорит о *частях* экстремистского сообщества и входящих в него *структурных подразделениях*. Это, на наш взгляд, никак не согласуется с определением организованной группы в ч. 3 ст. 35 УК РФ. Из смысла ч.1 ст. 282¹ УК РФ также не совсем ясно, является ли объединение организаторов, руководителей и иных представителей организованных групп и других подразделений экстремистского сообщества разновидностью экстремистского сообщества, либо это самостоятельное наряду с ним экстремистское объединение.

Поэтому считаем целесообразным определить в законе экстремистское сообщество не только как организованную группу, созданную для совершения преступлений экстремистской направленности, но и как объединение таких групп, а также объединение организаторов, руководителей и иных представителей организованных групп в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Предлагаем диспозицию ч. 1. ст. 282¹ изложить в следующей редакции:

«1. Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности, объединения организованных групп, созданных в тех же целях, а также объединения организаторов, руководителей и иных представителей организованных групп в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений

экстремистской направленности, а равно руководство таким экстремистским сообществом либо его структурными подразделениями, -...».

В литературе понятия «экстремистское сообщество» и «экстремистская организация» зачастую отождествляются, видимо, по аналогии с преступным сообществом (преступной организацией) (ч.4 ст. 35 и ст. 210 УК).

Так, в отличие от законодателя, определяющего экстремистское сообщество через организованную группу, В.М. Лебедев считает, что экстремистское сообщество - это «общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом по основаниям, предусмотренным ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности» [5].

Аналогичный вывод можно сделать исходя из анализа п.1 примечания к ст. 282¹ УК, в соответствии с которым «лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности *общественного или религиозного объединения либо иной организации* (курсив наш, С.А.), в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Представляется, что указанная позиция не соответствует, а скорее противоречит содержанию признаков экстремистского сообщества, описанных в диспозиции названной статьи. Предлагаем изложить п.1 примечания к ст. 282¹ УК РФ в следующей редакции:

«1. Лицо, добровольно прекратившее участие в деятельности экстремистского сообщества и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этого преступления, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Ст. 282² УК РФ предусматривает ответственность за организацию деятельности экстремистской организации (ч.1) и участие в деятельности такой организации (ч.2). Из содержания объективных признаков этих составов преступлений следует, что законодатель признает экстремистскую организацию самостоятельным преступным объединением, а организацию и участие в ней - основаниями уголовной ответственности.

В отличие от состава организации экстремистского сообщества, конструктивными признаками которого выступают организованная группа, объединение организаторов, руководителей и иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского сообщества, организационно – структурными формами экстремистской организации являются: 1) общественное объединение; 2) религиозное объединение; 3) иная организация.

Следует отметить, что уголовно наказуемы организация и участие лишь в тех объединениях, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В соответствии с законодательством Российской Федерации основаниями ликвидации или запрета деятельности общественного объединения могут служить нарушение им прав и свобод человека и гражданина, неоднократные или грубые нарушения Конституции РФ, федерального законодательства и иных нормативных актов либо систематическое осуществление деятельности, противоречащей его уставным целям.

Согласно ч.1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1 – ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной

власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

В ч. 2 этой статьи зафиксировано: «Неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом» [6].

Так как в ст. 282² УК РФ говорится об организации деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в силу судебное решение о ликвидации или о запрете их деятельности по признакам ее экстремистской направленности, А.В. Лебедев считает, что «в подобных случаях речь идет об умышленном невыполнении решения суда и о продолжении противоправной деятельности запрещенной организации» [7], а потому приходит к выводу о том, что ст. 282² является специальной нормой по отношению к ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта», а потому не требует квалификации по совокупности этих преступлений.

На наш взгляд, общественная опасность организации деятельности экстремистской организации состоит не столько в том, что не исполняется вступившее в силу судебное решение, а, прежде всего, в силу продолжения экстремистской деятельности такого объединения. Поэтому далеко не случайно расположение данной нормы в главе 29 УК «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Полагаем, что в случае продолжения функционирования экстремистской организации в целях осуществления экстремистской деятельности действия ее организаторов и участников должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 282² и 315 УК РФ.

Организация и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации не

являются проявлениями соучастия в преступлении, как считают некоторые авторы [8].

В каждой из названных статей Особенной части УК речь идет о двух самостоятельных составах преступления: организации (создании, руководстве) и участии в организованном преступном объединении, объективные признаки и характер которых различны, а потому и ответственность за эти деяния предусматривается в различных частях статьи.

Самостоятельным основанием уголовной ответственности при этом является не совместное умышленное участие в совершении преступления, а совершение лицом преступления, объективная сторона которого состоит либо в организации (создании и (или) руководстве), либо в участии в преступном объединении.

Участники экстремистского сообщества, экстремистской организации и иных, закрепленных законодателем в Особенной части УК объединений, а также их организаторы и руководители соучастниками преступления становятся лишь в случае подготовки и совместного совершения как преступлений, являющихся целью его создания, так и других умышленных преступных деяний.

Совместно совершенные членами таких объединений преступления должны квалифицироваться как совершенные организованной группой (при наличии такого квалифицирующего признака в соответствующей статье УК). Однако в том случае, если состав преступления не предусматривает его совершение организованной группой, действия лица подлежат квалификации по соответствующей части (пункту) статьи УК РФ, содержащей квалифицирующий признак «группой лиц по предварительному сговору», а при его отсутствии – по признаку «группой лиц». Эта позиция нашла подтверждение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 10 июня 2008 г. [9]

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Политическая психология / под ред. А.А. Деркола, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева.- М., 2001.- С. 225.
2. См.: Политическая психология. -С. 389.
3. Ольшанский Д.В. Психология террора. -Екатеринбург: Деловая книга, М.: Академ. проект, 2002. - С. 233.
4. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001г.) // Международное уголовное право в документах. - Казань: КГУ, 2005.-С. 500.
5. См.: Научно – практическое пособие по применению УК РФ. М.: НОРМА, 2005. С. 652.
6. Правоохранительные органы Российской Федерации. Сборник нормативных актов. Официальные тексты.- М.: Юрайт, 2005. -С. 16.
7. См.: Научно – практическое пособие по применению УК РФ. -М.: НОРМА, 2005. – С. 655.
8. См. например: Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: автореф. дис...канд. юрид. наук. - Краснодар, 2000. - С. 21.
9. См.: О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2008 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ.- 2008. - № 8. -С. 8-12.

А.Е. Шалагин,

кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры криминологии и
уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ОБЩЕСТВЕННОЙ НАВЯЩВЕННОСТИ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

*В статье проведен научный анализ преступлений против общественной
навящвенности по уголовному законодательству зарубежных стран.*

Анализ зарубежного законодательства показывает, что в настоящее время практически все страны мира имеют нормы, в той или иной мере связанные с уголовно-правовой охраной общественной нравственности. Существование этих норм обусловлено необходимостью государственного контроля за проституцией, оборотом порнографической продукции, защитой историко-культурных ценностей общества, охраной животных и птиц, а также наличием международно-правовых обязательств на уровне межгосударственных отношений.

Система преступлений против нравственных устоев и традиций общества сформировалась в законодательстве большинства европейских государств в XIX в. При этом наметились два основных подхода. В одних странах посягательства на нравственность стали рассматривать как преступления, связанные с половыми отношениями: изнасилование, вовлечение в проституцию, кровосмешение, соблазнение несовершеннолетних и т.д. В других – общественная нравственность охранялась и оберегалась не самостоятельно, а в связи с защитой иных общественных отношений (конституционных, семейных и прочих). Так, во французском уголовном законодательстве к преступлениям против общественного спокойствия относились и преступления против общественной нравственности. Венгерское Уголовное уложение в разделе «Преступления против

навящвенности» охватывало не только распространение порнографических сочинений, прелюбодеяние, кровосмешение, но и изнасилование и т.п.

В настоящий период система преступлений против общественной нравственности в зарубежном законодательстве подверглась серьезным изменениям, в связи с чем во многие уголовные кодексы были внесены изменения и дополнения.

В США к нарушениям, посягающим на моральные ценности общества, относятся: пребывание в состоянии опьянения в общественных местах, обладание запрещенными веществами (наркотиками, сильнодействующими препаратами и т.п.), незаконные азартные игры, незаконные консенсуальные сексуальные действия, нарушение супружеской верности, проституция, порнография и др. Если включить в это число близкие по своему роду правонарушения, такие, как вождение автомобиля в нетрезвом состоянии или нарушение общественного спокойствия, то на начало XXI века в США 36% всех арестов (это свыше 5 млн. человек) применялось за нарушение общественной морали[1].

В американском обществе, как и в большинстве других государств, считается, что гомосексуализм и проституция разлагают молодежь и подрывают идеалы семьи, а также являются причиной распространения СПИДа и венерических болезней. Противники порнографии полагают, что

она провоцирует изнасилования и другие сексуальные преступления. Алкоголь, наркотики и азартные игры являются причиной разрушения личности и повышения уровня смертности, а также дестабилизации и разрушения семьи. Сторонники законодательного запрета употребления наркотиков, алкоголя, организации незаконных азартных игр, проституции и порнографии утверждают, что эти «пороки» являются одной из причин бедности, социального, экономического, идеологического кризиса в государстве. Дальнейшее их распространение, по мнению ряда ученых, может привести к деградации общества.

К особенностям преступлений против морали американские ученые относят: криминализацию таких правонарушений, которая приводит к появлению «преступлений без жертв», т.е. преступное деяние совершается в отношении неперсонифицированного круга лиц (нарушаются или ставятся под угрозу нормы общественной нравственности). Другой особенностью является наличие факта обмена: товары (порнография, наркотики и проч.) или услуги (азартные игры, секс) обмениваются на деньги и т.п. Третьей особенностью является отсутствие видимого ущерба, связанного с правонарушением. Э. Шур и С. Кадиш отмечают, что законы, касающиеся таких преступлений, часто невозможно привести в исполнение, поскольку отсутствует истец. Также можно отметить развитие специфической маргинальной субкультуры, основанной на том, что люди, вовлеченные в среду совершения правонарушений против морали, нуждаются во взаимном общении и развитии своего «незаконного бизнеса». Наконец, можно отметить, что разрастание преступности в сфере общественной нравственности приводит к росту спроса и предложения на «черном рынке», что, в свою очередь, порождает создание и организацию крупномасштабных преступных

сообществ, которые, в числе прочего, занимаются подкупом должностных лиц в государственных органах и органах местного самоуправления.

Уголовное противодействие проституции существенно различается в зависимости от региональных, исторических, национальных и иных особенностей различных государств. Достаточно сравнить законодательство двух европейских стран – Нидерландов и Швеции. В первой из них процветают целые кварталы, отведенные для занятия проституцией, во второй в уголовное законодательство была введена норма, предусматривающая ответственность для клиентов, пользующихся услугами проституток. Гомосексуальная проституция наказуема, в частности, в Афганистане, Аргентине. В Германии уголовное наказание предусмотрено за занятие проституцией в запрещенных местах, например, возле школ. Важное влияние на выбор уголовной политики в отношении проституции оказывают религиозно-культурные и социально-политические факторы (в частности, организована жесткая борьба с проституцией в мусульманских странах и в КНР).

В настоящее время легальное занятие проституцией не запрещено законодательством Австрии, Великобритании, Бразилии, Греции, Дании, Израиля, Ирландии, Италии, Канады, Латвии, Ливана, Нидерландов, Перу, Турции, Уругвая, Финляндии, Чили, Швейцарии, Эквадора, некоторых штатов Австралии и Мексики, штатов Невада и Род-Айленд США. Так, в большинстве этих стран установлена ответственность за нарушение правил занятия проституцией. Уголовным законодательством предусматриваются наказания за нарушения регламентационных предписаний, касающихся указанной деятельности. К числу таких нарушений можно отнести: предложение сексуальных услуг в публичном месте, нарушение правил, ограничивающих проституцию,

совершенное повторно в течение года. Так, в УК Германии имеется § 184-а «Занятия запрещенной проституцией», по которому несет ответственность тот, «кто упорно нарушает изданный на основе правового предписания запрет на занятие проституцией в определенных местностях или в определенное время суток».

При этом в большинстве из перечисленных стран законодательно запрещены дома терпимости, сутенерство, сводничество и публичное предложение интимных услуг. Открытие публичных домов разрешено только в Германии, Ливане, Нидерландах, Новой Зеландии, Турции, Швейцарии, в некоторых графствах штата Невада (США). Во Франции такие дома были запрещены в 1939 г., в Италии – в 1958 г. В ряде стран действует система регистрации проституток и регламентации их деятельности (Австрия, Германия, Латвия, Ливан, Нидерланды).

Запрещена проституция во всех формах ее проявления в Индии, Исландии, КНР, Мальте, России (в странах СНГ), Румынии, Таиланде, Филиппинах, Швеции, ЮАР, Японии, а также в мусульманских странах и большинстве штатов США.

В целом в современном мире можно весьма условно выделить три основные модели уголовно-правового воздействия на проституцию:

- 1) либеральную (Германия, Латвия, Нидерланды, Новая Зеландия, Швейцария, штат Невада (США));
- 2) умеренно-репрессивную (Россия, страны СНГ, Израиль, Франция, Япония);
- 3) жестко-репрессивную (большинство мусульманских стран, КНР, некоторые штаты США) [2].

Либеральная модель характеризуется следующими чертами:

- а) декриминализация отдельных деяний, связанных с проституцией, разрешение занятия легальной проституцией;

- б) более мягкие санкции в отношении сутенеров (сводников), особенно при отсутствии признаков организованного преступного бизнеса и насильственного принуждения;

- в) противодействие наиболее опасным формам и проявлениям проституции (детская проституция, торговля людьми).

Умеренно-репрессивная модель предполагает признание проституции противозаконной деятельностью, однако уголовно-правовые санкции, как правило, не распространяются на самих проституток и их клиентов.

Жестко-репрессивная модель преступным деянием признает как само оказание сексуальных услуг, так и действия по организации проституции. Во всех мусульманских странах, где уголовное право основано на нормах шариата (Афганистан, Иран, Йемен, Катар, ОАЭ, Пакистан, Саудовская Аравия, Судан, некоторые штаты Малайзии и Нигерии), совершение актов проституции считается частным случаем преступления *зина* (прелюбодеяние). Согласно шариату, это преступление карается смертью, если виновный или виновная состояли в браке. В ином случае наказанием за него являются 100 ударов плетью. Однако на практике эта архаичная норма не применяется из-за строгих правил доказывания (требуются два свидетеля мужчины или четыре свидетеля женщины).

В настоящее время почти во всех государствах мира составы преступлений, связанные с проституцией, включены в текст уголовных кодексов. Лишь в отдельных странах ответственность за такие действия предусмотрена специальными законами (например, в Бангладеш, Малайзии, Пакистане, Таиланде, Японии). При этом в каждой стране установлен свой перечень уголовно наказуемых деяний, связанных с проституцией, количество составов преступлений может варьироваться от 1 до 10.

В США многие ученые порнографию считают не только оскорбительной с моральной и эстетической точек зрения темой, но и проблемой, подрывающей нравственные устои граждан. Более того, полагают, что порнография (особенно изображение сцен, связанных с насилием), прямо или косвенно провоцирует сексуальные нападения на женщин.

Порнография рассматривается как недвусмысленное, циничное, сексуальное изображение полового акта, представленного графически в тексте, изображении и т.д. Подобные материалы призваны унижать достоинства граждан, причинять психологический дискомфорт, способствовать насилию и провоцировать половые преступления. Согласно американскому законодательству, «контрабанда» или принуждение другого лица к изготовлению порнографических материалов является административным правонарушением. Отсюда следует, что любое лицо, пострадавшее в ходе таких действий, может потребовать назначения пособия или денежной компенсации.

Американские ученые обнаружили, что порнография, включающая сцены насилия, вызывает агрессию у лиц мужского пола, в свою очередь, ненасильственные эротические материалы такой реакции не вызывают [3]. В работах других ученых показано, что демонстрация сцен насилия (вне зависимости от сексуального контекста) вызывает реакцию сексуальной агрессии. По мнению Д. Рхода, «вред, приносимый порнографией, не ограничивается отдельными актами агрессии по отношению к отдельным женщинам. Вред причиняется всем женщинам в целом путем «эротизации» неравенства, связи женской сексуальности с подчинением и представления женщин как источника удовольствия для мужчин. Порнография, изображающая женщину как вещь или животное, не может не влиять на социальное положение всего женского пола» [4].

Уголовным законодательством штата Техас (США) предусмотрена ответственность за демонстрацию или распространение визуальных материалов непристойного характера. Лицо признается виновным, если оно намеренно или осознанно демонстрирует или распространяет непристойную фотографию, рисунок или подобное визуальное изображение, а также иные материалы непристойного содержания. Также является наказуемой продажа, распространение или демонстрация материалов, вредных для несовершеннолетнего. К их числу относят: предметы, способные вызвать нездоровый интерес несовершеннолетнего к сексу, демонстрацию обнаженного тела или полового акта и т.д.

К числу отдельной уголовной нормы относится «Представление сексуального характера в исполнении ребенка» (ст. 42.25). В данном случае имеются в виду дети моложе 18 лет. Под представлением понимается любая пьеса, фильм, фотография, танец или иное визуальное изображение несовершеннолетнего, которое можно демонстрировать перед аудиторией, состоящей из одного и более лиц. Статьей 43.26 установлена ответственность за владение или содействие распространению детской порнографии [5].

По УК Республики Польша наказуема демонстрация порнографических материалов или изделий малолетним, то есть лицам моложе 15 лет, либо приобщение их к таким предметам. Лица же, изготавливающие, распространяющие предметы порнографического содержания с участием малолетних либо с применением насилия или с использованием животного (ст. 202), подлежат лишению свободы на срок от 3 месяцев до 5 лет [6].

Уголовное законодательство Турции предусматривает ответственность за производство, распространение, реализацию книг, газет, брошюр,

журналов, статей, объявлений, рисунков, картин, афиш, транспарантов, кинофильмов или проекционных лент, а также иных предметов непристойного содержания, оскорбляющих чувство достоинства и возбуждающих сексуальные желания. В подобных случаях штраф составляет от 2 млн. до 10 млн. лир [7].

Уголовное законодательство Норвегии преступления против общественной морали относит к числу незначительных преступлений. Так, в § 382 гл. 38 указывается на ответственность лица, которое во время своей коммерческой деятельности производит, предоставляет для продажи или проката, распространяет фильмы, видеопрограммы или аналогичные материалы, в которых в развлекательных целях представлено недозволительное использование сцен грубого насилия. Такое лицо подлежит наказанию в виде штрафа или тюремного заключения сроком до 6 месяцев или в их сочетании. Также подлежит наказанию лицо, которое использует сцены грубого насилия при общественных показах в телевизионных передачах или при ретрансляции таких передач в Норвегии.

Во многих странах Азии и Африки, ввиду их религиозного и культурного своеобразия, законы в отношении порнографии не настолько либеральны, как в Европе и США. В некоторых из них создание и оборот порнографических материалов не допускается совсем, а наказание за распространение порнографии гораздо более суровое. В ряде государств (где в качестве официальной идеологии исповедуется исламский фундаментализм и применяются законы шариата) уголовный запрет установлен не только на распространение порнографии, но и вообще на изображение или демонстрацию обнаженного тела [8].

Уголовный кодекс КНР предусматривает целый ряд уголовно-правовых норм, направленных на пресечение оборота порнографии. Статья

152 закрепляет ответственность за контрабанду порнографических кинокопий, видео- и аудиопродукции, изображений, литературы или других предметов порнографического содержания. Наказание за данное деяние предусмотрено от 3-х до 10 лет лишения свободы, а в случае совершения его при отягчающих обстоятельствах – свыше 10 лет или пожизненное заключение. В ст. 363 уголовно наказуемыми признаются следующие действия: производство, копирование, торговля и распространение порнографических предметов. Специфическим способом распространения порнографии УК КНР признает организацию показа порнографического шоу (ст. 365). По мнению большинства китайских юристов, «... включение этих положений в уголовный кодекс должно способствовать искоренению зрелищ порнографической направленности, изменению атмосферы в обществе и строительству новой духовной культуры» [9].

К иным преступлениям против общественной нравственности, предусмотренным уголовным законодательством зарубежных стран, относятся схожие составы противоправных деяний, закрепленных в УК России. Например, в ст. 321 УК Испании предусмотрена ответственность за разрушение здания, имеющего особую историческую, художественную, культурную или выдающуюся ценность. Под уголовное наказание подпадают также лица, причинившие ущерб архиву, реестру, музею, библиотеке, учебному заведению, научному кабинету (лаборатории), аналогичному институту или имуществу, имеющему историческую, художественную, научную, культурную или мемориальную ценность, а равно и археологическим раскопкам [10].

Уголовным законодательством Великобритании предусмотрена ответственность за умышленное разрушение или порчу охраняемых

памятников истории или культуры. Так, «лицо признается виновным в совершении преступления, если оно без разрешения или в нарушение условий разрешения осуществляет, санкционирует, заставляет или разрешает: проведение работ, которые ведут к уничтожению или разрушению зарегистрированного памятника или наносят ему ущерб, проведение работ по перемещению памятника или какой-либо его части, а также проведение затопительных работ, организация свалок на территории охраняемого государством объекта» [11].

Охрана памятников истории и культуры Уголовным кодексом Франции осуществляется посредством нормы, предусмотренной ст. 322² (повреждение, поломка имущества), и наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом в 300 тыс. франков, если это имущество представляет собой: археологическую находку или предмет, находящийся в музеях, библиотеках или архивах; предмет, демонстрируемый во время выставки исторического, культурного или научного характера, организованной государственными органами или должностными лицами [12].

Итальянским уголовным законодательством установлена ответственность за нанесение ущерба национальному археологическому, историческому или художественному достоянию. В ст. 733 УК Италии указано, что тот, кто уничтожает, ухудшает или повреждает памятник или другой предмет, имеющий значительную ценность, наказывается лишением свободы сроком до одного года или штрафом [13].

Законодательство Норвегии также предусматривает ответственность за нанесение ущерба памятникам, коллекциям, другим предметам, имеющим историческую, национальную или религиозную ценность. Данный состав именуется грубым вандализмом (§ 292). За совершение данного преступления предусмотрены

следующие виды наказания: штраф или тюремное заключение сроком до шести лет [14].

В специальном законе Израиля «Об охране памятников древности» помимо основных положений и норм, регулирующих археологические раскопки, предусмотрен целый ряд нарушений, влекущих наказание в виде тюремного заключения или крупного денежного штрафа. Ответственность наступает в случае нарушения любого положения закона о сохранности древностей [15].

В США создана система национальных парков, имеется закон, регламентирующий охрану природного, культурного и исторического наследия страны. Закон устанавливает регламент посещения таких парков, а также меры охраны и правила пользования. Особое внимание уделено научно-исследовательской деятельности в отношении археологических памятников [16]. В случаях нарушения законодательства лица подлежат различным видам ответственности. В основном применяются такие наказания, как штраф и тюремное заключение.

Отдел IV «О посягательствах на уважение к умершим» УК Франции предусматривает наказание в виде одного года тюремного заключения и штрафа в размере 100 000 франков за любое посягательство на неприкосновенность трупа, совершенное разнообразными способами. Также уголовно наказуемо нарушение или осквернение гробниц, могил, памятников, сооруженных в память об умерших. Если преступные деяния совершены в связи с реальной или предполагаемой принадлежностью скончавшихся лиц к этнической группе, нации, расе, религии, наказания увеличиваются до трех лет тюремного заключения и 300 000 франков, а если такие деяния сопровождалось посягательством на неприкосновенность трупа, тюремное заключение будет

составлять пять лет и штраф в размере 500 000 франков [17].

Жестокое обращение с животными наказуемо в большинстве зарубежных стран. Для примера приведем Уголовный кодекс штата Техас (США). В статье 42.09 определяется, что лицо признается виновным в следующих случаях:

- если оно намеренно или осознанно подвергает животное пыткам;
- не предоставляет требуемый корм, заботу или кров животному, находящемуся под опекой такого лица;
- жестоким образом перемещает или ограничивает свободу животного;
- убивает, наносит тяжелые увечья или дает яд животному, не имея на то законного основания;
- оставляет животное в опасных для него условиях;
- провоцирует бой животных между собой;
- использует животное в качестве приманки (направляющего) во время тренировки для собачьих бегов или при их проведении;
- сбивает лошадь;
- подвергает животное непосильным работам [18].

В главе XI § 222 УК Австрии предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до 1 года или денежного штрафа до 360 дневных ставок за жестокое обращение с животными или причинение им необоснованных мучений. Также подлежат ответственности лица, которые в процессе ухода за большим количеством животных пропустили их кормление или иным образом лишили пищи и воды, причинив животным мучения [19].

Уголовное законодательство стран СНГ в части охраны общественной нравственности в своем большинстве схоже с уголовным законом Российской Федерации. В УК Беларусь в разделе XI «Преступления против общественного порядка и общественной нравственности» предусмотрена ответственность за умышленное разрушение, уничтожение или

повреждение памятников истории и культуры (ст. 344); разрушение, уничтожение или повреждение историко-культурных ценностей по неосторожности (ст. 345); надругательство над историко-культурными ценностями (ст. 346); надругательство над трупом или могилой (ст. 347) [20].

В главе VIII «Преступления против общественного здоровья и общежития» УК Республики Молдова к посягательствам на общественную мораль относятся: разрушение или порча памятников истории и культуры (ст. 221), надругательство над могилой (ст. 222) [21].

Уголовная ответственность за надругательство над могилой и трупом (ст.228), уничтожение и повреждение памятников культуры (ст. 229), жестокое обращение с животными (ст. 230) [22] устанавливается уголовным законодательством Латвийской Республики. По такой же схеме с незначительными особенностями установлена ответственность за преступления против общественной нравственности в большинстве стран ближнего зарубежья[23].

В ряде уголовных кодексов к преступлениям против общественной нравственности законодатель относит изготовление или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия или жестокости. Наказания за такие преступные деяния выражаются в виде штрафа, исправительных работ либо лишения свободы на срок, как правило, до одного года[24]. Более строго наказываются действия относительно кино- и видеопродукции, пропагандирующей культ насилия или жестокости, а равно сбыт такой продукции несовершеннолетним.

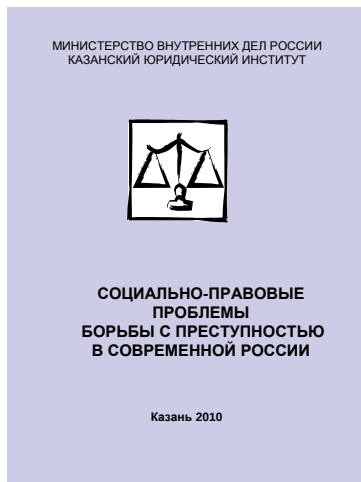
УК Украины, кроме того, к преступлениям против общественной нравственности относит вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, в пьянство, в занятие попрошайничеством, азартными играми

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. - СПб.: Питер, 2003.- С. 287-318.
2. Додонов В. Ответственность за преступления, связанные с проституцией, в современном уголовном праве // Уголовное право.- 2007.- № 1.- С. 101-102.
3. См.: Sullivan W. Violent Pornography Elevates Aggression, Researchers Say//The New York Times. - 1980.- September 30.- P. 1-3.
4. См.: Rhode D. Gender and Justice.- Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.- P. 269.
5. См.: Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. И.Д. Козочкина, перевод Д.Г. Осипова. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.- С. 485-495.
6. См.: УК Республики Польша.- Минск: Тесей, 1998.- С. 73-74.
7. Уголовный кодекс Турции / под науч. ред. Н. Сафарова, Х. Бабаева.- СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.- С. 268-281.
8. Булгакова О.А. Уголовная ответственность за распространение порнографических материалов или предметов: дис. ... канд. юрид. наук.- Ставрополь, 2003.- С. 95.
9. Энциклопедия нового Уголовного кодекса КНР.- Пекин, 1997.- С. 1214.
10. См.: УК Испании. - М.: Зерцало, 1998. - С. 104-105.
11. См.: Законодательство зарубежных государств. Обзорная информация. Охрана памятников истории и культуры (Великобритания, Италия, США, Франция).- М., 1992. С. 33.
12. См.: УК Франции / под науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой.- СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.- С. 232.
13. См.: Уголовный кодекс Италии.- М., 2001.- С. 354.
14. См.: Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. Ю.В. Голик. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
15. См.: Калининская Я.С. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры: дис. ... канд. юрид. наук.- М.: Моск. ун-т МВД РФ, 2008. -С. 74.
16. См.: Соболев К.В. Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательств в области охраны памятников археологии // Юриспруденция. - 2001.- № 1.- С. 43.
17. См.: УК Франции / под науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой.- СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.-С. 239-240.
18. См.: Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. И.Д. Козочкина, перевод Д.Г. Осипова. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. - С. 470-475.
19. См.: Лобов И.И. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными: дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2000. - С. 50.
20. См.: УК Республики Беларусь.- Минск: Тесей, 2001. - С. 216-217.
21. См.: Уголовный кодекс Республики Молдова / вступит. статья А.И. Лукашова. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - С. 282-283.
22. УК Латвийской Республики.- Минск: Тесей, 1999.- С. 125-126.
23. Более подробно см.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики.- СПб.: Юридический центр Пресс, 2001; Уголовный кодекс Республики Армения / под науч. ред. Е.Р. Азаряна, Н.И. Манцева. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004; Уголовный кодекс Кыргызской республики / предисловие А.П. Стуканова, П.Ю. Константинова. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Уголовный кодекс Туркменистана.- СПб.: Юридический центр Пресс, 2002; Уголовный кодекс Узбекистана. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 и др.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Социально-правовые проблемы борьбы с преступностью в современной России: материалы итоговой научно-практической конференции Казанского юридического института МВД России. – Казань: КЮИ МВД России, 2010. – 193 с.

Для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, студентов, курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД РФ, практических работников ОВД, всех, кто изучает современные проблемы борьбы с преступностью.

В.Н. Винокуров,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права и криминологии

Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск

ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ ПРАВОМЕРНОГО СОГЛАСИЯ ЛИЦА НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА СОБСТВЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ

В статье рассматриваются вопросы допустимости причинения вреда лицом собственным интересам. Критерием допустимости правомерного согласия лица на причинение вреда собственным интересам является вред, затрагивающий как непосредственно, так и в будущем интересы других лиц, общества и государства.

Предоставление гражданам субъективных прав и охрана этих прав законом являются способом регулирования поведения людей нормами объективного права. Право требовать определенного поведения от обязанных лиц принадлежит не государству непосредственно, а лицам, наделенным субъективными правами[1]. При этом возникает вопрос: может ли личность самостоятельно распоряжаться жизнью, неприкосновенностью, честью и свободой, поскольку они охраняются не сами по себе, а ради их носителей в их интересах. В зависимости от характера нарушенных интересов в уголовном процессе выделяют дела частного и публичного обвинения. К материально-правовым основаниям выделения частного обвинения в самостоятельный вид обвинения относится природа преступлений, причиняющих вред частным интересам граждан, когда государство лишь предоставляет потерпевшему выбрать способ разрешения конфликта. Поэтому трудно согласиться с тем, что наличие или отсутствие объекта преступления определяется волеизъявлением лица, которому причинен вред [2].

Субъект отношений связан социальными связями с другими членами общества, государством. Поэтому причинение вреда интересам, которыми он распоряжается, хотя и с согласия самого лица, нарушает общественные интересы и является общественно опасным [3]. Как отмечал Н.С. Таганцев, «... в тех случаях, когда посягательство на частное право включает в себе нарушение интересов

общественных и государственных, согласие уничтожает преступность деяния только как нарушение частных прав, но не имеет никакого значения для его общественных и государственных моментов. Брань, с согласия на таковую обруганного, не составляет преступной обиды, но обругавший может быть привлечен к ответственности за нарушение тишины и спокойствия, как скоро в учиненном им деянии находятся необходимые для этого элементы» [4]. Кроме этого, если лицо, включенное в определенные правоотношения, причиняя себе вред, стремилось уклониться от возложенных на него обязанностей, то его действия и действия лица, причинившего ему вред, следует квалифицировать по ст.328 УК РФ.

Все случаи причинения вреда потерпевшему можно разделить на причинение вреда здоровью и причинение имущественного ущерба. Так, причинение лицу тяжкого вреда здоровью средней тяжести является общественно опасным, так как на лечение человека затрачиваются средства: оплата государством работы врачей, медикаментов, оплата больничного и т.д., т.е. влечет затраты государства. Поэтому причинение вреда с согласия лица является общественно опасным. [5] Соответственно, необоснованной является декриминализация причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, поскольку потерпевшему в рамках уголовного дела проще добиться компенсации ущерба, чем посредством подачи иска о его возмещении. В итоге значительную часть расходов, связанных с

лечением граждан, которым по неосторожности был причинен средней тяжести вред здоровью, несет государство [6]. Нецелесообразным является и примечание к ст.122 УК РФ, так как согласившийся на заражение ВИЧ-инфекцией или на поставление себя в опасность ее заражения, по сути, дает согласие не только на причинение вреда собственному здоровью, но и на то, чтобы в дальнейшем представлять угрозу для окружающих, и на то, чтобы общество изыскивало средства на его лечение, пытаясь отдалить его смерть и минимизировать опасность заражения других. Следовательно, общественная опасность лица, своевременно предупредившего потерпевшего о наличии у него ВИЧ-инфекции, не устраняется [7].

Учитывая, что последствия ряда преступлений проявляются через определенное время и причиняют вред всему обществу, преступным является половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст.134 УК РФ).

Рассмотрим вопрос о возможности лица самостоятельно распоряжаться своим имуществом. Так, право собственника на отчуждение имущества и отсутствие противоправности в действиях, направленных на повреждение или уничтожение имущества, означает, что его согласие на совершение таких действий исключает их противоправность и общественную опасность. Но при этом граждане должны соблюдать законы и правила общежития, поэтому уничтожение имущества, имеющего общественное (хозяйственное, эстетическое и т.д.) значение, противоправно даже при согласии самого лица [8]. Кроме этого, уничтожение и повреждение имущества с согласия его собственника следует

признавать преступлением, когда оно принадлежало и другим лицам, например близким, или если лицо стремилось к достижению преступной цели (например, уничтожению застрахованного имущества с получением страховой суммы) [9] Таким образом, собственник может уничтожить свое имущество, только если: имущество принадлежит лично ему; не относится к историческим, культурным и другим памятникам; это не создает угрозу причинения вреда интересам других собственников (быть общественно опасным), и не выступает способом совершения другого преступления[10].

Учитывая, что согласие лица на причинение вреда правомерно только лишь при причинении вреда собственным интересам, Б.В.Сидоров предложил закрепить в ст.76 УК РФ положение о том, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности не за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а за преступления, причинившие вред исключительно лицу, с согласия которого лицо может быть освобождено от уголовной ответственности и только благами, находящимися в его полном распоряжении[11] Представляется, что указание на то, что вред должен быть причинен исключительно лицу и только тем благам, которые находятся в полном распоряжении потерпевшего, дублируют друг друга, поскольку субъект находится в системе правоотношений, и он может распоряжаться только теми благами, причинение вреда которым не причиняет вред интересам других лиц.

Таким образом, пределом правомерного согласия лица на причинение вреда собственным интересам является вред, затрагивающий как непосредственно, так и в будущем интересы других лиц, общества и государства

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифоров Б.С. Об объекте преступления по советскому уголовному праву // Сов. гос. право. - 1956.- №6.- С.65.
2. Мотин О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.- Волгоград, 2005. - С.18.

3. Дагель П.С. Имеет ли согласие потерпевшего уголовно-правовое значение? // Сов. юстиция.- 1972. - №3.- С.26.
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. - М., 1994.- Т.1. -С.185.
5. Расторопов С. Уголовно-правовое значение согласия лица на причинение вреда своему здоровью // Законность.-2003.- №10.- С.46; Димитрова Е.А. Уголовная ответственность за организацию религиозного объединения, посягающего на личность и права граждан. -Красноярск, 2007. - С.107.
6. Кузнецова Н.Ф. Мнение ученых о реформе УК (или QUI PRODEST) // Уголовное право.- 2004.-№1. -С.26–27.
7. Лобанова Л. В., Каменев Р.Г. Уголовно-правовое значение возможного заражения ВИЧ-инфекцией // Росс. юстиция. -2008. -№3. -С.30; Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. - СПб., 2004. -С.165–166.
8. Курс советского уголовного права.- ЛГУ, 1968. -Т.1.-С.517-518. То, что собственник имущества, представляющего культурную и историческую ценность, не может его уничтожить, доказывает наличие ст.240 ГК РФ, согласно которой, если собственник культурных ценностей бесхозяйственно содержит эти ценности, что грозит утратой ими своего значения, то они по решению суда могут быть выкуплены у собственника с публичных торгов.
9. Уголовное право Российской Федерации (Общая часть): учебник / под ред. А.И. Марцева. -Омск, 1998. - С.175.
9. Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. - М., 2003.-С.136.
10. Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность: автореф. дисс. докт. юрид. наук. - М., 1998. - С.20.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Научные труды Казанского юридического института МВД России: Вып. 10 / под ред. к.пс.н. Ф.К. Зиннурова. – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2010.- 383 с.

В десятом сборнике научных трудов института представлены статьи, посвященные вопросам организации и проведения научных исследований по актуальным проблемам совершенствования деятельности органов внутренних дел в соответствии с профилем подготовки специалистов в институте, внедрения полученных результатов в учебный процесс и практику органов внутренних дел.

М.В. Гусарова,

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права
КЮИ МВД РФ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье анализируются современное состояние и тенденции преступности в сфере незаконного оборота порнографических материалов или предметов. Автор уделяет внимание особенностям изготовления и распространения порнографической продукции при помощи высоких технологий. Исследуется взаимосвязь указанных деяний с иными преступлениями.

Деяния, связанные с незаконным оборотом порнографических материалов или предметов, как объект криминологического исследования включают преступления, предусмотренные ст.ст. 242 и 242¹ Уголовного кодекса РФ. Криминологическая характеристика рассматриваемых деяний до настоящего времени должным образом не разработана. При этом соотношение фактического оборота порнографической продукции, в том числе с изображениями несовершеннолетних, и чрезвычайно низких показателей преступности в данной сфере свидетельствует о необходимости проведения соответствующего криминологического анализа и последующей выработки конкретных мер по устранению создавшегося дисбаланса и, собственно, предупреждению данного вида преступлений.

Порнография в той или иной форме была присуща любому обществу на всех этапах его исторического развития. Однако в России резкий переход от аскетизма советского периода в вопросах освещения взаимоотношения полов к «сексуальному освобождению» эпохи демократии, выразившемуся, в частности, в распространении порнографической продукции, привел к коммерциализации интимной стороны жизни и, как следствие, обнищанию духовной сферы и прочим негативным социальным явлениям.

В общественный лексикон прочно вошло понятие «порнобизнес», означающее изготовление, рекламирование, распространение и совершение прочих действий с порнографической продукцией, сопряженных, как правило, с извлечением большого дохода. Активное производство порнографических фильмов и иной продукции аналогичного характера в целях личного и коммерческого использования началось со второй половины XX века, и уже тогда данные товары «продавались за суммы, намного превышающие затраты на их создание [1]. Указанное свойство порнографической продукции, состоящее в многократном увеличении вложенных средств, не меняется с течением времени. Одной из основных причин того, по мнению автора, является примитивный характер порнографической продукции (отсутствие игры актеров, выстроенной сюжетной линии и т.п.), обеспечивающий простоту создания и относительно низкие затраты. В то же время, несмотря на указанные обстоятельства, спрос на порнографическую продукцию всегда очень высокий. Создатели порнографии стремятся воздействовать не на чувства зрителя, а на физиологию его тела, проецируя на экран затаившееся в зрителе [2].

С середины 90-х гг. прошлого века индустрия порнографии (порнобизнес) считается третьим по величине источником прибыли для организованной преступности в США [3]. Аналогичным

образом ситуация складывается и в России: высокая доходность данного вида деятельности обусловила повсеместное распространение порнографических материалов или предметов, сосредоточив данный бизнес в руках организованных преступных групп. Сегодня лица, занимающиеся указанной деятельностью, как правило, имеют в своем распоряжении оснащенные необходимым техническим оборудованием студии, в которых создаются порнографические изделия (видеофильмы, фотографии и т.п.), а также каналы и налаженный рынок сбыта произведенной продукции. Начальник Управления по делам несовершеннолетних и молодежи Генеральной прокуратуры РФ А.А. Бигулов по этому поводу пояснил: «... Лица, причастные к порноиндустрии, распространяют свою продукцию по всем без исключения регионам России. Повсеместно производятся съемки порнофильмов, которые через Москву и другие крупные города направляются потребителям за рубеж» [4].

В современном обществе почти все преступления могут совершаться и совершаются с помощью высоких технологий [5]. В связи с этим отдельной проблемой в сфере незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов стал оборот порнографии, в том числе содержащей изображения несовершеннолетних, в телекоммуникационной сети Интернет. Около 75 % всей детской порнографии распространяется именно в Интернете [6]. Отсутствие государственных границ и, как следствие, возможности четкого регулирования содержащейся в Интернете информации упростило распространение порнографии и существенно расширило его границы.

Интернет-пространство позволило лицам, не занимающимся первичным изготовлением порнографической продукции, копировать данные материалы, том числе с иностранных порносайтов, и легко распространять (рекламировать) их опять же при помощи сети Интернет.

Вместе с тем выявление рассматриваемых преступлений в Сети и установление виновных лиц во многих случаях затруднительно. Порнографические сайты, ориентированные только на зарубежную аудиторию, могут быть закрытыми для российских пользователей. Так, сотрудники управления «К» МВД России и ГСУ при ГУВД по Иркутской области установили группу лиц, изготавливающих фотоматериалы с порнографическими изображениями детей и распространяющих их через Интернет. Указанные сайты предназначались для иностранных пользователей, российские граждане доступа к ним не имели [7].

Приобрести порнографические материалы или предметы, в том числе с изображением несовершеннолетних, стало очень просто. Более того, люди, не имея соответствующего намерения, нередко сталкиваются с назойливыми предложениями современной индустрии ознакомиться и приобрести указанную продукцию. Не последнее место в данном случае занимают опять же интернет-сайты, которые демонстрируют порнографические кадры в качестве рекламы. При этом немалая их часть не ограничивается показом скучных заставок, а совершенно бесплатно представляют вниманию разнообразные неподвижные изображения и фильмы порнографического характера. Направлено это, прежде всего, на вызов интереса потенциального потребителя, который впоследствии будет приобретать данную продукцию за плату. Опросы, проведенные в США, показали, что информацию порнографического характера содержит 30% спама [8] и большая часть незатребованных почтовых сообщений [9].

Опасения вызывают и способы изготовления порнографических материалов с изображением несовершеннолетних при помощи сети Интернет. Мониторинг сети Интернет показывает, что каждый пятый ребенок, проводящий время в on-line чатах, подвергается сексуальному домогательству, а 70 % преступников,

осужденных по преступлениям, связанным с сексуальной эксплуатацией детей, использовали в своих намерениях Интернет [10].

Когда преступники входят в контакт с несовершеннолетним, компьютер которого оснащен web-камерой, они всячески принуждают ребенка к совершению определенных действий перед компьютером: позированию в нижнем белье или без него, раздеванию, а иногда и занятию сексом. За указанные действия несовершеннолетние лица, как правило, получают вознаграждение. Положение усугубляется тем, что в ряде случаев несовершеннолетние позируют перед web-камерами по указанию своих родителей или близких, которые и получают доход за указанные действия.

Отдельное внимание в данном вопросе необходимо уделить средствам массовой информации, телепрограммы и печатная продукция которых на сегодняшний день изобилуют материалами порнографического содержания. Согласно опубликованным данным, еще несколько лет назад в России распространялось около тысячи изданий порнографического и близкого к нему «крутого» эротического характера, а ежемесячная сумма от реализации порнографической продукции составляла 5 млн. долларов [11]. Так, газета «СПИД-ИНФО», много лет печатающаяся большим тиражом, и аналогичные ей издания являются, по сути, порнографической продукцией, беспрепятственно распространяются.

В реальности значительную часть аудитории, так или иначе сталкивающейся с порнографической продукцией, составляют несовершеннолетние. Помимо отрицательного воздействия на несовершеннолетних, нельзя забывать и о негативном влиянии данной продукции на иные возрастные категории граждан. Косвенное воздействие порнографии на преступность происходит через систему моральных ориентиров или оценок, процесс деформированного нравственного развития личности, результатом которого нередко становится совершение

преступления, причем не обязательно сексуального характера [12].

Некоторые авторы разделяют порнографию «мягкую» и «жесткую». Первоначально различали «мягкую порнографию», которая сексуально возбуждает, но при этом не содержит изображения полового акта и половых органов, и «жесткую порнографию», изображающую откровенные сексуальные действия или продолжительный показ гениталий [13]. В настоящее время термин «мягкое порно» означает менее агрессивное изображение полового акта, в то время как «жесткое порно» демонстрирует половые извращения (насилие, секс с детьми и животными и т.п.). В действительности разграничить указанные виды довольно сложно. На сегодняшний день порнография представляет собой реальную угрозу общественной нравственности, вследствие чего значительная часть действий с порнографическими материалами или предметами запрещена Уголовным кодексом под страхом наказания.

Р.С. Джинджолия в своей работе указал, что «по большинству дел источники приобретения порнографических предметов не устанавливаются» [14]. Аналогичная ситуация существует и сегодня: в 93 % уголовные дела по ст.ст. 242, 242¹ УК РФ возбуждаются по факту распространения порнографической продукции, в то время как факты ее изготовления устанавливаются крайне редко.

В 2005 году всего по России по факту незаконного распространения порнографических материалов или предметов зарегистрировано 2 164 преступления, 2006 – 2 879, 2007 – 3 128, 2008 – 1 794, 2009 – 1 916. В том числе по Приволжскому федеральному округу в 2005 году – 496, 2006 – 586, 2007 – 1 224, 2008 – 539, 2009 – 582.

Лиц, совершивших указанное преступление, всего по России выявлено в 2005 году – 1 332, 2006 – 1 191, 2007 – 1 324, 2008 – 944, 2009 – 1 002. В том числе по Приволжскому федеральному округу в

2005 году – 342, 2006 – 347, 2007 – 386, 2008 – 327, 2009 – 371.

Преступления, предусмотренные ст. ст. 242, 242¹ УК РФ, характеризуются высокой степенью латентности, что обусловлено рядом факторов:

- порнографический характер той или иной продукции не всегда очевиден;
- преступления с формальным составом, к числу которых относятся деяния, предусмотренные ст.ст. 242 и 242¹ УК РФ, менее очевидны при прочих равных условиях;
- порнографические материалы и предметы относятся к интимной сфере жизни, вследствие чего люди предпочитают не сообщать в правоохранительные органы об известных им деяниях, сопряженных с указанной продукцией, в случае, если это может их каким-либо образом скомпрометировать;
- отсутствие необходимой правовой оценки со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Следовательно, снижение количественных показателей по рассматриваемой категории дел в условиях повсеместного распространения порнографической продукции свидетельствует скорее о снижении эффективности действия уголовно-правового запрета в данной сфере, нежели чем о реальном улучшении обстановки и устранении ее криминогенных факторов. В настоящее время необходимо скоординировать деятельность сотрудников правоохранительных органов на устранение и нейтрализацию факторов латентности данного вида преступлений.

Деяния, предусмотренные ст.ст. 242, 242¹ Уголовного кодекса, в ряде случаев сопряжены с совершением иных преступлений. Прежде всего, с торговлей людьми (ст. 127¹), вовлечением в занятие проституцией (ст. 240) и организацией занятия проституцией (ст. 241).

Торговля людьми предполагает куплю-продажу человека либо его вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение, совершенные в целях его эксплуатации [15]. В реальности указанная

эксплуатация в ряде случаев выражается в принудительном труде в сфере порнобизнеса: девушек, вывозимых за рубеж, используют в качестве моделей при съемке порнофильмов или производстве иной продукции порнографического характера [16].

Как известно, проституция является связующим звеном и катализатором в цепи различных проявлений социальных патологий [17]. В то же время проституция нередко сопряжена и с совершением преступлений: «за последнее время все большее распространение получает использование проституции организованными преступными формированиями» [18]. В соответствии со ст. 240 УК РФ, уголовно наказуемым является вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией. Ст. 241 УК РФ предусматривает ответственность за организацию занятия проституцией другими лицами, содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для занятия проституцией [19].

Указанные деяния, а также проституция в целом, связаны с преступлениями в сфере незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов (ст.ст. 242, 242¹). Деяния, предусмотренные ст. 240, являются основой для воспроизводства организованных форм секс-индустрии и порнобизнеса [20]. В притонах для занятия проституцией широко распространена демонстрация фильмов порнографического содержания с целью возбуждения клиентов (при желании здесь же можно и приобрести порнографическую продукцию). Кроме того, «используемая в целях наживы порнография, формируя клиентов для проституток, выполняет и непосредственную роль в повышении эффективности интимного сервиса» [21]. В то же время лица, занимающиеся проституцией, в ряде случаев выполняют роли актеров и моделей для производства порнографии.

Общим для деяний с порнографической продукцией и проституции является специфическая сфера – интимные отношения, а также корыстная направленность указанных действий. Таким образом, порнография и проституция часто находятся в определенной взаимосвязи и как социально негативные явления, и как преступления, предусмотренные ст.ст. 240, 241, 242 и 242¹ Уголовного кодекса.

В завершении автор сформулировал ряд выводов.

Во-первых, высокая доходность преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов или предметов, обусловили повсеместное распространение указанной продукции, сосредоточив данный бизнес в руках организованных преступных групп.

Во-вторых, появившаяся в современном обществе возможность совершать преступления с помощью высоких технологий породила отдельную проблему в области противодействия порнографии: изготовление и распространение порнографических материалов или предметов, в том числе содержащих изображения несовершеннолетних, стало возможным при помощи сети Интернет. При этом отсутствие государственных границ и, как следствие, возможности четкого регулирования содержащейся в Интернете информации упростило распространение порнографии и существенно расширило его границы.

В-третьих, как показала практика, норм уголовного законодательства в области

противодействия незаконным действиям с порнографическими материалами или предметами (ст.ст. 242, 242¹ УК РФ) и действующих федеральных законов («О СМИ», «О рекламе» и т.д.), регламентирующих или должных регламентировать в числе прочего действия с порнографической продукцией, недостаточно, в связи с чем необходимо принять федеральный закон, включающий положения о презентации и прочих действиях с сексуально откровенно материалами: порнографией и эротикой. Указанный закон, нацеленный на защиту общественной нравственности, должен содержать конкретный регламент оборота продукции сексуального характера, чем повысит эффективность правовых норм.

В-четвертых, деяния, предусмотренные ст.ст. 242, 242¹ Уголовного кодекса, в ряде случаев сопряжены с совершением иных преступлений. Прежде всего, с торговлей людьми (ст. 127¹), вовлечением в занятие проституцией (ст. 240) и организацией занятия проституцией (ст. 241). Кроме того, анализ криминогенных факторов, обуславливающих совершение указанных преступлений, связанных с проституцией и торговлей людьми, способствует установлению дополнительных и (или) более тщательному изучению ранее выявленных причин и условий совершения преступлений в сфере незаконного изготовления, распространения и оборота порнографических материалов или предметов.

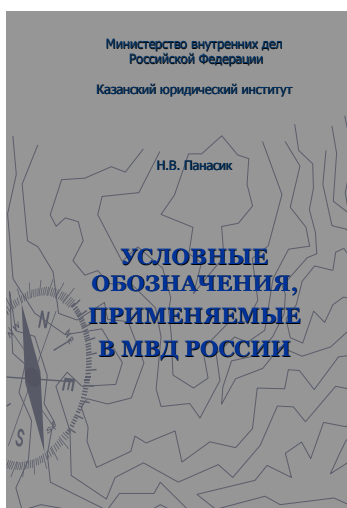
ЛИТЕРАТУРА

1. Келли Г. Основы современной сексологии /пер. с англ. -СПб.: Питер, 2000. -С. 629.
2. Кротов Я. Размышления о порнографии //Искусство и кино. -1992.- № 7. -С. 107.
3. Holget, Karen, 2000. «Pornography and Its Effect on Children: Photographs don't affect us?», Child Care Action Project (CAP): Christian Analysis of American Culture. URL: [http:// www.capalert.com/pornandkids.htm](http://www.capalert.com/pornandkids.htm).
4. Социально-правовая защита детей от сексуальной эксплуатации и растления //Материалы парламентских слушаний. 4 февраля 2002 г. - М.: Издание Государственной Думы, 2003.- С. 11.
5. Птицына Т. Орудие бандита – компьютерная мышь //Юридический вестник. - 1999. - № 22. - С. 8-9.
6. Исаева Л.М. Незаконное распространение порнографии с использованием сети Интернет: особенности выявления и расследования //Юридический консультант. - 2004. - №3. - С. 9.
7. [Http:// www.mvdinform.ru/index.php?docid=3441](http://www.mvdinform.ru/index.php?docid=3441).

8. Oxman, Ian, 2000. «Anti-Spammers Call for Boycott of New DMA Opt-Out Database», Spam Recycling Central. URL: [http:// www.spamrecycle.com/pressrelease2.htm#9](http://www.spamrecycle.com/pressrelease2.htm#9).
9. NOIE, 2003. «Final Report of the NOIE review of the spam problem and how it can be countered», NOIE. URL: <http://www.noie.gov.au/publication/NOIE/spam/finalreport/SPAMreport.pdf>.
10. Бесчастнова О.В. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (уголовно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, - 2008. - С. 67-68.
11. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сахарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. - М.: НОРМА, 2001. - С. 472.
12. Там же.
13. Келли Г. Основы современной сексологии /пер. с англ. - СПб.: Питер, 2000. - С. 626.
14. Джинджолия Р.С. Уголовно-правовые меры борьбы с преступным использованием порнографических предметов и произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М.: МВШМ МВД СССР, 1988. - С. 104.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации. - М.: Юрайт-Издат, 2006. - С. 59.
16. Торговля людьми. Социокриминологический анализ /под общ. ред. Е.В. Тюрюкановой и Л.Д. Ерохиной. - М.: Academia, 2002. - С. 82.
17. Проституция и преступность /под ред. И.В. Шмарова. - М.: Юрид. лит, 1991. - С. 4.
18. Келли Г. Основы современной сексологии /пер. с англ. - СПб.: Питер, 2000. - С. 468.
19. Уголовный кодекс Российской Федерации. - М.: Юрайт-Издат, 2006. - С. 117.
20. Социально-правовая защита детей от сексуальной эксплуатации и растления //Материалы парламентских слушаний. 4 февраля 2002 г. - М.: Издание Государственной Думы, 2003. - С. 91.
21. Проституция и преступность /под ред. И.В. Шмарова. - М.: Юрид. лит, 1991. - С. 161.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Панасик Н.В.

Условные обозначения, применяемые в МВД России: учебно-наглядное пособие/ Н.В. Панасик. – Казань: КЮИ МВД России, 2010. – 41с.

В учебно-наглядном пособии рассматриваются условные обозначения, применяемые в органах и учреждениях МВД, для оперативного отражения обстановки и поставленных задач в служебных графических документах.

Правильность отработки документов дает наглядное представление об обслуживаемой территории, облегчает принятие решения на расстановку сил и средств и организацию взаимодействия.

Пособие предназначено для курсантов, слушателей и профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений МВД России при изучении тактико-специальной подготовки и сотрудников органов внутренних дел при составлении служебных графических документов.

С.Я. Казанцев,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный юрист России,
начальник кафедры криминалистики
КЮИ МВД России

О.Э. Згадзай,

кандидат физико-математических наук,
доцент, начальник кафедры экономической
теории, правовой статистики, математики и
информатики КЮИ МВД России

АВТОРСКИЕ ПРАВА И ИХ ЗАЩИТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

С появлением объектов интеллектуальной собственности и, в частности, объектов авторского права, в киберпространстве у их создателей и правообладателей возникли принципиально новые проблемы. Признание преступлений в сфере авторских прав тяжкими позволит более качественно их расследовать.

На сегодняшний день очевидно, что промышленность, наукоёмкое производство, национальная культура работают на пользу общества только тогда, когда создана действенная система охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности и прав их создателей, то есть авторов.

Защита авторских прав является одним из самых приоритетных направлений в области охраны и защиты интеллектуальной собственности. От того, насколько юридически грамотно и эффективно будут сформированы правовые механизмы защиты авторских прав, зависит и будущее Российской Федерации как правового демократического государства.

Под защитой авторских прав в юридической науке понимается совокупность мер, направленных на признание или восстановление авторских прав и защиту интересов их правообладателей при их нарушении или

оспаривании. В понятие защиты авторских прав входит ряд правовых институтов.

Во-первых, это субъекты защиты авторских прав, то есть непосредственные носители этих прав. К ним относятся: сами авторы, их наследники, иные правопреемники, а также работодатели авторов в случае создания служебных произведений.

Во-вторых, это лица, нарушающие авторские права. Таковыми являются физические и юридические лица, допускающие незаконное использование произведений. Подобные действия считаются контрафактными, а нарушители именуются «пиратами».

В-третьих, это объект непосредственной защиты – авторские права. Авторскими правами называется совокупность предоставленных автору прав, необходимых для охраны интересов, возникающих в связи с созданием произведения и использования его обществом. Авторские права в соответствии с законодательством об

авторском праве делятся на имущественные и личные неимущественные права, при этом к исключительным правам относятся только имущественные права автора.

Содержание защиты авторских прав включает целый ряд элементов: основания защиты авторских прав (нарушение и оспаривание), формы защиты авторских прав (судебные и несудебные), способы защиты авторских прав (организационные, технические и другие).

Особую значимость приобретает вопрос гражданско-правовой и уголовно-правовой защиты авторских прав в сети Интернет. Возникновение и бурное развитие глобальной компьютерной сети Интернет может стать крупнейшим событием в истории мировой цивилизации конца XX – начала XXI века. В настоящее время число пользователей Интернет во всем мире составляет более 1,5 млрд человек, при этом ежедневно к сети подключаются десятки тысяч новых клиентов. Интернет образует ядро, обеспечивающее связь информационных сетей, принадлежащих различным учреждениям во всем мире.

Первоначально служивший исследовательским и учебным целям, Интернет становится все более популярной средой в деловом мире. Компании привлекает быстрота обмена информацией, низкая стоимость услуг глобальной связи, удобство при проведении совместных работ, доступность программного обеспечения, уникальные возможности работы с базами данных различного профиля, размещенными в сети. Они рассматривают глобальную сеть как необходимое дополнение к своим собственным локальным сетям.

Актуальность проблемы защиты авторских прав обусловлена отсутствием на сегодняшний день каких-либо четких нормативно-правовых «ориентиров», способных урегулировать поток распространения объектов авторского права в сети Интернет и, соответственно, обеспечить законные права авторов

произведений. Защита авторских прав в сети Интернет – один из самых непроработанных и «больных» вопросов отечественного и международного законодательства.

С появлением объектов интеллектуальной собственности и, в частности, объектов авторского права, в киберпространстве у их создателей и правообладателей возникли принципиально новые проблемы. С одной стороны, происходит своеобразная демократизация рынка интеллектуальной собственности, в том числе и объектов авторского права.

С другой стороны, производителям интеллектуальных продуктов становится все труднее получать доход от их реализации. В новых условиях производители стремятся взимать плату с потребителей не за возможность делать копии, а за полезность продукта, т.е. за его использование.

Интернет мало исследован с точки зрения юридической специфики отношений, возникающих в связи с его существованием и практическим использованием. Прежде всего, необходимо решить два вопроса принципиального характера.

Вопрос первый – о юридической природе самого Интернета. Что это – субъект права, вступающий в различные отношения со своими клиентами, или объект правоотношений, природу которых еще только предстоит уточнить?

Вопрос второй – о праве, применимом к правоотношениям в сети Интернет: какая нормативная база его составляет, к какой системе и отрасли эти правовые нормы можно отнести?

В соответствии с теорией права можно выделить два подхода к проблеме правового регулирования в сети Интернет: первый пропагандирует абсолютную свободу, второй – верховенство законодательства в сети. Первый подход базируется на сетевых традициях и имеет значительное число приверженцев среди сетевого сообщества, второй менее распространен, и встречает резкое

неприятие большей части пользователей сети.

В России и за рубежом часто высказывается мнение о том, что соблюдение авторских прав в Интернете будет тормозить развитие сети, мешать ее активному информационному наполнению. Однако именно отсутствие реальной защиты прав нередко удерживает авторов от размещения в сети своих материалов. И если не принять соответствующих, решений, то это де-юре превратит Интернет в черную дыру для интеллектуального труда. Все это не может остаться без внимания публичной власти, а значит и без принятия нормативного регулирования в этой сфере.

В настоящее время в сети Интернет можно выделить две основные наиболее масштабные категории правонарушений в сфере авторских прав:

- пиратство;
- киберсквоттинг, то есть незаконное использование доменных имен.

Пираты (производители контрафактной продукции) получают доход от ее реализации и при этом не несут никаких расходов, связанных с созданием объектов интеллектуальной собственности. В результате этого резко снижается стимул самих авторов к творческой деятельности.

Первыми, кому пришлось столкнуться с масштабным пиратством, стали производители программного обеспечения. Нарушение авторских прав в области программного обеспечения остается одной из существенных проблем: потери измеряются миллиардами долларов и сотнями тысяч рабочих мест. Главный вопрос: где следует получать согласие правообладателя на распространение в Интернете программного продукта и где должно выплачиваться авторское вознаграждение – в стране, где находится сервер провайдера, или в стране, где находится покупатель? Пока однозначного ответа нет.

Столь же острая проблема защиты авторских прав в Интернете возникла в сфере музыкальной продукции. Технический прогресс позволил

превратить музыку в цифры, которые можно бесконтрольно копировать и беспрепятственно распространять через Интернет. Так появилась новая «взрывная» сфера потребления, которая быстро стала массовой. Высокие темпы роста сети Интернет все больше ослабляют возможности контроля над отчислением платы владельцам музыкальных произведений.

Механизм распространения цифровых звукозаписей в Интернете в большинстве договоров рекорд-студий с владельцами авторских прав не прописан. В случае, если Интернет-магазины смогут доказать свою эффективность в качестве площадок для продажи музыки в цифровом формате, а исполнители, соответственно, будут действовать напрямую через эти магазины, то звукозаписывающие студии лишатся выгодного бизнеса. В результате инфраструктура индустрии звукозаписи может просто перестать существовать.

В подтверждение сказанного выше можно привести следующий пример. Компания Napster [1], созданная в мае 1999 г., превратилась и в самую быстрорастущую Интернет-компанию мира по распространению музыкального контента. Она позволяла посетителям Интернета «скачивать» музыкальные произведения на домашний компьютер без лицензионных отчислений владельцам произведений. В 2000 году сайт компании еженедельно «получал» 250 тыс. новых пользователей и взаимодействовал примерно с 6% аудитории Интернета.

По решению американского суда компания вынуждена была отказаться от предоставления возможности «обмена» музыкальными произведениями, защищенными авторским правом, и трансформироваться в коммерческий проект. Однако на смену Napster пришли другие программы, например Gnutella, позволяющие пользователям компьютеров связываться между собой напрямую по технологии peer-to-peer, т. е. «с глазу на глаз». С их помощью файлы

распространяются вообще без посредничества центральных серверов.

Немало проблем в области защиты авторских прав в сети Интернет возникает в связи с нарушением прав на адресные наименования (доменные имена). Доменное имя или домен – это уникальное условное обозначение, служащее для индивидуализации информационных ресурсов в сети Интернет: как правило, это адреса веб-сайтов в сети.

В Интернете получил распространение бизнес, связанный с регистрацией в качестве доменных имен неизвестных или малоизвестных компаний фирменных наименований и товарных знаков всемирно известных фирм – так называемый киберсквоттинг. Суть киберсквоттинга в том, что истинный владелец лишается возможности использовать свои исключительные права на фирменное наименование и товарный знак при регистрации доменного имени. Если он решит заняться электронной коммерцией, то ему придется выкупать у «предприимчивых» конкурентов свои же собственные средства индивидуализации.

Подобная ситуация возникает из-за неясности в вопросе о том, является ли доменное имя средством индивидуализации и к какому из разрядов объектов интеллектуальной собственности его относить. Средства индивидуализации выполняют функцию идентификации продукции, работ и услуг юридического лица. Доменное имя также выполняет эту функцию – владелец сетевого адреса указывает его на визитных карточках, в рекламе. Следовательно, можно сделать вывод, что доменное имя относится к средствам индивидуализации. Согласно п. 1 ст. 10 ГК РФ признаются недопустимыми «действия граждан и юридических лиц, осуществляемые с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах» [2]. Следовательно, регистрация фирменного наименования и товарного знака в качестве сетевого адреса с целью последующей продажи его законному владельцу является нарушением ГК РФ.

Работа отечественных цивилистов по поиску «истины» в контексте вопроса доменных имен продолжается. На сегодняшний день, как показывает анализ действующего законодательства и судебной практики [3]:

- Российское законодательство не содержит понятия доменного имени и не регулирует правоотношения по поводу этого объекта интеллектуальной собственности;

- доменное имя, исходя из выполняемой им функции, является средством индивидуализации, неурегулированным, но законодательно допустимым;

- попытки в теории и на практике обосновать притязания на доменное имя нарушением прав на фирменное наименование не имеют под собой достаточной почвы;

- признание в статье 4 Закона о товарных знаках в качестве незаконного использования товарного знака его размещение «в сети Интернет, в частности, в доменном имени и при других способах адресации» не является решением проблемы и противоречит общепринятой мировой практике.

Как результат, действующее российское законодательство способствует уходу киберсквоттеров от ответственности и усложняет положение правообладателя.

В сети Интернет необходимо внедрять инновационные способы защиты авторских прав. Это могут быть технические, организационные и правовые способы защиты. В западном сегменте Интернета распространен такой способ защиты, как водяные знаки в электронных копиях фотографий и изображений. Они наносятся с помощью специального программного обеспечения, которое встраивает скрытый код определенного формата в файлы. Существуют разработки, которые аналогичным образом защищают и текстовую информацию. К защитным мерам технического характера можно, к примеру, отнести внедрение цифровых идентифицирующих систем и международных

стандартов кодов (ISRC). Код идентифицирует сами произведения, а не материальные носители, он присваивается собственнику авторских прав. Использовать код, присвоенный другому произведению, запрещается.

Однако создание и использование средств, позволяющих отслеживать в Интернете каждый случай неавторизованного копирования, потребует колоссальных финансовых затрат. В качестве альтернативы предлагается использовать правовые и организационные меры защиты. Так, например, можно отменить в законодательных актах по авторскому праву положения, которые позволяют делать нелегальные копии для частного («домашнего») пользования [4].

Защищать авторские права применительно к сети Интернет возможно посредством записи информации со страниц сайтов на лазерный диск и последующим его депонированием в хранилище – Web-депозитарий. Указанный метод вполне подходит и для любых других продуктов интеллектуального труда, а также для защиты смежных прав, правовой охраны нетрадиционных объектов (например, служебной и коммерческой тайны). Кроме того, указанный метод защищает содержание информации на сайте, предупреждая возможные претензии.

Возможное решение проблем защиты авторских прав следует искать не в ограничении распространения продукта, а в создании новых условий для его распространения. Например, вместо того, чтобы приобретать музыкальные альбомы «жесткого состава», пользователи получают возможность формировать собственные альбомы любимых произведений.

Можно предложить следующую концепцию решения рассматриваемого вопроса. Ее суть сводится к тому, чтобы в сети Интернет создать корпоративную коммерческую сеть распространения цифровых продуктов: музыки, кино, программ и т.п. Назвать ее можно, к примеру, Централизованная Информационная Сеть Объектов

авторского Права – ЦИСОП. Поскольку через данную сеть будет проходить информация относительно большого объема, доступ к ней будет открыт только через специализированные спутниковые системы.

Рассматриваемая сеть должна быть основана на специализированных серверах, защищенных суперкриптостойкой криптографией (RSA – 256 битовый ключ или выше), на которых соответствующим образом будут расположены специализированные веб-сайты, действующие в интересах авторов. На сайтах будут представляться образцы цифровых продуктов с демо-версиями (сокращенная версия для ознакомления пользователя). Пользователь, заходя на такой сайт, скачивает понравившуюся ему демо-версию того или иного цифрового продукта, знакомится с ней, после чего заходит еще раз, проходит авторизацию, платит определенную сумму по безналичному расчету и скачивает уже полную версию произведения. В этом случае довольны все: и авторы, и пользователи.

В России планируется провести ряд инновационных мер по защите авторских прав в сети с внедрением принципиально новой технологии электронных библиотек. В частности, предполагается создать ассоциацию электронных библиотек с целью защиты авторских прав в Интернете [5].

В заключение можно сделать следующие выводы.

Изготовление пиратских копий нарушает имущественное право автора, а именно исключительное право на использование произведения. В этом случае автору не выплачивается вознаграждение за исполнение и иное использование произведения. Пресечением подобных нарушений должен заниматься специально созданный орган. В Финляндии, например, действует антипиратская организация, защищающая авторские права, в Швейцарии создан специальный центр, специализирующийся на лицензировании использования произведений в

киберпространстве и взимании авторского вознаграждения.

Важно определить меру ответственности провайдеров и владельцев web-сайтов за нарушение авторских прав. В США владелец сайта признается нарушителем, если ему известно, что компьютерная программа защищена авторским правом, но он, тем не менее, использует ее без согласия автора.

Практика показывает, что защищать права правообладателей доменов от посягательств киберсквоттеров можно вполне эффективно. Случаи регистрации чужих средств индивидуализации в качестве сетевых адресов судебная практика некоторых зарубежных стран признает нарушениями авторских прав. Так, например, обстоит дело в Германии. Если юридическое лицо использует свое фирменное наименование и товарный знак при регистрации доменного имени, то оно приобретает такое же право на защиту, что и средства индивидуализации. В ряде стран применяются меры для пресечения мошенничества при регистрации доменных имен. В Пакистане владельцы доменных имен обладают приоритетным правом регистрации их в качестве сетевых адресов. В Сингапуре домены подлежат исключению из реестра. В США для пресечения неправомерного использования средств индивидуализации принят специальный закон, ужесточающий меры против пиратов, которые регистрируют в качестве сетевых адресов популярные товарные знаки и фирменные наименования и таким образом нарушают права настоящих владельцев. Закон предусматривает наказание в виде штрафа от \$1 тыс. до \$100 тыс. за каждый сетевой адрес, зарегистрированный с нарушением прав истинного владельца.

— Полноценная реализация коммерческого потенциала и государственного регулирования Интернета возможна только при наличии высококвалифицированных специалистов-юристов, знающих как правовую, так и техническую стороны Интернета, готовых заниматься совершенствованием

отечественного законодательства в указанной сфере и достойно представлять интересы России на международном уровне.

В январе 2007 г. Государственная Дума РФ приняла поправки в Уголовный кодекс, которые предполагают более суровое наказание для тех, кто нарушает авторские права и использует чужие товарные знаки. Теперь за нарушение прав авторов и выпуск контрафактной продукции грозит шесть лет лишения свободы. Прежде такие преступления, которые наносили существенный экономический ущерб государству, а подчас и серьезный вред здоровью и жизни россиян, квалифицировались как преступления средней тяжести, соответственно максимальное наказание — пять лет лишения свободы. Однако чаще всего, как свидетельствует судебная практика, «пираты» отделывались условным наказанием и продолжали свободно торговать контрафактной продукцией с лотков на улицах и на территории крупных рынков на виду у сотрудников милиции.

Признание преступлений в сфере авторских прав тяжкими позволит более качественно их расследовать. К тому же на нарушителей не будет распространяться амнистия. В общем и целом принятые меры существенно осложняют жизнь и увеличат риски тех, кто занимается в больших масштабах производством и распространением продукции, нарушающей авторские и смежные права или права на товарный знак.

Подводя итог всему вышесказанному, следует сказать, что природа правонарушений, в том числе и авторских прав в сети Интернет, кроется не в устройстве сети Интернет, а в нас самих. До тех пор пока менталитет нашего «гражданского» общества будет жить лишь проблемами бездумного потребления, никакие законы не смогут остановить или каким-либо образом сбить динамику правонарушений. Лишь готовность общества принять те или иные инновационные преобразования способна сформировать четкую политику

законодателей и правоприменителей в области защиты авторских прав

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Афанасьева Ю. Новые информационные технологии: интеллектуальная собственность в Интернете // Интеллектуальная Собственность. Авторское право и смежные права.- 2005. -№ 2.- С. 33-34.
- 2.Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Консультант-Плюс.
3. Серго А. Признаки доменного имени. // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2005.- № 1.- С. 54.
4. Контуры инновационного развития мировой экономики / под ред. А. А. Дынкина. – М.: Наука, 2000. – С.97.
5. Защита авторских прав в Интернете. Новости науки и техники. //http://n-t.org/, 2005.

.

Л.С. Хафизова,

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права
КЮИ МВД России

СИСТЕМА ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВОМУ МОШЕННИЧЕСТВУ В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье анализируются общие тенденции и особенности финансового мошенничества в современной России. Рассмотрены причины и условия финансовых преступлений, криминологический портрет преступника. Обобщён опыт противодействия экономической преступности и предложена система мер по выявлению, пресечению и профилактике этих преступлений.

Анализ ситуации, сложившейся в российской экономике к настоящему времени, свидетельствует о сочетании негативных воздействий мирового экономического кризиса и множества разнообразных внутренних причин — политических, экономических, правовых и многих других, охвативших институциональные основы нашей страны. Обострение криминогенной ситуации и рост влияния криминогенных факторов на состояние и перспективы развития государства в периоды кризиса очевиден. Масштабы экономической преступности в этих условиях представляют угрозу национальной безопасности страны [1].

Два понятия: «мировой финансовый кризис» и «финансовое мошенничество» — сопряжены ключевым понятием — финансовая система, которая, к сожалению, оказалась неадекватной вызовам времени, и криминальным вызовам в том числе. При всей российской финансовой и хозяйственной специфике, а может, и в связи с ней, уровень распространённости и размеры ущерба от финансового мошенничества в самых разнообразных его формах и видах стали одними из самых значимых критериев для оценки криминогенной ситуации в нашей стране. Глобализация мировой цивилизации сделала очевидной взаимозависимость мировой и российской финансовых систем [2].

При этом осложняет ситуацию то, что в настоящее время характер мошенничества

в нашей стране в связи с развитием механизмов функционирования хозяйственного комплекса стал более сложным и изощренным и приобрел ярко выраженный интеллектуальный характер [3]. Личность самого мошенника также претерпела изменения в сторону более высокого уровня образования и общественного статуса. «Беловоротничковая» преступность из замысловатой западной криминологической дефиниции стала реальностью в современной России [4].

Совершаемые преступления характеризуются гибкой адаптацией к новым формам и методам предпринимательской деятельности, маскировкой под заключение и осуществление законных гражданско-правовых сделок, оперативным реагированием на конъюнктуру рынка, использованием технических новаций в хозяйственной деятельности. Активно и умело используются при совершении преступлений банковские документы, кредитные карты, средства связи и оргтехника. Преступления носят многоэпизодный и межрегиональный характер, совершаются организованными группами с максимально возможным использованием современных информационных технологий [5].

Мошенничество зачастую связано с использованием коррумпированных связей, что требует ещё большего внимания всех правоохранительных структур к выявлению и пресечению этого

типа преступлений [6]. Фрагментарная, локальная и периодическая борьба с финансовым мошенничеством, как и с экономической преступностью в целом, малоэффективна. Необходима цельная система противодействия, ориентированная, прежде всего, на предотвращение условий и сокращение возможностей мошеннических деяний. Результативность борьбы с финансовым мошенничеством в нашей стране является одним из необходимых условий успешной реализации программ национальной модернизации и искоренения коррупции. Всё это определяет важность обсуждения предпосылок создания и механизмов функционирования системы уголовно-правового противодействия финансовому мошенничеству в современных условиях.

Следует сразу оговорить, что к настоящему времени в науке не выработано единого подхода к решению теоретических вопросов уголовно-правовой политики. Возможно, что причина этого кроется в различном понимании объемов и границ уголовно-правовой политики. Одни авторы включают в понятие уголовно-правовой политики уголовно-исполнительную и уголовно-процессуальную, криминологическую, другие считают, что это самостоятельные части внутригосударственной политики [7].

В своё время М.Ю. Воронин предложил свою классификацию взглядов, существующих в науке, на определение уголовной политики. Он выделяет три группы: 1) подход, в соответствии с которым уголовная политика включает в себя всю совокупность мер уголовно-правового воздействия на преступность; 2) подход, в соответствии с которым уголовная политика связана с социальной профилактикой преступности, воздействием на ее детерминанты и применением уголовно-правовых мер; 3) широкий спектр мер, начиная от уголовно-правовых и кончая мерами социального развития [8].

На наш взгляд, уголовно-правовая политика является основополагающим

элементом государственной политики. Она является приоритетной по отношению к уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной, криминологической политике. Поэтому можно согласиться с мнением Н.А. Лопашенко о том, что любая политика, входящая в государственную политику противодействия преступности, опирается на разработанные уголовно-правовой политикой понятия преступного и наказуемого, исходит из них [9]. Получается, что «в конечном итоге эффективное противодействие преступности возможно только при наличии детально разработанной уголовно-правовой политики» [10].

В работах профессора ГУ-ВШЭ П.Н. Панченко подробно рассмотрены как общие проблемы уголовно-правовой политики, так и конкретное её преломление в сфере экономики [11].

Борьба с преступными проявлениями подразумевает различные подходы. При этом просматриваются два принципиальных направления: 1) максимально эффективное предупреждение, профилактика, предотвращение самой возможности правонарушений; 2) ориентация на выявление, пресечение и раскрытие совершенных преступных деяний. На наш взгляд, финансовое мошенничество, как и мошенничество в целом, является тем преступлением, которое можно и нужно пытаться предотвратить. Следовательно, основные усилия в борьбе с этим криминальным злом необходимо направить на создание максимально неблагоприятных условий для мошеннических операций. В целом виктимологические аспекты мошенничества довольно неплохо изучались в последние годы. И.В. Ильин в ряде своих работ весьма подробно рассматривает теоретические вопросы виктимологической профилактики экономического мошенничества [12]. В то же время причины, обстоятельства и условия мошенничества в целом [13] и экономического мошенничества в частности только недавно стали объектом специального интереса правоведов [14].

Если говорить о видах финансового мошенничества с точки зрения построения системы уголовно-правового противодействия ему, следует выделить два уровня противодействия. Первый уровень связан с комплексом мероприятий, всячески сужающих пространство для мошенничества и затрудняющих (или делающих невозможным) его осуществление. Этот комплекс мер в большей своей части направлен против всех видов мошенничества. Второй уровень противодействия связан с учетом специфики конкретных видов мошенничеств и подразумевает узко направленную детализацию законодательных, правоохранительных и информационно-общественных мер.

Первый уровень мер противодействия мошенничеству может включать в себя следующие крупные направления работы: научно-исследовательское, законодательное, инструктивно-нормативное, правоохранительное, корпоративное, общественно-информационное, индивидуальное.

1. Научно-исследовательское направление. Работа в данной сфере связана с целым рядом задач, включающих в себя сбор информации, её аналитическую обработку и классификацию, определение на этой основе реальной картины состояния дел и перспективное прогнозирование развития ситуации. Вся эта работа имеет смысл лишь при четкой интеграции её результатов в законодательную деятельность и правоохранительную практику. Законодательные предложения, анализ применения действующего законодательства, экспертиза законов и в целом весь круг правового обеспечения противодействия финансовому мошенничеству чрезвычайно важно организовать как единый, иерархически выстроенный, компетентный и, в случае необходимости, быстродействующий механизм. Важно обеспечить также максимально эффективную работу по взаимоувязыванию различных отраслей

законодательства внутри страны и координацию законотворчества и правоприменения на европейском и мировом уровнях, в рамках двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашений, договоров, конвенций и т.д. [15]

Первыми шагами в этом направлении должны стать: а) комплексная экспертиза законодательства с участием ученых и практических работников на предмет максимального сокращения возможностей для мошеннических деяний; б) в федеральное законодательство необходимо регулярно вносить поправки, связанные с развитием Интернета; в) осуществить согласование законодательства России с международным (прежде всего, связанным с пресечением трансграничного мошенничества), в том числе провести мероприятия по реализации в России положений Европейской конвенции «О киберпреступности» 2001 года, в которую нашу страна вступила в 2005 году. В этой связи также необходимо продумать систему правовой ответственности субъектов сети Интернет (владельцев сайтов, доменов), вне зависимости от их гражданства и страны проживания.

Важным результатом научно-исследовательской работы является адаптированный перенос ее результатов в практику работы всей правоохранительной системы. Тесная координация здесь должна осуществляться уже на этапе сбора информации (в частности, регистрации преступлений). Непременным условием успешной работы по борьбе с финансовым мошенничеством на всех этапах (оперативно-розыскном, следственном, судебном) должно стать тесное взаимодействие с правовой наукой.

2. Законодательное направление включает в себя создание и постоянное совершенствование правовых норм по борьбе с мошенничеством. Здесь также выделяется несколько принципиальных аспектов: унификация и кодификация понятий, определений и терминов, связанных с фиксацией мошенничества и борьбой с ним; создание норм права и

правовых механизмов, в максимальной степени сужающих пространство для мошенничества; гибкость законодательства должна обеспечивать дифференцированный подход к назначению наказания.

3. Инструктивно-нормативное направление представляется наиболее быстродействующим, точно направленным инструментом противодействия мошенничеству. Подзаконные акты и различного рода инструктивно-регламентирующие документы в силу своей специфики могут и должны оперативно менять ситуацию в случаях, когда законодатель проявляет медлительность, и в то же время на практическом уровне способствовать максимально эффективному применению законодательных норм. В силу разнородности нормативной базы (государственных учреждений, коммерческих структур, общественных организаций и т.д.) также очень важна взаимосогласованность при создании регламентирующей документации. Барьер ведомственности в значительной степени играет на руку мошенникам. Именно несогласованность в этой сфере часто порождает возможности для преступных комбинаций. Согласованные действия различных органов и ведомств заметно сужают поле для мошеннических посягательств.

В связи с этим необходимо, во-первых, осуществить изменения в законодательстве, ужесточив требования к проверке достоверности учредительных документов организаций различных форм собственности, привлекая для проверки информационные возможности всей правоохранительной системы. Во-вторых, на законодательной и нормативной основе создать четкий алгоритм фиксации прав на имущество, сделок с имуществом и иных действий хозяйствующих субъектов и владельцев имущества, минимизирующий риск фальсификации документов. В-третьих, создать высококвалифицированный по составу и мобильный по реагированию

соответствующий центр сбора, анализа информации и прямой поддержки различных государственных, коммерческих, общественных структур и частных лиц, пострадавших от мошеннических, рейдерских акций.

4. Правоохранительное направление является ведущим звеном в реализации мер по пресечению финансового мошенничества. В силу внутренней структуры правоохранительных органов возникает проблема координации, с одной стороны, внутриведомственных подразделений, с другой стороны, межведомственных. Значительное число мошеннических действий носит многоэпизодный и трансграничный характер. Действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ (ст.ст.150-155) предварительное следствие и дознание по статье 159 УК РФ подследственно следователям (дознателям) органов внутренних дел, однако необходимо учитывать, что зачастую мошеннические деяния совершаются совместно с преступлениями, квалифицируемыми по другим статьям Уголовного кодекса. Сложившаяся практика свидетельствует о том, что мошеннические действия выявляются в ходе работы разных территориальных и функциональных оперативных служб.

Такая ситуация ставит вопрос о целесообразности введения специализации оперативных сотрудников и следователей, с тем, чтобы расследованием мошенничества занимались наиболее подготовленные, высококвалифицированные сотрудники, имеющие в дополнение к юридическому также и экономическое, финансовое образование. Это обстоятельство следует учитывать при решении вопросов о переподготовке, направлении на курсы повышения квалификации и т.д.

Важным в расследовании дел о финансовом мошенничестве является их судебная перспектива. Результаты можно добиться только в случае проведения полного, всестороннего и объективного следствия, основанного на адекватной

доказательственной базе. Значительная часть дел о финансовом мошенничестве чрезвычайно сложна с точки зрения сбора доказательств, особенно это касается преступлений в сфере высоких технологий.

Судебная практика по делам о финансовом мошенничестве в последние годы достаточно обширна, но для усиления эффективности судебного воздействия требуется периодическое обобщение опыта, возможно, с реализацией в форме постановления Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу, в котором судам, в частности, предлагалось бы при назначении наказания за финансовое мошенничество учитывать размер материального ущерба, причиненного экономического и морального вреда, число потерпевших, рецидив, использование высоких технологий и другие обстоятельства, которые играют важную роль в определении степени общественной опасности преступления и индивидуализации наказания.

В связи с этим отметим, что некоторые из указанных выше вопросов нашли свое отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

5. Корпоративное направление объединяет в себе совокупность мероприятий учреждений, предприятий, организаций различных форм собственности, страдающих или могущих пострадать в результате финансового мошенничества [16]. Важным элементом корпоративной культуры организации дела должно стать понимание всеми сотрудниками важности противодействия мошенничеству. Делопроизводство и документооборот, организация бухгалтерского учета, складское и транспортное движение товаров, прием и передача информации и другие сферы возможных мошеннических вмешательств должны иметь соответствующие системы и механизмы защиты от хищений [17].

Степень антимошеннических корпоративных мероприятий может быть различной: от максимальной, в случае кредитно-банковских организаций, страховых компаний и т.д., до небольшой в сферах, наименее подверженных риску мошенничества. Однако необходимо учитывать чрезвычайную изощренность мошеннических схем, их постоянное совершенствование, а поэтому ни одна корпоративная структура не должна считать себя гарантированной от корыстных посягательств [18].

6. Общественно-информационное направление. Одной из форм профилактики преступлений является взаимодействие правоохранительных органов со средствами массовой информации. Посредством печати, телевидения, радио, Интернета может осуществляться проведение правовой пропаганды, способствующей формированию правосознания, информирование населения о средствах и методах самозащиты от мошеннических посягательств, о новых формах и схемах мошенничества. В силу специфики обманного характера мошенничества информационный эффект разоблачения чрезвычайно высок. Важно только не превратить это в быстroteкущую, ограниченную по времени и аудитории кампанию. Здесь, прежде всего, важна систематичность, наступательность, наглядность и своевременность. Велика роль в этом таких общественных организаций, как союзы потребителей, союзы обманутых вкладчиков, соинвесторов и т.д. Общественно-корпоративные сообщества (Ассоциация российских банков, союзы предпринимателей и т.д.) и другие элементы структуры гражданского общества также могут сыграть большую роль в противодействии финансовому мошенничеству [19].

В образовательной сфере необходимо развивать систему научных и учебных дисциплин, рассматривающих с разных аспектов реалии информационного общества: информационное право и интернет-право как его частный раздел.

Отдельного рассмотрения в учебном процессе заслуживает финансовое мошенничество с использованием высоких технологий и методика борьбы с ним.

7. Индивидуальное направление выходит на конкретную личность и представляет собой сложное сочетание воспитательных, образовательных, информационных воздействий на формирующуюся и развивающуюся человеческую индивидуальность. В этом воздействии принципиально значимую роль играют закладываемые в процессе воспитания и образования морально-нравственные и этические императивы, принципы законопослушания, гражданской ответственности. Определяющую роль в личностном противодействии мошенничеству играет уровень образования, информированность человека о различных мошеннических схемах, критическое отношение к различным способам быстрого заработка, обогащения, не пропорционального приложенным усилиям, предложениям по приобретению товаров и услуг по ценам, несоизмеримым со среднерыночными и т.д.

Мошеннические аферы могут иметь объектом как физическое, так и юридическое лицо, но в контакт с мошенниками всегда вступает конкретный человек. Поэтому личностная готовность противостоять корыстному обману важна для каждого человека, организации или учреждения, в котором он трудится, и государства в целом.

Второй уровень противодействия финансовому мошенничеству связан с учетом специфики конкретных мошеннических схем, видов мошенничества и подразумевает узконаправленную детализацию законодательных, правоохранительных и информационно-общественных мер. Предложения по организации системы мер, обеспечивающих эффективное противодействие мошенничеству в бюджетной и финансово-кредитной сферах, на рынке ценных бумаг, в сфере недвижимости, страховом и других

разновидностях этого преступного деяния подробно излагались нами в предыдущих публикациях [20].

Обобщая предложения по пресечению мошенничества в отдельных сферах, следует отметить, что этому преступлению при всем разнообразии его схем и вариантов можно успешно противостоять за счет продуманной, целенаправленной и систематической работы по предотвращению мошеннических комбинаций, ограничению самих возможностей для преступных деяний. Вместе с тем необходимо разрабатывать и регулярно совершенствовать практические меры по выявлению, расследованию и пресечению уже совершенных мошенничеств.

Специального углубленного рассмотрения заслуживают меры противодействия финансовому мошенничеству, осуществляемому с помощью высоких технологий и, прежде всего, сети Интернет [21]. Процесс информатизации российского общества привел к тому, что компьютерная информация превратилась в основной товар, обладающий значительной ценностью, в своеобразный стратегический ресурс. Многие хозяйствующие субъекты уже не могут существовать и нормально функционировать без взаимного информационного обмена и использования в своей деятельности компьютерных сетей. Локальные сети всё в больших масштабах подключаются к общемировым. Электронные документы всё активнее вытесняют из оборота традиционные – бумажные. Реалии современного информационного мира привлекают внимание криминальных структур.

Финансовое мошенничество с использованием компьютерных технологий стало в последние годы серьезной проблемой в мировом масштабе. Противодействие финансовому мошенничеству в этой сфере имеет как общие черты, связанные с борьбой с мошенничеством в целом, так и многие особенности, требующие отдельного

рассмотрения. Среди последних можно выделить следующие: использование высоких технологий; трансграничный характер; масштабность; труднодоказуемость; правовая неурегулированность; быстрое развитие новых мошеннических схем [22].

Использование высоких технологий.

Эта особенность современного мошенничества требует безотлагательного обеспечения правоохранительных органов техникой и программным обеспечением, как минимум, не уступающими используемым преступниками. Также требуются увеличение финансирования, создание системы подготовки высококвалифицированных специалистов, разработка специального программного обеспечения и осуществление целого ряда иных мероприятий, позволяющих не только достигать, но и опережать уровень использования преступниками информационных технологий.

Трансграничный характер

мошеннических действий требует особых методов выявления корыстных посягательств и поиска преступников. С одной стороны, это подразумевает задействование высоких технологий правоохранительными органами, а с другой стороны, координации на уровне межгосударственном и мировом. Данный аспект противодействия мошенничеству является мало изученным и поэтому требует первостепенного внимания, особенно в свете подписания Россией Европейской конвенции о киберпреступности [23].

Масштабность проявляется в многоэпизодности, количестве потерпевших, объеме материального ущерба и целом ряде других признаков, которые объективно влекут необходимость задействования в борьбе с преступностью значительных финансовых средств, людских ресурсов, информационных возможностей, а также специального руководства следственными действиями. В условиях России уже неоднократно доказывались преимущества создания

следственных групп с привлечением широкого круга специалистов [24].

Труднодоказуемость объясняется новизной технологий, применяемых мошенниками, возможностью быстрого уничтожения следов преступления, разнообразными путями сокрытия улик и другими, прежде всего, технологическими уловками. Поэтому сбор доказательств требует наличия специальных знаний у работников следствия и дознания, обмена практическим опытом, разработки специального технического и программного обеспечения для фиксации информации, а также выработки специфических требований к провайдером сети Интернет, операторам сотовой связи и другим структурам, предоставляющим высокотехнологичные услуги.

Правовая неурегулированность вызвана объективными причинами и, прежде всего, быстротой развития новых технологий и консервативностью законодательства. Совершенствование законодательной и нормативной базы должно идти по направлениям: применение однозначной терминологии, в том числе и новаций в праве; создание специальных правовых норм, а в последующем и законов, регулирующих функционирование высоких технологий в современном обществе; ориентация на предотвращение мошенничества в сфере высоких технологий путем настойчивого, методичного уменьшения возможностей для преступников [25].

Быстрое развитие новых мошеннических схем приобретает сегодня лавинообразный характер и требует совместной работы всех структур, задействованных в противодействии мошенничеству, причем именно как центров прогнозирования, предвосхищения возможных мошеннических схем. Более того, необходимо разрабатывать технологии с заведомой направленностью против мошенничества (например, многопозиционная идентификация личности: отпечатки пальцев, сетчатки глаза и иные биометрические параметры).

В перспективе вполне возможно, что получение всей полноты прав гражданином будет увязано с процедурой получения уникальной электронной цифровой подписи [26]. Впоследствии компьютеры могут быть укомплектованы средствами считывания информации с карт, подобными тем, которые используются в банкоматах. Более совершенные системы могут быть оснащены средствами сканирования сетчатки глаза пользователя, отпечатков пальцев, «отпечатков голоса», средствами анализа динамических характеристик ручной подписи, сделанной на специальном планшете, другими системами опознавания личности по биометрическим признакам.

Применение электронной цифровой подписи позволяет повысить эффективность борьбы с мошенничеством в сфере использования кредитных карт в системах электронной торговли. Такая подпись важна для возможного использования в качестве доказательства доставки клиенту товара или оказания услуги.

Изложенные выше меры противодействия финансовому мошенничеству в России смогут эффективно функционировать только в условиях четкого определения компетенции и согласования деятельности всех участников этой работы.

Резюмируя рассмотренную выше комплексную систему мер противодействия финансовому мошенничеству в России, можно высказать ряд итоговых положений.

Вопросы борьбы с мошенничеством нуждаются в комплексном и широкомасштабном научно-практическом изучении, хотя значительные достижения в этой сфере уже наличествуют. Эмпирическое выявление и изучение материала способствует его концептуальному осмыслению, и на этом этапе проявляется первая значительная проблема – разноречивость в определениях, понятиях, классификациях и т.д. Отсюда явно видна задача согласования подходов на уровне теоретических обобщений.

Второй круг проблемных вопросов связан с необходимостью выработки общих принципов содержательной части программы борьбы с мошенничеством в России. На наш взгляд, необходимо четко выделить два взаимосвязанных уровня программирования этого противодействия: общий и частный. Аргументация такого подхода подробно изложена нами выше.

Профилактическое направление в борьбе с финансовым мошенничеством в современных условиях России может стать действенным инструментом борьбы с этим преступлением, тем более учитывая то обстоятельство, что наша страна в своем экономическом развитии ощутимо вовлекается в глобальную систему мирового хозяйства. Использование мирового опыта борьбы с финансовым мошенничеством с учетом российской специфики дает возможность для создания эффективно действующих механизмов противодействия мошенничеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Причины мирового финансового кризиса и возможные сценарии развития России в условиях глобализации //Российский юридический журнал. -2009. -№2 (65). -С. 124-138.
2. Гриценко В.В. Финансовая система России в условиях мирового финансово-экономического кризиса //Финансовое право. -2010. -№4. -С. 5-8; Никитина И.А. Криминализация экономических отношений в условиях глобализации //Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву, посвященного 10-летию Уголовного кодекса Российской Федерации. - М., 2006. -С. 427-429.
3. Чикишева Н.А. Состояние, динамика и прогноз развития мошенничества на современном этапе в России //Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. - 2009. - №1 (16). - С. 21-24.

- 4.Карпович О.Г. Детерминанты преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере, и личность финансового мошенника //Российский следователь. - 2010. - №6. - С. 29-32.
5. См.: Левченко О.В. Сложные вопросы квалификации мошенничества. - М., 2010. - С. 104-125.
6. Ковбенко Н.Д. Состояние и структура мошенничества в России //Российская юстиция. -2008. - №7. -С. 20-23.
7. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. - СПб., 2004. - С. 263.
- 8.Воронин М.Ю. Уголовная политика: понятие, история возникновения и развития. - М., 2000. - С. 265.
- 9.Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. - СПб., 2004.- С. 268.
- 10.Епифанова Е.В. Концепция уголовно- правовой политики //Право и политика. - 2007. - №10. - С. 25.
- 11.Панченко П.Н. Оптимизация уголовной политики и проблемы правопорядка в экономике. Н.Новгород, 2004. В контексте нашей статьи методологически особенно важен раздел этой работы «1.1. Концепция оптимизации уголовной политики и экономического правопорядка». (С. 15-25).
- 12.Наиболее подробно эти аспекты им рассмотрены в монографии: Ильин И.В. Понятие, характеристика и вопросы профилактики экономического мошенничества (теоретические аспекты). - М.: ВНИИ МВД России, 2008. - С. 111-144.
- 13.Ковбенко Н.Д. Причины и условия, детерминирующие мошенничество //Российская юстиция.- 2008. - №3. С. 45-47.
- 14.Балаян А.Р. Причины и условия, способствующие совершению мошенничества в сфере оборота коммерческого недвижимого имущества //Право и государство: теория и практика. - 2009. - №2 (50). - С. 134-137.
- 15.Никитина И.А. Мировой опыт законодательной борьбы с финансовым мошенничеством //Вестник Омского университета. - 2009.- №4 (21).- С. 208-212; Дамирчиев Э. Организация координации борьбы с экономическим мошенничеством в Европейском Союзе //Уголовное право. - 2009. - №1.- С. 113-118.
- 16.Казакова М.А. Понятие корпоративного мошенничества как криминологической категории и ее содержание //Следователь.-2009. -№11 (139). - С. 50-52.
- 17.Кузькин А.П. Корпоративное мошенничество: масштабы, структура, методы расследования и профилактики //Вестник Саратовской государственной академии права. -2008. -№4 (62). - С. 101-107.
- 18.Коснова М. Риски корпоративного мошенничества по оценкам менеджеров //Налоговые споры: теория и практика. - 2009. - №7. - С 77-80.
- 19.Желобицкий С.С. Гражданское общество в управлении мировыми финансами и его участие в профилактике борьбы с финансовыми мошенничествами //Вопросы права и проблемы становления гражданского общества в России: сборник научных статей Дальневост. юрид. ин-та МВД России. - Хабаровск, 2009. - С. 193-195.
- 20.Багаутдинов Ф.Н., Хафизова Л.С. Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). - М., 2008.- С. 175-180.
- 21.Исаева Л.М. Классификация и особенности квалификации видов мошенничества, совершаемого с использованием сети Интернет //Юридический консультант.- 2005.- №1. - С. 29-36.
- 22.Згадзай О., Казанцев С., Сафиуллин Н. Мошенничество в сети Интернет - новый вид экономической преступности // Закон и право.- 2008. - №7. - С. 78-84.
- 23.Згадзай О.Э., Хафизова Л.С. Информационные технологии в борьбе с киберпреступностью //Информационная безопасность и компьютерные технологии в деятельности правоохранительных органов: межвузовский сборник СЮИ МВД России. - Саратов, 2008. -Вып. 7. - С. 77-86.
- 24.Рябов А.Н. Расследование фактов мошенничества, совершенных с использованием Интернета //Следственная практика. Вып. 171 Трудов /Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. - М., 2006. - С. 157-161.
- 25.Комаров А.А. Криминологическая экспертиза некоторых законопроектов, связанных с Интернетом //Современное право. - 2009. - №6. - С. 109-113.

М.М. Шакирьянов,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель КЮИ МВД России

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИИ: НАУЧНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье проведена систематизация и анализ имеющихся на сегодняшний день научных и законодательного определений коррупции. Предложена авторская дефиниция понятия коррупции.

Коррупция сопровождает человечество с древнейших времен. Причины возникновения коррупции в зависимости от исторической эпохи и фазы социально-экономического развития стран весьма различны, а поэтому разработать некие универсальные правовые и организационные средства по ее предупреждению и пресечению представляется малореальным. Проблема борьбы с коррупцией характерна не только для России, но и для всего мирового сообщества.

К сожалению, Россия приобрела стойкий имидж глубоко коррумпированного государства. Коррумпированность аппарата государственного управления приобрела глобальный и системный характер. Коррупцией сегодня поражены практически все сферы общества: ЖКХ, образование, здравоохранение, суды, правоохранительная система, госслужба. В международном рейтинге по эффективности борьбы с коррупцией Российская Федерация занимает 143 место [1]. Объективная оценка российской действительности позволяет сделать вывод об отсутствии реальных механизмов по противодействию росту коррупции в органах государственной власти.

В современный период тема борьбы с коррупцией находится в центре внимания научной общественности России, а изучение проблем борьбы с коррупцией невозможно без определения ее понятия и сущности. Так же необходимо отметить,

что взгляды российских и западных ученых на эту проблему существенно отличаются. Первыми коррупция понимается исключительно как правонарушение, ассоциируемое с общественно-вредным виновным деянием, противоречащим требованиям правовых норм. Вторые же расширяют рамки коррупции до девиантного поведения политической элиты, то есть ведут речь в большей степени о нарушении моральных и этических норм [2].

Этимологически термин «коррупция» происходит от латинского слова «corruptio», что означает «порча, подкуп» [3].

Однако коррупция не сводится к примитивному взяточничеству, особенно в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии. Лоббизм, фаворитизм, протекционизм, взносы на политические цели, традиции перехода политических лидеров и государственных чиновников на должности почетных президентов корпораций и частных фирм, инвестирование коммерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, использование связей преступных сообществ и т.д. являются завуалированными формами коррупции.

Что же понимает международное сообщество под коррупцией? Существует множество определений, но полной ясности и правовой точности нет. Конечно, коррупция скорее синтетическое социальное или криминологическое

понятие, чем правовое, поэтому ее надо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов деяний. «Коррупция - это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях» - из этого определения видно, что коррупция выходит за пределы взяточничества. Дж. Най, например, полагает, что коррупция включает в себя взяточничество (дачу вознаграждения для совращения лица с позиций долга), nepotизм (покровительство на основе личных связей) и незаконное присвоение публичных средств для частного использования [4].

Критерием установления уголовной ответственности в ряде случаев предлагается не оценка общественной пользы принятого решения, что очень трудно сделать, а открытость процесса принятия решения: должностное лицо не вправе принимать решение без представления всей информации. Если это условие нарушено, оно может быть признано виновным. Классической иллюстрацией к этому могли бы служить келейные аукционы в России, проводимые Госкомимуществом. К подобным видам коррупционных деяний присоединяется непредоставление информации обо всех финансовых активах, обязательствах, связях при занятии должности и ежегодной отчетности. Причем санкции за них предлагаются не меньше санкций за традиционные виды коррупции, чтобы нарушение было невыгодным и за него нельзя было спрятаться при совершении традиционных коррупционных действий. Особое внимание уделяется представлению информации о финансовой поддержке партий.

В мире общепризнано, например, что государственное должностное лицо после увольнения со службы в течение установленного периода времени должно получить разрешение правительства, прежде чем принять приглашение на работу в частном секторе или начать заниматься коммерческой деятельностью, если они имели отношение к его прежней

должности. В России только за последние несколько лет сменилось более 15 министров экономики, финансов и заместителей председателя Правительства по экономическим проблемам, большинство из которых буквально на следующий день после увольнения с государственной должности занимали руководящие посты в крупных коммерческих банках, компаниях и концернах. В демократических странах такое поведение рассматривается как коррупционное.

Применительно к условиям российской действительности отсутствие законодательного определения коррупции на федеральном уровне создавало массу проблем и порождало множество споров в научных кругах.

В современной российской криминологической науке выделяется с некоторыми вариациями (Долгова А.И., Желудков А.С. и др.) понимание коррупции, согласно которому это «социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных или узкогрупповых, корпоративных интересах официальных, служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [5].

Это определение понятия коррупции выделим в первую группу, которая характеризуется:

- определением круга лиц, которые могут совершить коррупционные деяния (государственные и иные служащие);
- определением области жизнедеятельности, в которой совершаются эти деяния (в связи с выполнением указанными служащими своих должностных обязанностей);
- определением целей этой деятельности (подкуп-продажность, корыстное использование, т.е. получение определенных материальных благ за совершение определенных действий);

– определением круга лиц, в интересах которых совершаются эти деяния (в личных или узкогрупповых, корпоративных интересах).

Иного мнения придерживаются еще ряд российских криминологов (Кабанов П.А., Хохряков Г.Ф.), которые понимают под коррупцией «использование уполномоченными на выполнение государственных функций (или приравненных к ним) лицами своего статуса и связанных с ним возможностей для непредусмотренного законом получения материальных, иных благ и преимуществ, а также противоправное предоставление им этих благ и преимуществ физическими и юридическими лицами» [6].

Это вторая группа определений, которую характеризуют:

– определение круга лиц, которые могут совершить коррупционные деяния (лица, уполномоченные на выполнении государственных функций или приравненные к ним);

– определение области жизнедеятельности, в которой совершаются эти деяния (выполнение указанными лицами государственных функций с использованием своего статуса);

– определение целей этой деятельности (получение материальных, иных благ и преимуществ).

Согласно приведенному определению, получается, что лицо, однажды совершившее должностное хищение, уже является коррупционером. На наш взгляд, нельзя говорить о коррупции, когда служащий единожды извлекает выгоду из своего служебного положения, действуя изолированно, не вовлекая в свою противоправную деятельность других людей. Если речь идет об использовании своего служебного положения в личных целях, можно говорить о коррупции лишь в случаях, когда злоупотребления служебным положением (должностные хищения) становятся систематическими, то есть совершаются более двух раз. Таким

образом, при совершении лицом должностного хищения единожды мы можем вести речь не о коррупционном преступлении, а лишь о преступлении, имеющем признаки коррупционного.

Наиболее полное, с нашей точки зрения, определение коррупции дает С.В. Максимов, понимающий под этим термином «использование государственными, муниципальными или иными публичными служащими (например, депутатами) своего статуса для незаконного получения каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера), либо предоставление последним таких преимуществ» [7]. Такое определение наиболее полно дает понятие субъекта коррупции, но, в то же время, и этому определению также присущ недостаток, указанный в предыдущей группе определений.

Подводя итог вышесказанному, учитывая положительные и отрицательные стороны приведенных определений коррупции, предлагаем под коррупцией понимать социально-правовое явление, предоставляющее собой подкуп (активный или пассивный) государственных, муниципальных или иных публичных служащих либо служащих коммерческих или иных организаций (в том числе неимущественного характера). Однако хотелось бы отметить, что предложенное нами определение также не лишено недостатков, так как одним из условий существования организованной преступности также является коррупция.

Следует понимать и то, что споры по определению понятия и сущности коррупции не прекратились и после принятия Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8], где в статье 1 дается ее законодательное определение. Из анализа этого закона можно сделать вывод, что коррупцией в РФ признается только лишь совершение одного из пяти преступлений, предусмотренных статьями УК РФ (ст. 285 Злоупотребление должностным полномочием, ст. 290 Дача

взятки, ст. 291 Получение взятки, ст. 201 Злоупотребления полномочиями и ст. 204 Коммерческий подкуп).

На наш взгляд, это не совсем правильный подход, так как законодатель ограничивается здесь только уголовной ответственностью, но существуют и другие подзаконные антикоррупционные акты, за нарушение которых никакая ответственность не предусмотрена (административная или гражданско-правовая). Например, прямого наказания за непредоставление или предоставление заведомо ложных сведений для лиц,

занимающих государственные должности (например, президент, члены правительства и Совета Федерации, депутаты Госдумы), не предусмотрено.

Эскалация коррупционных проявлений, прежде всего имеющих характер гражданско-правового деликта, административного правонарушения или дисциплинарного проступка, требует широкого использования криминологически содержательных мер противодействия ими прежде всего специальных мер предупреждения.

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Ткач А. Коррупцию надо сделать невыгодной // Парламентская газета. -2009. -2 июня. - С.11.
- 2.Гараев Р.Ф., Селихов Н.В. Понятие коррупции // Следователь. -2001. -№2. -С.43-50.
3. Большой юридический энциклопедический словарь. - М.: Книжный мир, 2000.- С.266.
4. Ответственность за должностные преступления в зарубежных странах. - М., 1994.
5. Криминология: учебник для юридических вузов / под общ. ред. А.И. Долговой.- М., 1997. С.501; см. также: Криминология: конспект лекций / авт.-сост. А.С. Желудков. - М., 1999. -С.90.
6. См.: Криминология: учебное пособие / под общ. ред. В.Е. Эминова. - М., 1997.- С.61; Кабанов П.А., Галимзянов Р.Р. Коррупция в России: понятие, сущность, причины, противодействие: учебное пособие.- Набережные Челны: ИД «Стержень», 2003.- С.9; Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В.Н.Кудрявцев. - М.: Юрист, 1999. -С.350.
7. Основы борьбы с коррупцией / науч. ред. С.В. Максимов. - М.: Спарк, 2000.-С.22.
8. См. Российская газета. -2008. -30 декабря.

Н.Г. Муратова,

доктор юридических наук, профессор
зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Казанского (Приволжского) федерального университета

**ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ** (история и современность)

В соответствии с Указом Президента РФ от 27 сентября 2010 г. №1182 «Вопросы Следственного комитета Российской Федерации» Следственный комитет создается в целях совершенствования деятельности органов предварительного расследования и усиления прокурорского надзора за исполнением законов в деятельности этих органов. Исторические традиции отечественного уголовного процесса прослеживаются не только в восстановлении утраченных процессуальных процедур, но во взаимосвязи полномочий субъектов права на этапе принятия решений при окончании предварительного следствия. Прокурор, судебный следователь, суд, полицейский дознаватель – все они по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года обладали набором тех или иных полномочий при окончании следствия [1]. Так, по окончании предварительного следствия судебный следователь, предъявив обвиняемому, если он о том просить будет, следственное производство, спрашивает его: не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание (ст.476 Устава). Если обвиняемый укажет на какие-либо новые обстоятельства, то следователь обязан проверить те из них, которые могут иметь влияние на решение дела (ст.477 Устава). Затем следователь объявляет всем участвующим в деле лицам, что следствие заключено, и отсылает все производство к прокурору или его товарищу (ст. 478 Устава). Производство следствия может

быть прекращено только судом. Когда судебный следователь не найдет оснований продолжать следствие, то, приостановив производство, испрашивает на прекращение дела разрешение суда чрез прокурора (ст. 277 Устава). Бумаги, относящиеся к следствию, сшиваются по порядку времени составления или получения, перенумеровываются, скрепляются по листам и прошнуровываются за печатью следователя. Бумагам сим составляется опись с указанием: на каком листе дела каждая из них находится (ст.481 Устава). По получении предварительного следствия прокурор окружного суда обязан рассмотреть: 1) подлежит ли дело ведению прокурорской власти; 2) произведено ли следствие с надлежащей полнотой и 3) следует ли обвиняемого предать суду или же дело о нем должно быть прекращено или приостановлено (ст.510 Устава). В случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела, прокурору предоставляется право или потребовать дополнительные сведения, или обратиться к доследованию (ст.512 Устава). Заключение прокурора о предании обвиняемого суду излагается в форме обвинительного акта (ст.519 Устава). В обвинительном акте должны быть означены: событие, заключающее в себе признаки преступного деяния; время и место совершения сего преступного деяния, на сколько это известно; звание, имя, отчество и фамилия или прозвище

обвиняемого; сущность доказательств и улики, собранных по делу против обвиняемого; определение по закону: какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния (ст.520 Устава). К обвинительному акту прокурор прилагает список лиц, которые, по его мнению, должны быть вызваны к судебному следствию (ст.521 Устава). Прокурор вместе с обвинительным актом или заключением о прекращении или приостановлении дела излагает мнение свое и относительно пресечения обвиняемому способов склоняться от суда, если признает нужным изменить или отменить какую-либо из принятых уже против него мер (ст.524 Устава). По заключению прокурора о прекращении дела окружной суд рассматривает следствие лишь в отношении тех лиц, которые привлечены к ответственности. При несогласии суда с мнением прокурора вопрос о прекращении дела представляется на разрешение палаты (ст.528 Устава) [2].

Известный русский криминалист – профессор Санкт-Петербургского университета Николай Дмитриевич Сергеевский был убежден в великой идее справедливости, заложенной в основание Судебных уставов 1864 года. Он считал, что главная черта установленного Уставами уголовного процесса – это следственно-состязательная форма [3].

Таким образом, субъектом заключения о предании обвиняемого суду (обвинительный акт) был прокурор, решения которого принимались под контролем суда.

По УПК РСФСР от 15 февраля 1923г. полномочия по составлению обвинительного заключения полностью переходят к следователю. Признав предварительное следствие законченным, следователь объявляет об этом обвиняемому, причем обязан спросить обвиняемого, чем он желает дополнить следствие (ст. 207 УПК РСФСР). После дополнения следствия, а в случае отсутствия необходимости в таком дополнении - непосредственно после

допроса обвиняемого следователь приступает к составлению обвинительного заключения (ст. 209 УПК РСФСР). Обвинительное заключение должно состоять из двух частей. Первая (описательная) часть должна заключать в себе изложение обстоятельств дела, как они установлены предварительным следствием. Во второй (резолютивной) части должны быть указаны, если их удалось установить, имя, отчество и фамилия или прозвище обвиняемого, его возраст, судимость, классовая принадлежность, род занятий, место, время, способ и мотивы совершения преступления, указание потерпевшего. Кроме того, в резолютивной части должно быть указано, каким именно уголовным законом карается данное преступление. К обвинительному заключению должен быть приложен список лиц, о которых дело выделено или прекращено, а также список лиц, вызываемых на судебное заседание (ст. 210 УПК РФ). После составления обвинительного заключения следователь направляет дело прокурору (ст. 211 УПК РСФСР). Затем в законе были регламентированы действия прокурора по прекращению дела и по преданию суду (глава XIХ). Причем характер полномочий прокурора варьировался в зависимости от формы предварительного расследования: дознание (ст.221) или предварительное следствие (ст.225).

Первый вариант решения прокурора: возражение в суд о прекращении дела. Так, получив от следователя уведомление о направлении дела в суд для прекращения, прокурор, если найдет, что дело не подлежит прекращению, входит в суд со своими возражениями и может, если признает нужным, поддерживать лично свое возражение в распорядительном заседании суда (ст. 226).

Второй вариант решения прокурора: возвращение дело следователю. Получив от следователя дело с обвинительным заключением, прокурор, признав следствие неполным, возвращает дело следователю с указанием на те

обстоятельства, которые необходимо расследовать, каковое указание является для следователя обязательным (ст. 227).

Третий вариант решения прокурора: предложение суду о прекращении дела. Признав, что дело достаточно выяснено, но что для предания суду обвиняемого нет законных поводов или достаточных оснований, прокурор делает предложение суду, которому подсудно дело, о прекращении дела и вправе если признает нужным, лично поддерживать свое предложение в распорядительном заседании суда (ст. 228).

Четвертый вариант решения прокурора: согласие с обвинительным заключением и предложение суду его утвердить. Признав, что дело достаточно выяснено и что имеются основания для предания обвиняемого суду, прокурор, если не найдет нужным вносить какие-либо изменения в обвинительное заключение следователя, сообщает суду о согласии своем с обвинительным заключением и предлагает суду утвердить таковое и предать обвиняемого суду (ч.1 ст. 229).

Пятый вариант решения прокурора: составление нового обвинительного заключения. Если прокурор найдет нужным внести изменения в обвинительное заключение следователя, он обязан составить новое заключение и препровождает таковое в суд с предложением утвердить и предать обвиняемого суду. Первоначальное обвинительное заключение в этих случаях изымается из дела и остается в производстве прокурора (ч.2 ст. 229). Кроме того, приложенный к обвинительному заключению следователя список лиц, вызываемых в судебное заседание, может быть изменен прокурором независимо от внесения изменений в текст обвинительного заключения (ст.230). Одновременно с предложением предать обвиняемого суду прокурор излагает суду свое мнение о принятии, отмене или изменении меры пресечения (ст. 231).

Таким образом, в связи с самостоятельным полномочием следователя – составить обвинительное заключение увеличиваются полномочия прокурора, но принцип судебного контроля остается неизбылемым. Даже при попытке реформировать уголовный процесс в конце 20-х годов XX века при обсуждении Тезисов о реформе УПК с постатейным наказом Наркомюста от 9 июня 1927г. окончательное решение по делу должен был выносить все же суд [4].

УПК РСФСР от 27 октября 1960г. продолжает усиливать компетенцию прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением. Это проявляется в следующем. Во-первых, сформулированы вопросы, подлежащие разрешению прокурором по делу, поступившему с обвинительным заключением, спектр которых достаточно широк: правильность формулировки обвинения, правильность меры пресечения, соблюдения процессуальных норм(ст.213). Во-вторых, сформулирован полный перечень самостоятельных процессуальных решений прокурора: утвердить, возвратить дело следователю, прекратить дело, вернуть дело для пересоставления, составить новое обвинительное заключение (ст.214). В-третьих, определены критерии изменения обвинения прокурором при утверждении обвинительного заключения (ст.215), а также сформулировано право отменить или изменить ранее избранную меру пресечения (ст.216) [5].

Таким образом, из процессуальной модели обвинительного заключения уходит суд и прочно завоевывает позиции фигура прокурора, полномочия которого выделены в отдельную Главу 18 «Надзор прокурора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия».

Процессуальная модель субъекта обвинительного заключения по УПК РФ двойственна и по сути, и по форме. Статья 221 УПК РФ «Решение прокурора по уголовному делу» имеет первоначальную редакцию (18.012001г., №174-ФЗ) и

полностью изменившуюся - в редакции Федерального закона от 5 июня 2007г. №87-ФЗ. Первоначально решения прокурора включали в себя их перечень, а также полномочия прокурора по изменению объема обвинения, отмены и изменения меры пресечения, дополнения или сокращения списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. Кардинальное изменение в полномочиях прокурора произошло с созданием Следственного комитета при прокуратуре РФ (Федеральный закон от 5 июня 2007г. №87-ФЗ). С обвинительным заключением по данному закону работает еще больший круг субъектов – следователь составляет, подписывает, руководитель следственного органа дает согласие, а прокурор утверждает его или возвращает дело для производства дополнительного расследования, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями. Казалось бы, все просто. Но появляется еще достаточно громоздкий институт обжалований решений прокурора всех уровней, механизм которого весьма призрачен. Представим его: прокурор района не утвердил обвинительное заключение и вернул дела для дополнительного расследования. Варианты решения следователя: а) согласиться и б) обжаловать. Какова форма следственного обжалования? Если следовать правовому смыслу текста ч. 4 ст.221 УПК РФ, то следователь пишет ходатайство об отмене постановления нижестоящего прокурора и об утверждении обвинительного заключения (п.1 и п.2 ч.4 ст.221 УПК РФ). Однако в законе нет прямого указания о том, необходимо ли сообщать стороне защиты о данном процессуальном решении следователя с согласия руководителя следственного органа. После вынесения постановления об отказе в удовлетворении ходатайства следователя последний может с согласия вышестоящего руководителя

следственного органа ходатайствовать об отмене постановлений двух нижестоящих прокуроров (например, района и города), не сообщая об этом стороне защиты. Вышестоящий прокурор (первый заместитель прокурора субъекта федерации) соглашается со своими коллегами и выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства следователя, который вновь обращается с очередным четвертым ходатайством и вновь получает отказ. Каков срок обжалования, каковы сроки прохождения этого следственно-прокурорского спора, каковы его процессуальные последствия и соблюдаются ли при этом права стороны защиты? Поставленные вопросы могут быть разрешены введением в УПК РФ новой статьи 221.1 «Обжалование решений прокурора по уголовному делу с обвинительным заключением» следующего содержания:

1.Право обжалования решений прокурора по уголовному делу с обвинительным заключением принадлежит руководителю следственного органа, следователю, потерпевшему и его представителю, защитнику и обвиняемому.

2.О принятом прокурором решении стороны уведомляются следователем в течение 48 часов, и им разъясняется право на обжалование решения прокурора.

3.Обжалование решений прокурора следователем и руководителем следственного органа происходит в форме постановления о возбуждении ходатайства об отмене постановления прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования. Обжалование иными участниками процесса происходит в виде жалобы на постановление прокурора.

4. Руководитель следственного органа или следователь обязаны незамедлительно ознакомить стороны с процессуальными решениями, принятыми на этапе согласования, утверждения или возвращения уголовного дела с обвинительным заключением и разъяснить порядок их обжалования».

Таким образом, представленные четыре исторически обусловленных процессуальных модели субъектов обвинительного заключения убедительно показывают постепенное усложнение всей процедуры окончания дела с обвинительным заключением и позволяют предложить *эвристическую модель* окончания предварительного следствия. Сущность этой модели состоит в том, что единственным субъектом обвинительного заключения становится прокурор. Следователь передает материалы уголовного дела, объявив стороне защиты о том, что предварительное следствие закончено и дело передается с согласия руководителя следственного органа прокурору. При этом необходимо представить прокурору следующие полномочия: составить обвинительное заключение, прекратить уголовное дело или уголовное преследование, возвратить уголовное дело для производства дополнительного расследования. При этом продолжение процессуального механизма может стать законодательное закрепление положения о том, что тот же прокурор, который составил обвинительное

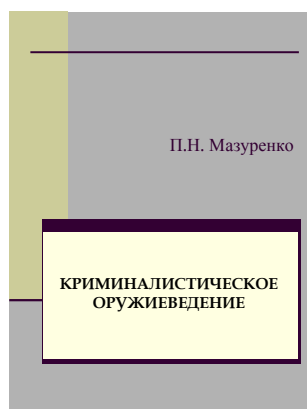
заключение по делу, будет поддерживать государственное обвинение в суде.

Уголовное судопроизводство России, впитавшее в себя и национальные особенности правовой системы, и основы романо-германской системы права, на современном этапе реализации принципа состязательности, должно смелее применять европейские стандарты защиты прав личности, правосудия и эффективного расследования. Процессуальный механизм предварительного следствия должен быть четким, доступным для восприятия, с четко очерченными полномочиями всех участников уголовного судопроизводства на всех процессуальных этапах. Следователь должен быть самостоятельной процессуальной фигурой при расследовании преступлений. Представляется, что прокурорский надзор должен проявляться, в основном, при завершении предварительного расследования, где окончательное решение по делу должен принимать прокурор по каждому уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халиуллина Л.Г. Эволюция предварительного расследования в России в X - второй половине XX века. Летопись следствия. Документы, Историко-правовое исследование: в 3 кн. - Казань: Фолиант, 2008. - Кн.3. - С.133-137.
2. Российское законодательство X-XX вв. Т.8. Судебная реформа. - М., 1991.- С.179-183.
3. Чучаев А.И. Н.Д. Сергеевский: жизненные вехи и творческое наследие. - Ульяновск: УлГУ, 2006. - С.210.
4. Сырых В.М. Н.В.Крыленко – идеолог советского правосудия.- М.: Российская академия правосудия, 2003. - С.173-175.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. - М.: Издательский дом «Адвокатъ», 1996. -С.71-74.

Мазуренко П.Н

Криминалистическое оружиеведение: курс лекций по дисциплине «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов» по специальности 030501.65-Юриспруденция/ П.Н. Мазуренко. – Казань: КЮИ МВД России, 2009. – 97 с.

Целью курса лекций является освещение теоретических вопросов, представление методических и технико-криминалистических рекомендаций исследования оружия и следов его применения, основ методики его исследования, а также методик расследования преступлений, связанных с его оборотом.

А.Ф. Амануллина,

кандидат юридических наук

старший преподаватель

юридического платного факультета КЮИ МВД России

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ

В статье анализируются международные стандарты защиты прав осужденных. Предложены изменения в действующий уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Реальная защита каждого человека от возможного произвола государства происходит с осознанием мировым сообществом, что личность человека - высшая ценность - должна быть защищена правом. После завершения Второй мировой войны социальное общество установило целый комплекс прав заключенных, ставших частью международного права. Это было время, когда мир был преисполнен решимости никогда больше не допустить повторение случившегося. Так, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года Декларация закрепляет в части отправления правосудия следующее: все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона (ст.7); каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст.8); никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию (ст.10); каждый человек для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст.11). Все положения этого документа применимы для определения коренных основ правового статуса лица в сфере уголовной юстиции[1].

5 мая 1998 года в Российской Федерации вступила в силу Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 4 ноября 1950 г. Отныне положения Конвенции, согласно ч.4 ст. 5 Конституции Российской Федерации, становятся частью отечественной правовой системы, а решения Европейского суда по правам человека приобретают обязательную силу. Это обязательство предполагает обязанность публичной власти не только не допускать нарушения закрепленных в Конвенции прав, но и пресекать все противоправные действия или бездействия, посягающие на права человека[2]. Включение европейских стандартов по правам человека в российскую правовую систему существенно повышает меру ответственности всех правозащитных механизмов. Страсбургский контрольный механизм уже стал реальным фактором системы защиты прав и свобод человека в нашей стране[3]. Например, жалоба № 60776/00 от 7 октября 2004 г. Полещук Евгения Владимировича, который приговором российского суда был осужден к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии. Полещук передавал в специальный отдел колонии, осуществляющий цензуру и общий надзор за всей перепиской заключенных, адресованные Европейскому суду по правам человека письма, в которых жаловался на нарушение ст. 6 [Конвенции о защите прав человека и основных свобод](#) при судебном разбирательстве уголовного дела. Администрация колонии отказалась переслать письма, указав заявителю, что

жалоба в Европейский суд по правам человека не будет принята администрацией колонии для отправки в суд до тех пор, пока заявитель не обратится к Председателю Верховного Суда РФ и Генеральному прокурору РФ с надзорными жалобами на приговор или не подаст жалобу в Конституционный Суд РФ. Жалоба на нарушение ст.34 Конвенции состояла из двух частей: первая – что отправка жалобы заявителя в Европейский Суд была дважды остановлена в 1999 году администрацией колонии, вторая – что на заявителя оказывалось давление после того, как он отправил жалобу в Суд. Европейский Суд по правам человека установил нарушение Россией ст.34 Конвенции отказом отправить письма заявителя в Европейский суд по правам человека[4].

Предметом международного уголовно-процессуального права, в частности, является исполнение приговора (обращение приговора к исполнению, признание и исполнение приговоров иностранных судов и т.д.). Европейская конвенция о международной силе решений по уголовным делам 1970 г. устанавливает перечень оснований отказа в исполнении приговоров иностранных судов. Конвенция о передаче осужденных лиц 1983 года предусматривает механизм сотрудничества в вопросах передачи осужденных лиц. Лицо, осужденное на территории одного государства-участника Конвенции, может быть передано на территорию другого государства-участника Конвенции для отбывания назначенного ему наказания. С этой целью оно может заявить государству вынесения приговора или государству исполнения приговора о своем желании быть переданным в соответствии с настоящей Конвенцией. Запрос о передаче может быть сделан либо государством вынесения приговора, либо государством исполнения приговора. Если осужденный заявил государству вынесения приговора о своем желании быть переданным в соответствии с настоящей Конвенцией, это государство информирует об этом государство

исполнения приговора в практически возможные кратчайшие сроки после того, как судебное решение стало окончательным. В этой информации указываются: фамилия, дата и место рождения осужденного; его адрес, если таковой имеется, в государстве исполнения приговора; факты, на которых был основан приговор; содержание, продолжительность и дата начала срока наказания. Осужденный должен быть информирован письменно о любых мерах, принятых государством вынесения приговора или государством исполнения приговора, а также о любом решении, принятом любым из этих государств в отношении просьбы о передаче [5]. В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 206-ФЗ "О ратификации Конвенции о передаче осужденных лиц и Дополнительного протокола к ней" Россия ратифицировала конвенцию, в связи с чем для обмена заключенными нет необходимости подписывать отдельный договор с заинтересованной страной, если такая страна тоже участвует в Конвенции. Так, благодаря ратификации 19 ноября 2008 г. стала возможной передача из США российского дипломата Владимира Кузнецова, осужденного к 51 месяцу тюрьмы и штрафу в 73 тыс. долларов[6].

В 1998 году государствами СНГ была принята Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания [7]. Однако Россия не ратифицировала данную конвенцию, что оказалось проблемой для наших граждан. Так, к примеру, в ноябре 1999 года в г. Усть-Каменогорске правоохранными органами Казахстана по обвинению в попытке "насильственного захвата власти" была задержана группа российских граждан. В июне 2000 года все они были приговорены к длительным срокам лишения свободы. Все последующие годы российской стороной при активном участии Уполномоченного по правам человека в РФ предпринимались безуспешные попытки добиться перевода осужденных для отбывания оставшейся части наказания из Казахстана в Российскую Федерацию. В.

Лукин отметил, что во избежание подобных ситуаций в будущем следовало бы всерьез озаботиться заключением двусторонних договоров о передаче осужденных в страну их гражданства со всеми странами СНГ[8].

Одной из важных мер предупреждения преступности является возвращение отбывающих наказание лиц к нормальной жизни. Для достижения этого часто бывает необходимо, чтобы лицам, лишенным свободы, была предоставлена возможность отбывать наказание в стране их гражданства. В этих целях Российская Федерация заключает соответствующие договоры, по которым граждане, осужденные к лишению свободы в другом государстве, могут передаваться для отбывания наказания в государство их гражданства. [9]

Существенным фактором обновления российского уголовно-процессуального законодательства стало включение в УПК РФ части пятой «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». Это — основанное на международном договоре РФ, международном соглашении или на принципе взаимности взаимодействие российских судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями по вопросам оказания правовой помощи, выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является. [10]

Выдача осуществляется в отношении лица совершившего преступление на территории или против иностранного государства, данному иностранному государству (по его запросу) для уголовного преследования или для исполнения постановленного в отношении такого лица иностранным судом приговора, является одной из форм оказания правовой помощи по уголовным делам. Часть 2 ст.63 Конституции РФ устанавливает, что выдача лиц,

обвиняемых в совершении преступления, осуществляется на основе федерального закона или международного договора РФ. Применительно к сфере международного права выдача предусмотрена значительным числом многосторонних и двусторонних договоров, участницей которых является Российская Федерация. К ним, в частности, относятся Минская конвенция, Европейская конвенция о выдаче 1957 г. и Дополнительный протокол к ней от 15 октября 1975 г. (подписаны Россией 7 ноября 1996 г.), договор о выдаче с Республикой Индия от 21 декабря 1998 г. и др. [11]

Часть 2 ст.460 УПК РФ устанавливает условия, при соблюдении которых возможна выдача лица для исполнения приговора: лицо должно быть осуждено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев. Если запрос о выдаче включает ряд отдельных преступлений, каждое из которых наказуемо в соответствии с законодательством запрашивающего государства и запрашивающим государством (Российской Федерации) лишением свободы или подпадает под постановление о задержании, однако некоторые из них не отвечают условию в отношении срока наказания, которое может быть установлено, запрашиваемое государство также имеет право осуществить выдачу за отдельные преступления. Это право распространяется и на правонарушения, наказуемые лишь денежными санкциями (п.2 ст.2 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 г., в ред. Второго дополнительного протокола от 17 мая 1978 г.) [12].

Вопрос о регулировании данных правоотношений национальными законодательными актами оставался открытым вплоть до принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Глава 55 УПК РФ является первым, не считая федеральных законов о ратификации того либо иного международного договора, внутренним законодательным актом в сфере передачи лиц для отбывания наказания в страну, гражданами которой они являются[13]. Представление федерального органа

исполнительной власти, уполномоченного в области исполнения наказаний, а равно обращение осужденного, его представителя, компетентных органов иностранного государства о передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого это лицо является, рассматриваются судом в порядке и сроки, установленные ст.ст. 396, 397, 399 УПК РФ (ст.470 УПК РФ).

В последнее время в отечественной юридической науке появился повышенный интерес к проблемам реализации в правовой системе РФ норм международного права. Так, например, по мнению профессора Валеева Р.М., в международном праве разработано довольно много методов осуществления международного контроля за деятельностью государств по выполнению ими своих международно-правовых обязательств, которые могут обеспечить их эффективное соблюдение [14]. Отсутствие в настоящее время координирующего судебного органа на территориях бывшего Советского Союза сказывается и на складывающейся правоприменительной практике[15]. Новое уголовно-процессуальное законодательство восприняло ряд международных стандартов прав

осужденных: запрет на повторное осуждение, возможность индивидуальных петиций в Европейский суд по правам человека.

Можно констатировать существование международного судебного контроля. Однако в настоящее время не решена проблема официального опубликования решений Европейского суда по правам человека. Ознакомление с результатами работы Уполномоченного РФ при Европейском суде по правам человека довольно затруднено. Считаем необходимым законодательное закрепление механизма исполнения приговора, иных судебных и процессуальных решений в сфере международного сотрудничества.

В связи с этим представляется возможным внести в УПК РФ статьи 396.1 «Суды, разрешающие вопросы, связанные с исполнением приговора и иных судебных и процессуальных решений в сфере международного сотрудничества»; ст. 473.1 «Международный судебный контроль в сфере уголовного судопроизводства» и ст. 473.2 «Порядок разрешения судом вопросов в области международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве» соответствующего содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX - начала XXI века: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: НОРМА, 2003 г.- С.637.
2. См.: Европейские стандарты в деятельности органов внутренних дел и пенитенциарных учреждений Татарстана/ под ред. Уполномоченного по правам человека в Республике Татарстан Р.Г. Вагизова.- Казань: Правозащитный центр г.Казани, 2003. - С.80.
3. См.: Муратова Н.Г. Решения Европейского суда по правам человека и их значение для судебного надзора по уголовным делам в Российской Федерации//Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. «Применение международных договоров в области прав человека в правовой системе Российской Федерации». - Екатеринбург, 2003. - С.99.
4. См.: Дело "Полешук (Poleshchuk) против Российской Федерации" (Жалоба N 60776/00): постановление Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2004 г. //Бюллетень Европейского суда по правам человека. - 2005. - № 5.
5. См.: Права человека в международном и внутригосударственном праве: учебник для вузов/ отв. ред. проф. Р.М. Валеев. - Казань: КГУ, 2004. - С.88
6. См.: Литошенко А. Дипломат Кузнецов передан России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infox.ru/authority/foreign/2008/11/19/document3521.phtml>

7. См.: Бирюков П.Н. Нормы международного уголовно-процессуального права в правовой системе Российской Федерации.- Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. - С. 18-19.
8. См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год // Российская газета. -2008. -14 марта.
9. См.: Бирюков П.Н. Указ. соч.- С.130.
10. См.: Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник.- М.: Юрист,2004. -С.702-703.
11. См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/ В.В. Алексеева и др. -М: Эксмо, 2005. -С.530.
12. См.: Алексеева В.В. и др. Указ. соч. -С.531.
- 13.См.: Алексеева В.В. и др. Указ. соч.- С.549.
- 14.См.: Валеев Р.М. Контроль в современном международном праве. - Казань: Центр инновационных технологий, 2003. - С.138.
15. См.: Муратова Н.Г. Международный судебный контроль в уголовной юстиции: проблемы законодательного регулирования и совершенствования практики// Правосудие в Татарстане.- 2006. - №3.

А.А. Хайдаров,

преподаватель кафедры уголовного процесса
КЮИ МВД России

ПРЕДЕЛЫ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В работе дается авторское определение понятия «пределы судебного усмотрения в уголовном процессе», рассматриваются общие и специальные пределы судебного усмотрения в современном российском уголовном судопроизводстве.

Проблема принятия решений по судебскому (судебному) усмотрению сводится к поиску оптимального соотношения связанности судьи жесткими рамками закона и выбором мер правового характера, предусмотренных нормами закона [1].

Основное значение установления пределов судебного усмотрения при принятии процессуальных решений состоит в том, чтобы предотвратить судебский произвол. Судейское усмотрение должно быть по возможности объективным, именно для этого определяются его пределы [2]. Ненадлежащее использование судебного усмотрения в судебных стадиях уголовного процесса может привести к нарушению прав личности, охраняемых Конституцией РФ [3].

Пределы судебного усмотрения в уголовном процессе можно определить как границы возможного законного поведения судьи (суда) по своему усмотрению при выборе процессуальных решений и действий, которые определяются назначением уголовного судопроизводства, принципами уголовного процесса, отдельными правовыми нормами, правовыми позициями Конституционного Суда РФ, разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ и позволяют отличать законные действия судьи (суда) от субъективизма (произвола).

В литературе различают общие и специальные пределы судебного (судебного) усмотрения [4].

Общие пределы судебного усмотрения определяются уголовно-процессуальным

законом и используются судьей по каждому уголовному делу.

Применяя нормы УПК, судья (суд) связан предписаниями ст. 6 УПК. В любом случае усмотрение суда должно соответствовать целям судопроизводства [5]. Кроме того, судья вправе принимать процессуальное решение по своему усмотрению только в отношении обвиняемого, который был в установленном законом порядке изобличен и предан суду, и лишь по предъявленному ему обвинению.

Принимая решение по своему усмотрению, судья не вправе допускать нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Решения судьи должны быть законными, обоснованными, целесообразными и справедливыми.

Судья должен рассмотреть уголовное дело в разумный срок. Суд не вправе произвольно устанавливать сроки рассмотрения дела. Закон определяет, что сроки судом могут быть установлены в зависимости от правовой и фактической сложности уголовного дела, поведения участников уголовного судопроизводства и т.д. (ст. 6¹ УПК РФ).

Пределы судебного усмотрения определяются требованиями принципов уголовного судопроизводства.

На примере принципа состязательности покажем, как данный принцип влияет на общие пределы судебного усмотрения. Сущность указанного уголовно-процессуального принципа (ст.15 УПК) состоит в установлении законом и обеспечении судом равных возможностей сторонам реально обладать процессуальными

средствами защиты своих интересов [6]. Состязательность обусловлена несовпадением, противоположностью интересов сторон, выполняющих различные процессуальные функции.

В соответствии со ст.15 УПК уголовное судопроизводство осуществляется лишь на основе состязательности сторон, при этом стороны защиты и обвинения равноправны перед судом. По УПК суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Именно этим положением принципа состязательности и ограничивается судебское (судебное) усмотрение в уголовном процессе.

Принцип презумпции невиновности также влияет на пределы судебного усмотрения.

Положения ст. 14 УПК РФ устанавливают общие пределы усмотрения суда (судьи):

- обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда;
- подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения;
- все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном законом, толкуются в пользу обвиняемого;
- обвинительный приговор не может быть основан на предположениях.

Принцип презумпции невиновности отвергает обвинительный уклон во всех формах его проявления и служит важным гарантом права обвиняемого на защиту от произвольного судебного усмотрения [7].

Общие пределы судебного усмотрения могут также определяться самими обстоятельствами уголовного дела. Так, Л.Н. Берг обстоятельства дела характеризует как материально-юридическое средство, устанавливающее

пределы судебного усмотрения [8]. По мнению В.Н. Мартышкина, судебское усмотрение должно не только соотноситься с принципами и задачами закона, но и должно быть направлено на отыскание оптимального решения исходя из конкретного дела, его обстоятельств [9].

Таким образом, общие пределы судебного усмотрения – это ограничения, которые вытекают из назначения и принципов уголовного судопроизводства и учитываются судьей (судом) при вынесении процессуального решения или производстве действия по усмотрению.

Рассмотрим специальные пределы судебного усмотрения в уголовном процессе. Специальные пределы необходимы для недопущения произвола при решении процессуального вопроса в отдельно взятом случае. Общие пределы судебного усмотрения же действуют всегда и на всех судебных стадиях уголовного процесса.

Специальные пределы судебного усмотрения определяются: а) в правовой норме; б) разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации; в) правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации.

а) *Специальные пределы судебного усмотрения, устанавливаемые правовыми нормами.* В общей теории права по форме предписания поведения традиционно выделяются императивные, диспозитивные и рекомендательные правовые нормы [10]. Если императивные нормы – категорические, строго обязательные, не допускающие отступлений и иной трактовки предписания, то диспозитивные нормы предписывают вариант поведения, но при этом предоставляют субъектам возможность в пределах законных средств урегулировать отношения по своему усмотрению. Рекомендательные нормы устанавливают варианты наиболее желательного с точки зрения государства урегулирования общественных отношений [11].

В теории права среди норм, направленных на регулирование правоотношений, выделяются также абсолютно определенные и относительно определенные нормы [12]. Абсолютно определенная норма формулирует правило, условия его действия и санкцию с исчерпывающей полнотой, относительно определенная норма не содержит всех указаний и допускает возможность вариантов с учетом конкретных обстоятельств [13].

По нашему мнению, именно в относительно определенных, альтернативных и оценочных нормах права заложена сама возможность судейского усмотрения. В литературе проблема предоставления возможности судье принимать решение по своему усмотрению в ряде случаев рассматривается через призму абстрактного и казуистического приемов законодательной техники [14].

В уголовно-процессуальном законе невозможно предусмотреть все варианты развития общественных отношений, которые могут возникнуть, и императивно их урегулировать. Поэтому он передает решение ряда уголовно-процессуальных вопросов на усмотрение суда. Такие случаи, в которых судье (суду) предоставляется возможность осуществления усмотрения, встречаются на различных стадиях уголовного процесса России. На этапе рассмотрения дела в суде первой инстанции судейское усмотрение осуществляется как в ходе установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, так и при определении фактов, являющихся основанием совершения отдельных процессуальных действий. Например, на стадии решения вопроса о назначении судебного разбирательства судья по ходатайству потерпевшего, гражданского истца или их представителей либо прокурора вправе вынести постановление о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества, если посчитает это необходимым [15]. В данном

случае норма не содержит указания на конкретные факты.

Законом определена возможность установления судьей разумных сроков для выполнения определенных процессуальных действий. Срок, на который откладывается судебное разбирательство, определяется непосредственно судьей (ст.253 УПК); судья вправе предоставить время эксперту в ходе судебного следствия, в необходимых случаях для подготовки ответов на вопросы суда и сторон (ст. 282 УПК); при возвращении мировым судьей заявления лицу, в случаях, когда поданное заявление не отвечает требованиям ст.318 УПК, судья в своем постановлении устанавливает срок для устранения недостатков и в других случаях.

Согласно ст.6¹ УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. При определении разумного срока судьей должны учитываться такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства и другие обстоятельства.

При производстве по уголовному делу в суде первой инстанции по усмотрению судьи решаются вопросы о допросе последнего при отсутствии другого подсудимого; о приобщении к материалам уголовного дела документов представленных суду; об осмотре местности и помещения; о следственном эксперименте; о предъявлении для опознания и освидетельствовании и т.д.

Итак, в уголовно-процессуальном законодательстве имеются относительно определенные нормы, которые предусматривают возможные варианты поведения судьи (суда) при рассмотрении и разрешении уголовных дел.

П.Г. Марфицин указывает еще два самостоятельных вида относительно определенных предписаний. По его мнению, в ряде случаев закон прямо не устанавливает рамки дозволенного, т.е. принятие решения (выполнение действия)

в таком случае не связано с наличием конкретных оснований. Определяющим здесь является мнение правоприменителя, его внутреннее убеждение, причем не нуждающееся в каких-либо пояснениях. Такой простор в выборе поведения предоставляют формулировки типа «в случае необходимости», «по усмотрению», «по инициативе», «вправе» и т.п. При этом автор делает оговорку, что, несмотря на кажущийся безграничный простор в выборе поведения, который предоставляется рассматриваемыми правовыми предписаниями, здесь имеются определенные пределы, границы дозволенного [16]. С обоснованностью выделения данного вида относительно определенных предписаний следует согласиться. Приведем пример по данному вопросу применительно к производству в суде первой инстанции. Так, согласно ч.2 ст. 260 УПК, в необходимых случаях председательствующий вправе вызвать лиц, подавших на протокол замечания, для уточнения их содержания. В ч.5 ст. 278 УПК предусматривается, что при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. В ч.4 ст. 275 УПК указывается, что допрос подсудимого в отсутствие другого подсудимого допускается по инициативе суда или по ходатайству сторон и т.д.

В качестве самостоятельной группы относительно определенных предписаний выделяются оценочные понятия. В литературе оценочные понятия в разное время исследовались специалистами в области теории права, уголовного права, административного права. Наиболее весомый вклад в изучение оценочных понятий в уголовном судопроизводстве был сделан П.Г. Марфициным [17] и С.С. Безруковым [18].

Указанные авторы исследовали оценочные понятия применительно к

деятельности следователя и рассматривали следующие примеры оценочных понятий: «достаточные данные», «достаточные основания полагать», «сложность (особая сложность) дела», «жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение», «временное тяжелое заболевание» и др.

Применительно к судебным стадиям в УПК также используются оценочные понятия. Отдельные вопросы, связанные с оценочными понятиями применительно к судебным стадиям, исследуются в работах Е.К. Черкасовой, Г.А. Ерофеева, Л.Д. Калинкиной, Т.А. Москвитиной и др. Так, применительно к рассмотрению уголовного дела в суде первой инстанции в УПК используются такие оценочные понятия: тяжелое заболевание, иная тяжелая болезнь. Применительно к рассмотрению уголовного дела в апелляционной и кассационной инстанциях в УПК используются понятия – «нарушения уголовно-процессуального закона», «неправильное применение уголовного закона», «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела», «несправедливость приговора» и т.д. По отношению к надзорному производству в УПК используется такое оценочное понятие, как «фундаментальные нарушения».

б) Специальные пределы судейского усмотрения, определяемые постановлениями Пленума Верховного Суда РФ.

В ст. 126 Конституции РФ указывается, что Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики [19]. Подобная норма имеется и в Федеральном конституционном законе "О судебной системе Российской Федерации"

от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ, где также указано, что Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения по вопросам судебной практики [20]. В ст. 56 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. "О судостроительстве РСФСР" было установлено, что Верховный Суд РФ изучает и обобщает судебную практику, анализирует судебную статистику и дает разъяснения судам по вопросам применения законодательства РФ, возникающим при рассмотрении судебных дел [21]. Согласно Закону СССР "О Верховном Суде СССР" от 30 ноября 1979 года разъяснения Пленума Верховного Суда СССР были обязательными для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которым было дано разъяснение [22].

Основным в данном случае является вопрос о правовой природе постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, а также определяют ли разъяснения Пленума пределы судейского усмотрения?

В литературе по первому вопросу пропагандируются две диаметрально противоположные точки зрения. Одна часть авторов пишет о нормативном характере разъяснений Пленумов Верховного Суда, другая же – о рекомендательном [23]. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что основной целью разъяснений Пленума Верховного Суда РФ является правильная и единообразная реализация судами действующего законодательства [24]. При рассмотрении конкретного дела судья решает вопрос о применении правоположений, сформулированных в постановлении пленума самостоятельно, но любое из этих решений должно быть мотивировано.

По нашему мнению, в случаях, когда разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации восполняют законодательные пробелы и указывают на необходимость применения той или иной нормы по аналогии, уместно говорить о том, что Пленум создает пределы судейского усмотрения.

Так, в п.1 ч. 1 ст.237 УПК РФ указано, что судья по ходатайству стороны или по

собственной инициативе возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях, если обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований Уголовно-процессуального кодекса, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения или акта.

В указанном случае закон не раскрывает, какие именно нарушения, допущенные при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта, могут препятствовать возможности принятия судом решения, и оставляет определение этих нарушений на судейское усмотрение. Однако в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 года "О применении норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству"[25] разъясняется, что необходимо понимать под допущенными при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта нарушениями требований уголовно-процессуального закона. Подобные положения содержатся и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" от 5 марта 2004 г. [26] В данном случае Пленум определяет перечень нарушений, который в любом случае является основанием для возвращения дела прокурору. При этом Пленум не создает новых уголовно-процессуальных норм, а ссылается на статьи УПК, в которых имеются указания на требования, предъявляемые к обвинительному заключению и обвинительному акту.

В ч.1 ст. 237 УПК указаны 5 оснований возвращения дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении №1 от 5 марта 2004 года "О применении судами норм Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации” разъясняет, что в тех случаях, когда существенное нарушение закона, допущенное в досудебной стадии и являющееся препятствием к рассмотрению уголовного дела, выявлено при судебном разбирательстве, суд, если он не может устранить такое нарушение самостоятельно, по ходатайству сторон или по своей инициативе возвращает дело прокурору для устранения указанного нарушения при условии, что оно не будет связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия. При вынесении решения о возвращении уголовного дела прокурору суду надлежит исходить из того, что нарушение в досудебной стадии гарантированного Конституцией РФ права обвиняемого на судебную защиту и права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора. Следует также иметь в виду, что в таких случаях после возвращения дела судом по указанию прокурора следователь или дознаватель вправе, исходя из конституционных норм, провести следственные или иные процессуальные действия, необходимые для устранения выявленных нарушений, и, руководствуясь статьями 221 и 226 УПК РФ, составить новое обвинительное заключение или новый обвинительный акт [27].

В разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 “О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве” указано, что судье (суду), решая вопрос о размере компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, следует исходить из положений статьи 151 и пункта 2 статьи 1101 ГК РФ и учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, руководствуясь при этом требованиями разумности и

справедливости [28]. В том же постановлении Пленума указано, что характер физических и нравственных страданий устанавливается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, поведения подсудимого непосредственно после совершения преступления (например, оказание либо не оказание помощи потерпевшему), индивидуальных особенностей потерпевшего (возраст, состояние здоровья, поведение в момент совершения преступления и т.п.), а также других обстоятельств (например, потеря работы потерпевшим).

Пленум этими разъяснениями определяет специальные пределы судейского усмотрения по рассматриваемым вопросам.

В заключение отметим, что, несмотря на то, что указанные постановления не содержат уголовно-процессуальных норм, они должны приниматься во внимание и исполняться судами при осуществлении деятельности по разрешению уголовного дела. По нашему мнению, постановления Пленума Верховного Суда РФ определяют пределы судейского усмотрения.

в) Специальные пределы судейского усмотрения, определяемые правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

В соответствии с Конституцией РФ правом издавать и отменять законы на территории Российской Федерации обладают только органы законодательной власти. Судебные органы отменить правовой акт не вправе.

Согласно п. “а” ч.1 ст.3 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” от 21 июля 1994 N 1-ФКЗ названный Суд может разрешать дела о соответствии Конституции Российской Федерации федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации.

В соответствии со ст. 79 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” нормативные правовые акты

или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу.

В случае если Конституционным Судом РФ федеральный закон или иной нормативный правовой акт признан не соответствующим Конституции РФ полностью или частично либо из решения Конституционного Суда РФ вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный правовой акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного правового акта, который должен, в частности, содержать положения об отмене нормативного правового акта, признанного не соответствующим Конституции РФ полностью, либо о внесении необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный правовой акт, признанный неконституционным в отдельной его части. До принятия нового нормативного правового акта применяется непосредственно Конституция Российской Федерации.

Закрепляя юридическую силу решений Конституционного Суда РФ, Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» устанавливает, что решения судов и иных органов, основанных на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях.

Решения Конституционного Суда РФ обязательны на всей территории российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Исходя из этих положений, можно сделать вывод о том, что постановления Конституционного Суда РФ, которые регулируют вопросы принятия решения судьей по его усмотрению, определяют пределы судейского усмотрения при разрешении уголовных дел. Рассмотрим ряд

случаев определения пределов судейского (судебного) усмотрения в постановлениях Конституционного Суда РФ.

В постановлениях Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. [29]; от 20 апреля 1999 г. [30]; от 14 января 2000 г. [31]; от 14 февраля 2000 г. [32] Конституционный Суд РФ сформулировал ряд правоположений относительно действия принципа состязательности в уголовном судопроизводстве в соответствии с УПК РСФСР, что привело к сужению полномочий суда в части возбуждения уголовного дела и отказа в его возбуждении, принятия решений о возвращении уголовного дела при отсутствии ходатайства об этом хотя бы одной из сторон по соответствующим основаниям и т.д. Фактически это повлекло за собой смену модели уголовного процесса России, т.е. к переходу от смешанной к состязательной форме уголовного судопроизводства. Конституционный Суд РФ, путем ограничительного толкования норм уголовно-процессуального закона, практически привел в соответствие с Конституцией РФ 1993 г. уголовно-процессуальное законодательство.

С 1 июля 2002 года в России действует УПК РФ 2001 года. УПК 2001 г. – это принятый в соответствии с Конституцией РФ федеральный закон, основанный на современных демократических началах, который четко закрепляет состязательную модель уголовного процесса. Конституционный Суд РФ после этого события вновь принял ряд решений по вопросам уголовного судопроизводства, а именно постановления от 8 декабря 2003 N 18-П [33], от 29 июня 2004 года №13-П [34], от 22 марта 2005 года №4-П [35], от 27 июня 2005 года №7-П [36], которые отчасти восстанавливают активность суда в отечественном уголовном процессе.

Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года №13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов

Государственной Думы Российской Федерации” была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации ч.6 ст. 234 УПК РФ, ее статьям 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 49 (часть 2), в той мере, в какой содержащейся в ней нормой исключается возможность удовлетворения судом ходатайства стороны защиты о вызове свидетеля для установления алиби подсудимого, если оно не заявлялось в ходе предварительного расследования и не было отклонено дознавателем, следователем, прокурором[37].

Таким образом, указанное постановление фактически предоставляет подсудимому право ходатайствовать о вызове свидетеля для установления его алиби, также и в том случае, если это ходатайство не было заявлено в ходе предварительного расследования. В данном случае Конституционный Суд РФ, руководствуясь ст. 79 Федерального конституционного закона ”О Конституционном Суде Российской Федерации”, признал ч. 6 ст. 234 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ. А законодательные органы в установленном законе порядке отменили данную норму через 2 года. Часть 6 ст. 234 УПК РФ утратила силу в связи с принятием Федерального закона от 3 июня 2006 г. N 72-ФЗ ”О признании утратившей силу части шестой статьи 234 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”[38].

Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 N 18-П признана не действующей ч.4 ст. 237 УПК РФ, а судье по собственной инициативе разрешено возвращать уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом[39].

Это привело к тому, что по каждому уголовному делу, в ходе расследования которого были применены меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, судья проводит предварительное слушание, где обязан решить вопрос об изменении указанных мер пресечения либо оставлении их без изменения.

Исходя из вышеописанного, следует сделать вывод о том, что постановления Конституционного Суда РФ нередко содержат противоположения, в которых по существу определяются пределы судейского усмотрения, поскольку они действуют непосредственно, и судья обязан ими руководствоваться при принятии решения по делу.

Итак, специальные пределы судейского усмотрения - это ограничения, которые вытекают из конкретных уголовно-процессуальных норм, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и учитываются судьей (судом) при вынесении процессуального решения или производстве действия по усмотрению.

Таким образом, следует различать общие пределы судейского усмотрения, которые определяются принципами права, общими условиями судебного разбирательства и т.д., а также специальные пределы судейского усмотрения, которые определяются процессуальными нормами, разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации

ЛИТЕРАТУРА

- 1.Подмосковный В.Д. Правовая основа судебного усмотрения по российскому законодательству: Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003.-С.112; Папкина О.А. Усмотрение суда. - М.: Статут, 2005. - С. 67-191; Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2008. - С.106-180.
- 2.Там же.

3. Мартышкин В.Н. Правовые и нравственные аспекты судебного усмотрения в уголовном судопроизводстве // Правосудие в Республике Мордовия. - 2009.- №1. - С.48.
4. Папкова О.А. Усмотрение суда... С.67.
5. Папкова О.А. Усмотрение суда... С.68.
6. Химичева Г.П., Ульянова Л.Т. Конституция Российской Федерации и вопросы уголовного процесса. - М.: Изд-во Юрид. ин-та МВД РФ, 1995. - С.24.
7. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы... С. 181.
8. Берг Л.Н. Указ. соч. С.111-112.
9. Мартышкин В.Н. Правовые и нравственные аспекты судебного усмотрения в уголовном судопроизводстве // Правосудие в Республике Мордовия. - 2009.- №1.- С.49.
10. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2003. - С. 204.
11. Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Мордовца, В.Н. Синюкова. - М., 2005. - С.276.
12. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2003. - С. 203.
13. Там же.
14. Каминская В.И. О структурном анализе уголовно-процессуального права (в порядке обсуждения) // Вопросы борьбы с преступностью. - М., 1971. - Вып.14. С.33; Москвитина Т.А. Об оптимизации использования абстрактного и казуистического приемов законодательной техники при формулировании уголовно-процессуальных норм // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. д.ю.н., проф., акад. РАЕН и ПАНИ В.М. Баранова. -Н.Новгород, 2001. - Т. II. - С.518.
15. О применении норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. №28 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.- 2010. - № 2.- С.2-6.
16. См. Марфицин П.Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект: монография.- Омск, 2002.- С.148.
17. Марфицин П.Г., Безруков С.С. Относительная определенность в уголовно-процессуальном праве и пределы усмотрения следователя. - С.12-31; Марфицин П.Г. Усмотрение следователя: (уголовно-процессуальный аспект): монография. - Омск: Омская академия МВД России, 2002. -С. 154-156.
18. Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно- процессуальном законодательстве: автореф. дис...канд. юрид. наук. - М.: Академия управления МВД России, 2001.- 24 с.; Марфицин П.Г., Безруков С.С. Относительная определенность в уголовно-процессуальном праве и пределы усмотрения следователя: учебное пособие.- Омск: Омская академия МВД России, 2001. - С.12-31.
19. СЗ РФ. - 2009. - №4. -Ст. 445.
20. СЗ РФ. - 1997. - №1. - Ст.1.
21. Ведомости Верховного Совета РСФСР.- 1981.- №28. - Ст. 976.
22. О Верховном Суде СССР: Закон СССР от 30 ноября 1979 // Свод законов СССР. - 1990. -Т.10.- С. 15.
23. Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук.- Красноярск, 2001; Тишкевич И.С. Являются ли указания Пленума Верховного Суда СССР источником права? // Советское государство и право. - 1955. -№ 5.- С. 29.
24. Малюшин А.А. Судебное усмотрение в правоприменительной деятельности как форма судебного правотворчества.// СПС Консультант Плюс.
25. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. -2010.- № 2.- С.2-6.
26. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. -2004.- № 5. -С.4.
27. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.-2004. -№ 5. -С.4.
28. Российская газета. -2010. -7 июля. -№ 147. -С.11.
29. СЗ РФ.-1996. -№ 50.- Ст. 5679.
30. СЗ РФ. -1999.- №17.- Ст. 2205.
31. СЗ РФ. -2000.- № 5.- Ст. 611.
32. СЗ РФ. -2000. -№9. -Ст. 991.
33. СЗ РФ. -2003. -№ 51. -Ст. 5026.
34. СЗ РФ. -2004.- № 27.- Ст. 2804.

- 35. СЗ РФ. -2005. -№ 14. -Ст. 1271.
- 36. СЗ РФ. -2005.-№ 28.- Ст. 2904.
- 37. СЗ РФ. -2004.- № 27. -Ст. 2804.
- 38. СЗ РФ. -2006.- № 23. -Ст. 2379.
- 39. СЗ РФ. -2003. -№ 51.-Ст. 5026.

С.Я. Казанцев,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный юрист России, начальник
кафедры криминалистики КЮИ МВД России

П.Н. Мазуренко,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистика
КЮИ МВД России

**К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ ОРУЖИЯ В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ 25 ИЮНЯ 1996 Г.
№ 5 "О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИИ И НЕЗАКОННОМ
ОБОРОТЕ ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ"**

В статье рассматриваются вопросы оборота огнестрельного оружия в свете постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Предложены рекомендации по совершенствованию российского законодательства по данной проблеме.

В настоящее время в незаконном обороте находится значительное количество оружия. Криминальный оборот оружия, его использование при совершении преступлений тесно связаны с наиболее общественно-опасными их формами: организованной преступностью, терроризмом, экстремизмом и др. Традиционно при совершении многих насильственных преступлений в качестве специфического средства, облегчающего достижение преступного результата, использовались различные виды оружия и, прежде всего, огнестрельное и холодное. Это обстоятельство предопределило появление в уголовном праве применительно ко многим составам преступлений такого квалифицирующего признака, как применение оружия (вооруженность). Более того, особая социальная значимость уголовно наказуемых деяний, совершаемых с применением оружия, привела к тому, что на различных этапах исторического развития российские законодатели вынуждены были прибегать к мерам

уголовно-правового регулирования оборота оружия, а также различных предметов, которые могли использоваться в качестве оружия (хозяйственно-бытовые ножи, топоры, молотки, цепи и т.д.).

В связи с этим только за последние годы Верховный Суд Российской Федерации дважды обращался к вопросу о судебной практике по делам о незаконном обороте оружия [1].

К сожалению, многие положения последнего Постановления либо существенно устарели и требуют уточнения, либо не соответствуют реалиям следственной и судебной практики. Так, в п.1 данного Постановления говорится, что при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 222 - 226 УК РФ, судам необходимо устанавливать, являются ли изъяты у задержанного предметы оружием, его основными частями или комплектующими деталями, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами, ответственность за незаконный оборот

которых предусмотрена указанными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации. Тогда возникает вопрос о том, как определить, являются ли изъятые предметы оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами или взрывными устройствами.

Не меньше вопросов возникает и по поводу п.2. Постановления: «Пневматическое оружие, сигнальные, стартовые, строительно-монтажные пистолеты и револьверы, электрошоковые устройства, предметы, сертифицированные в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием, не относятся к оружию, ответственность за противоправные действия с которым предусмотрена статьями 222 - 226 УК РФ».

Вместе с тем следственная практика идет по пути проведения сначала предварительного исследования, а после возбуждения уголовного дела – производится криминалистическая экспертиза. Между тем в соответствии с действующим Федеральным законом «Об оружии» обязательной сертификации подлежат все производимые на территории Российской Федерации, ввозимые на территорию Российской Федерации и вывозимые из России модели гражданского оружия, а также конструктивно сходные с оружием изделия. Организация же проведения работ по сертификации гражданского оружия возложена на Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации, а технические требования к такому оружию и методы его испытания устанавливаются национальными стандартами Российской Федерации. Орган сертификации после рассмотрения документов и образцов, а также проведенных криминалистических испытаний в ЭКЦ МВД России оформляет протокол и информационный листок, которые служат основанием для оформления соответствующего сертификата. Таким образом, фактические

данные, содержащиеся в информационном листке, превратились на деле в формализованную криминалистическую экспертизу по определению принадлежности конкретного предмета к холодному или метательному оружию, а информационный листок стал официальным справочно-методическим материалом для производства криминалистических экспертиз и исследований.

Практически это означает, что эксперт при производстве криминалистической экспертизы оружия не имеет права пересматривать результаты сертификационных испытаний, даже если он не согласен с ними. В своем экспертном заключении он обязан осуществить следующее:

- указать, что исследуемый предмет прошел обязательную сертификацию;
- поместить в текст заключения вывод сертификации, сославшись на номер протокола, указанный в информационном листке, если исследуемый им объект аналогичен образцу по конструкции и своим техническим характеристикам.

Очевидно, что результаты сертификационного исследования практически подменяют экспертные исследования, в результате чего эксперт-криминалист вынужден просто переписывать имеющийся в информационном листке вывод, что лишает его права на экспертную оценку и принуждает ставить свою подпись практически под чужим заключением. Таким образом, возникает законный вопрос о необходимости в данном случае вообще проводить криминалистическую экспертизу.

Кроме того, органы системы стандартизации не преследуют в своей деятельности цели обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью, а принимаемые в ГОСТах параметры вызывают с точки зрения этой цели значительные сомнения. Предметы, которые сертифицируются сегодня в качестве изделий хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивных снарядов, конструктивно сходных с оружием, во многих случаях представляют значительную общественную опасность и, на наш взгляд, лишь формально, без учета их поражающей способности, отграничены от

холодного оружия. Фактически органам стандартизации предоставлена возможность ограничительного толкования закона, что представляется недопустимым. Данный подход также не соответствует криминалистическим требованиям, так как не рассматривает объект в совокупности. Представляется, сложившаяся ситуация недопустима, поскольку способствует обороту опасных для общественной безопасности предметов. По нашему мнению, указанные изделия часто обладают такими признаками, которые легко допускают их использование в криминальных целях. Однако оборот их ничем, кроме сертификации, не ограничен. В результате население покупает подобные образцы в специализированных магазинах, с получением соответствующего информационного листка, который легализует оборот данных предметов. Трудно не согласиться в этой связи с мнением с Д.А. Корецкого в том, такое решение вопроса по существу предопределяет выводы эксперта по всем уголовным делам, связанным с ранее сертифицированными.

В настоящее время большинство предприятий с целью увеличения сбыта продукции выпускают туристические и разделочные ножи, обладающие практически всеми признаками холодного оружия (отличия более чем минимальны). К примеру, выпускаемый заводом «Нож разведчика» (НР-2000), относимый информационным листком к ножам туристическим, практически вплотную подходит по параметрам к отечественному армейскому ножу образца 1940 года, именуемому также "ножом разведчика" [2]. При сравнении данных ножей выясняется, что основное различие заключается в толщине обуха клинка: 3,4 мм у армейского ножа по сравнению с 2,4 мм у туристического.

В п. 3. Постановления закреплено, что применительно к статьям 222 - 226 УК РФ

под огнестрельным оружием следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. К ним относятся винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра.

В то же время законодатель, на наш взгляд, преждевременно декриминализировал в 2003 году оборот гражданского гладкоствольного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему и холодного оружия (кроме сбыта). При этом летальность от огнестрельных ранений из короткоствольного оружия примерно 15 %, а из длинноствольного оружия выше 80 %. Кроме того, в обороте имеется большое количество оружия, сертифицированного как гражданское гладкоствольное, которое в других странах широко используется в качестве служебного и даже штурмового оружия.

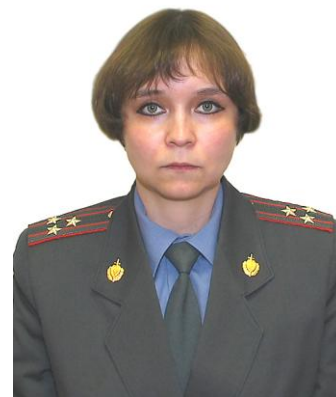
В заключение подчеркнем, что проблемы, связанные с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, требуют существенной корректировки существующего законодательства и, как следствие, новых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 1996 г. N 5 "О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ" Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 8 (утратило силу), постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2002. - № 6. - (далее Постановление).
2. Отечественное холодное оружие: Каталог коллекции. М.: Воениздат, 1978. С.7; Холодное оружие и бытовые ножи. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1978. - С.92.

Г.Н. Хадиуллина,

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории, правовой статистики,
математики и информатики КЮИ МВД России

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье уточнено содержание категории «интеллектуальная собственность (ИС)», определены особенности транзакционных издержек реализации интеллектуальной собственности, сформулированы формы и методы государственного регулирования транзакционных издержек реализации отношений интеллектуальной собственности.

Динамика объемов мировой торговли результатами интеллектуальной деятельности (патентами, лицензиями, промышленными образцами, ноу-хау, результатами НИОКР и др.) находит отражение в изменении структуры экспорта и импорта национальных государственных образований. При этом, согласно экспертным оценкам, доля Российской Федерации в мировой торговле технологиями составляет от 0,35 до 1%. В структуре товарооборота на долю соглашений, предметами которых выступают патентные лицензии и товарные знаки, приходится не более 2% российского экспорта и 10% импорта технологий. Низкий уровень вовлеченности России в данный сектор мирохозяйственных отношений обусловлен низким уровнем институционализации отношений интеллектуальной собственности и, как следствие, высокими транзакционными издержками, которые многократно увеличиваются вследствие неопределенности и нестабильности процесса взаимодействия между субъектами рынка РИД.

Транзакционные издержки, или издержки отчуждения и присвоения правомочий интеллектуальной собственности, появляются не только в процессе взаимодействия самостоятельных экономических агентов (издержки защиты прав собственности), но и в рамках

отдельного предприятия как сети контрактов (издержки спецификации правомочий собственности между акционерами и менеджерами). В соответствии с классификацией Т.Эггертсона и Д.Норта в ходе исследования выделены 5 групп транзакционных издержек реализации отношений интеллектуальной собственности[1].

1. Издержки поиска информации: издержки на рекламу; издержки сбора и обработки информации; издержки на привлечение инвесторов (финансовых учреждений). Информационная асимметрия между финансовыми организациями (инвесторами) и инновационными компаниями (обладателями прав на объекты интеллектуальной собственности) выражена существенно сильнее, чем при взаимодействии с традиционными компаниями в силу повышенной сложности и меньшей технологической доступности технологической и производственной информации для стейкхолдеров. Информационная асимметрия усиливается в силу технико-экономической неопределенности и разноректорной направленности элементов институциональной среды. Для инновационных компаний издержки обращения к внешнему финансированию могут быть выше положительных внешних эффектов. Высокие издержки блокируют возможность транзакций, поэтому они

могут принять неявный характер (сделки не совершаются).

2. Издержки оценки и контроля качества: транзакционные издержки оценки объектов интеллектуальной собственности оценочными компаниями.

3. Издержки ведения переговоров и заключения контрактов: платежи за институционализацию правомочий собственности (регистрация товарных знаков, договоров уступки или лицензионных договоров и др.).

4. Издержки спецификации и защиты прав собственности: издержки доступа к правам собственности; издержки правообладателя на сбор и фиксацию доказательств о нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности. Транзакционные издержки спецификации и защиты прав интеллектуальной собственности составляют, согласно экспертным оценкам, в общем объеме транзакционных затрат около 45%. Поскольку транзакционные издержки существенно превышают размер возмещаемых убытков, многие правообладатели ограничиваются подачей исковых заявлений о пресечении нарушения и возмещении компенсации, определяемой судом.

5. Издержки оппортунистического поведения: издержки оппортунизма разработчиков – владельцев исключительных прав собственности на ноу-хау; издержки оппортунизма органов государственной власти (прежде всего, Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам (Роспатент)), как институтов, обеспечивающих формирование и проведение единой государственной политики в области охраны авторских и смежных прав; издержки на предотвращение умышленного нарушения условий контракта.

По мере развития общественного разделения труда (прежде всего, специализации) существенно усложняется проблема достижения соглашений, разграничения правомочий, соблюдения контрактов в случае их заключения.

Высокие транзакционные издержки ограничивают емкость рынка интеллектуальных ресурсов и РИД, масштабы обмена деятельностью экономических агентов на рынке. Источником роста и одновременно оптимизации транзакционных издержек является крупный корпоративный капитал. Сокращение транзакционных издержек связано с тем, что корпорация обладает координирующим потенциалом, который иногда превышает соответствующий потенциал рынка, замена рыночного обмена внутренней организацией привлекательна не только возможностями технологической, производственной экономии, но и перспективой относительного сокращения транзакционных затрат [2].

Выполнение государством своих социально-экономических функций приводит к росту транзакционного сектора и вызывает противоречивую динамику транзакционных издержек. С одной стороны, издержки, связанные с регулированием инновационной деятельности, защитой прав интеллектуальной собственности, постоянно возрастают, с другой стороны, они снижаются и оптимизируются. Последнее обеспечивается тем, что транзакционные издержки допускают значительную экономию на масштабах, то есть по мере того, как объем выпуска в секторе увеличивается, удельные издержки на одну сделку падают.

Отсутствие четкой спецификации, не позволяющее выделить самостоятельные составляющие «пучка прав» собственности на интеллектуальные ресурсы и РИД, высокий уровень транзакционных издержек по защите прав интеллектуальной собственности, сложность и непрозрачность институциональной инновационной среды с низким уровнем доверия всех участников рынка интеллектуального капитала приводит к смещению сделок на рынке интеллектуальной собственности в область уступки прав на объекты интеллектуальной собственности и ограничивает развитие сделок по форме

лицензионных соглашений. Так, доля договоров об уступке патента в общем объеме зарегистрированных договоров составляет 60,1%, лицензионных договоров - 39,9% соответственно [3]. Значительный объем трансакционных издержек обусловлен особенностями технологического развития общества, состоянием институциональной среды, прежде всего, судебной власти, на которую возложена ответственность за разрешение конфликтов в области интеллектуальной собственности.

В Российской Федерации отсутствует реальная связь между промышленными предприятиями и научным сообществом, что обусловлено низкой заинтересованностью отечественных производителей в инновациях и проявляется в разрыве воспроизводственной конфигурации объектов интеллектуальной собственности, что вызывает рост трансакционных издержек [4].

В результате инновационной деятельности создаются объекты интеллектуальной собственности, обладание которыми требует несения трансакционных издержек на спецификацию и защиту исключительных прав. В результате ненадлежащей спецификации прав собственности возникают неявные трансакционные издержки, складывающиеся из потерь монопольного дохода и недооценки бизнеса. При этом большая часть ресурсов, используемых в процессе создания новшеств и их коммерциализации, классифицируется как специфические и интерспецифические. Ключевым интерспецифическим ресурсом является человеческий капитал работников, занятых в инновационной сфере. Это, в свою очередь, приводит к издержкам оппортунистического поведения. Для интеллектуальной деятельности присущ групповой принцип организации работ, что создает предпосылки для оппортунизма, проявляющегося в низкой отдаче от инвестиций в человеческий капитал, и возникновении

соответствующих трансакционных издержек. Многомерность качественных характеристик товара в сочетании с их новизной как результатом интеллектуальной деятельности обуславливает повышенный уровень издержек измерения, которые несут потенциальные потребители инновации в процессе анализа рентабельности транзакции и в случае ошибок измерения. Существенные издержки измерения несут организации-новаторы, поскольку каждый этап разработки инновационной идеи и ее коммерциализации может представлять собой серию попыток добиться желаемого результата, и каждая попытка сопровождается соответствующими измерениями, призванными оценить степень приближения к цели. Неопределенность как атрибутивное свойство интеллектуальной деятельности способствует росту трансакционных издержек разных видов. Невозможность предусмотреть все состояния будущего побуждает субъектов отношений интеллектуальной собственности либо к составлению более детальных контрактов, что влечет за собой повышение трансакционных издержек, либо к заключению неполного контракта, отодвигающего конкретизацию многих пунктов сделки на будущее, что влечет за собой издержки оппортунизма контрагента. Величина трансакционных издержек является решающим фактором при выборе между организацией собственного инновационного подразделения фирмы и аутсорсингом инновационной деятельности, между использованием объектов интеллектуальной собственности в собственной деятельности и передачей исключительных или неисключительных прав другим лицам в рамках отношений франчайзинга или торговли технологиями; между различными вариантами структур управления и форм организации интеллектуальной деятельности.

Тип транзакций, сопутствующих отдельным этапам реализации интеллектуальной собственности, зависит

от субъектного состава отношений собственности. В рамках неоклассических контрактов реализуются транзакции сделки, в рамках отношенческих контрактов – транзакции управления. В первом случае заказчик и подрядчик несут издержки, связанные с оценкой потенциальной надежности партнера, переговорами и подготовкой условий контрактов, мониторингом за действием партнера в процессе контрактного взаимодействия сторон, созданием механизмов формальных и неформальных санкций, предотвращающих нарушение взаимных обязательств. Издержки внутрифирменных взаимодействий, связанные организационно-экономическими отношениями по поводу реализации интеллектуальной собственности, с организацией информационных потоков, а также поведением субъектов собственности и их попытками повлиять на принимаемые стратегические решения, имеют эндогенную природу и свойственны для всех этапов инновационного процесса [5].

В зависимости от комбинации в интеллектуальных продуктах и ресурсах характеристик частных и общественных благ решается вопрос о целесообразности поиска рыночного механизма воспроизводства инновационных отношений, уменьшении степени государственного участия в производстве инноваций, изменения его форм и способов.

Представляется целесообразным решение данной проблемы, во-первых, путем разграничения инноваций по глубине вносимых ими изменений и определения в зависимости от их уровня государственного или рыночного начала как регулятора инновационной деятельности (эффект двухслойности или эффект Тобина), во-вторых, через инициирование государством конкуренции в сфере инновационных отношений, в-третьих, посредством заключения контрактных отношений государственных и негосударственных структур, а также использования потенциала некоммерческих организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // Тезис. Т.1. Вып.2. - М., 1993.
2. Иванова М.Г., Тихонов А.В. О регуляции интеллектуальной собственности // Социологические исследования. - 2007. - № 10. - С. 61-65.
3. Данные Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Электронный ресурс: <http://www1.fips.ru>
4. Квашнин А. Как управлять портфелем технологий и интеллектуальной собственностью. Проект EuropeAid «Наука и коммерциализация технологий». 2006.
5. Леонтьев Б.Б., Мамаджанов Х.А. Основы оценки интеллектуальной собственности в России. - М.: ИНИЦ Роспатента, 2006.

Белов Е. А.,

кандидат социологических наук,
доцент кафедры административного права, административной
деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России

ФЕНОМЕН ТЕНЕВОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕКОТОРЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ

В статье предлагается анализ теневой занятости населения сквозь призму предметных рамок философии, психологии, экономики, политологии, статистики и социологии. Феномен теневой занятости на сегодняшний день преимущественно рассматривается в контексте экономической теории, но полученные выводы недостаточны для реализации целей социального управления. Теневой рынок труда является чрезвычайно неоднородным и многомерным, что обуславливает необходимость его рассмотрения, прежде всего, в рамках социологии, а также политологии, психологии и ряда других общественных дисциплин.

Любая социальная система, если она претендует на конкурентное функционирование, имеет два основных направления развития — сохранение имеющихся позиций и расширение (захват новых ресурсов). С данной точки зрения преобразования организационно-технологической, производственной и других сфер жизнедеятельности современного российского общества вполне вписываются в общетеоретические тенденции. При этом обращает на себя внимание «расшатывание» фундаментальных позиций, которые должны оставаться неизменными либо медленно трансформироваться в иные стабильные формы. Речь идет об изменениях в плоскости норм морали, традиций, ценностей и т. п. Не раскрывая факторы, детерминирующие данного рода изменения, остановимся на некоторых из них.

Большинство наших соотечественников, приобретая товары и пользуясь услугами, не желают задуматься об их природе. Не имея возможности рассматривать альтернативы, граждане покупают контрабандную и контрафактную продукцию, прибегают к услугам неквалифицированных специалистов. Постепенно в различных сферах взаимоотношений между индивидами (производство и реализация товаров, здравоохранение, образование,

правопорядок и т. п.) легитимные и законодательно закрепленные нормы стали вытесняться теневыми и противоправными. Дать четкую характеристику и датировку того момента времени, с которого начался этот процесс, на наш взгляд, не представляется возможным. Изначально многие формы трудовой активности (работоторговля, пиратство, мздоимство и т. п.) признавались не только допустимыми, но и вписывались в общую модель поведения. В дальнейшем, с укреплением государства, эти виды деятельности вытеснялись и уходили в «тень». Характерно, что на сегодняшний день, рейтинг слабости государства по ряду параметров определяется посредством того, насколько государственные институты как внутри себя, так и во внешней среде смогли вытеснить либо минимизировать теневую занятость [1].

Современный этап развития нашего общества протекает в период очередной ломки общепринятых стандартов и образцов поведения (аналогичные процессы имели место в постреволюционный и поствоенный периоды). Сложность современного этапа заключается в том, что кризис 1990-х годов сформировал искаженное оправдание многих видов деятельности. Уход экономики в тень считался нормальным и оправдывался тем, что люди заняты (причем не важно, как и чем),

имеют доход (пусть и не облагаемый налогом). Главное, что их активность нашла применение, а не выплеснулась в виде протеста государственному устройству. «Красное крышевание» также имело отчасти положительную оценку. С одной стороны, это занятость существенного количества сотрудников правоохранительных органов, а с другой, по мнению обывателя, «лучше уж они, чем бандитские крыши». Аналогичная ситуация складывалась практически во всех наиболее значимых общественных институтах. Советское государство стало превращаться в абсолютно не управляемый механизм.

Сейчас ситуация несколько изменилась. Однако ценность легитимного и значимого для общества труда практически утеряна. На ее место пришла ценность социального благополучия (деньги, власть, статус, причем любой ценой).

С целью теоретического осмысления как самого феномена теневой занятости, так и определения границ этого понятия, необходимо, на наш взгляд, использовать различные предметные рамки [2]. Причем изначально следует раскрыть содержание самого понятия «занятость». Согласно ФЗ «О занятости в Российской Федерации», занятость - это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход [3]. По Д. Марковичу, занятость означает тот факт, что трудоспособные члены общества самостоятельно или в сообществе с другими членами общества осуществляют какой - либо вид общественно-полезного труда, которым они обеспечивают себе средства для удовлетворения своих потребностей и для удовлетворения определенных общественных потребностей [4]. В предложенных выше определениях внимание акцентируется на общественной полезности труда. Данный подход правомерен в рамках функционализма (Т. Парсонс и Р. Мертон), где сами общественные отношения

определяются через общность фундаментальных норм и ценностей, которыми руководствуются люди в своей жизни [5]. Для сравнения можно предложить еще одно определение: «Занятые - это лица, которые в течение отчетного периода выполняли определенную работу за заработную плату или жалование деньгами или натурой, а также лица, которые формально числятся на работе, но временно не работают» [6]. Как видим, в последнем определении термина «занятость» никаким образом не оговаривается общественная полезность самой трудовой деятельности. В рамках нашего исследовательского подхода в качестве рабочего целесообразно использовать именно это определение, т.к. мы неизбежно будем сталкиваться с такими понятиями, как криминальная занятость, незаконная занятость и др.

Выделим следующие компоненты занятости:

- производитель (субъект деятельности);
- сама деятельность (процесс производства товаров или услуг);
- орудия производства (оборудование, инструменты, приспособления и т.п.);
- продукт труда (товар или услуга);
- условия реализации продукта.

Исходя из данной классификации, под неформальной занятостью мы будем понимать деятельность, в которой «неформальным» (нелегальным, незаконным) является только первый компонент. В свою очередь, неформально занятых определим как лиц, которые трудятся на основе устной договоренности, т.е. без заключения трудового договора или оформления права на частную предпринимательскую деятельность.

Остальные виды занятости, которые предусматривают противозаконный характер любого другого элемента, на наш взгляд, можно определить как криминальную занятость. Теневая занятость может быть рассмотрена как любая экономическая активность, вовлекающая доход или обмен товарами и услугами, о которых не сообщается

правительству [7]. Основываясь на вышеизложенном, можно сделать предварительный вывод о том, что понятие «теневая занятость» является обобщающим, включающим в себя как неформальную, так и криминальную занятость.

В масштабах государства наличие неформальной занятости может быть рассмотрено как позитивное явление, т.к. снижает степень агрессии и возможность разрушения социальной среды занятыми в неформальном секторе экономики. Теневая занятость выступает в качестве своеобразной буферной зоны.

Вместе с тем в неформальном секторе занятости практически отсутствуют социальные гарантии, государство недополучает в виде налогов значительные средства. Теневая занятость приводит к образованию и воспроизводству параллельных социально-экономических структур зачастую криминальной ориентации, способных подчинить себе большую часть ресурсов страны и стать серьезной угрозой устоям государственности.

Характерной особенностью российского теневого рынка труда является размывание границ между формальной и неформальной занятостью. С одной стороны, происходит отток занятых из формального сектора в неформальный, с другой – занятость в формальном секторе все больше приобретает такие черты, как массовое сокрытие доходов и несоблюдение трудового законодательства в части социальных гарантий работников. Значительная часть занятых в неформальном секторе поддерживает тесную связь с формальным сектором.

Вопрос, касающийся раскрытия самой проблемы изучаемого феномена, достаточно сложен. Если под проблемой понимать несоответствие между тем, что есть, и тем, что должно быть [8], то для многих проблема теневого рынка труда отсутствует. При этом нелегитимные отношения на различных уровнях рассматриваются как способствующие функционированию общественных

институтов. Неформальные экономические отношения рассматриваются как вполне естественные и зачастую даже не рефлексированы их участниками. В то же время даже на интуитивном уровне мы понимаем, что неформальные отношения размывают устои государственности. Прежде всего, это обусловлено тем, что «государство существует там, где есть политический аппарат, управляющий определенной территорией, чья власть опирается на законодательную систему ...»[9]. Несомненно, что, кроме несоответствия законодательству, теневой рынок труда вступает в конфликт с социальной, экономической, моральной подсистемами общественных отношений, лежащих в основе государственного устройства.

Теневая занятость может быть рассмотрена сквозь призму различных предметных рамок (философия, статистический подход, психология, экономические науки, политология, социология и т.п.).

Так, с позиции *философии* основное внимание уделяется раскрытию экзистенциальной сущности теневой занятости, т.е. определению ее естественной либо искусственной природы. Первый шаг в процессе изучения данной формы занятости будет связан с выявлением той сферы жизнедеятельности общества (экономическая, социальная, политическая, культурная, духовная и т.п.), которая обусловила объективную закономерность ее возникновения. Помимо этого, в поле теоретико-философских интересов попадает вопрос возможности применения нравственно-этических норм для оценки как самой теневой деятельности, так и поведения индивидов в процессе этой деятельности. Установление каузальной структуры и других онтологических, а также гносеологических интерпретаций послужит отдельным сегментом в предмете изучения теневой занятости.

Рассмотрение теневой занятости в рамках *статистического подхода* дает возможность определить количественно-

качественные характеристики этого явления. Это позволяет сделать относительно абстрактное понятие теневой занятости достаточно наглядным. В России зарплата составляет примерно 30% от ВВП [10], однако товаров наши соотечественники покупают на сумму, превышающую этот показатель в несколько раз. Нетрудно догадаться, что основная часть средств из этой разницы — теневая. Статистики могут определить различные параметры самого явления (пол, возраст, образование, место проживания, сфера труда и т.п.). Однако, пока не будет однозначно определено понятие теневой занятости и методики ее измерения, сложно говорить о точности и репрезентативности показателей, полученных в рамках данного подхода.

Исходя из методологии международной статистики в версии системы национальных счетов (СНС) 1993 года, выпущенной статкомитетом ООН, рекомендуется различать такие виды деятельности, как: скрытая (теневая), неформальная (неофициальная) и нелегальная. Согласно данному подходу, теневая деятельность в принципе разрешена законом, но доходы от нее не показываются в полном объеме, что позволяет уходить от налогов и иных выплат. Под неформальной занятостью понимается деятельность без заключения трудового договора между работником и работодателем. Причем в основном говорится о предприятиях, принадлежащих домашним хозяйствам, на которых производятся товары и услуги для собственных нужд. К нелегальным относятся субъекты, занятые незаконным производством или сбытом продукции. Что касается деятельности, направленной против личности или имущества (воровство, грабеж, захват заложника и т.п.), то она не включается в границы производства. В то же время, если ущерб от такой деятельности достаточно велик, то рекомендуется отражать его как «другой поток» и указывать на специальном счете.

На наш взгляд, методики оценки, предложенные СНС, в большей степени

подходят для измерения теневого сегмента развитой экономики и в чистом виде не могут быть использованы в отечественной практике. При этом Госкомстат России не дает четкого определения как самой теневой занятости, так и не раскрывает сущности методик ее измерения. Хотя в отчетах фигурируют некоторые цифры, но их природа непонятна.

Следует уточнить, что статистический подход позволяет фиксировать различные проявления теневой занятости и перед статистиками не стоит задача объяснения причин ее возникновения.

При рассмотрении теневой занятости в качестве объекта исследования *психологии* на первое место выходят вопросы, связанные с определением психотипов различных категорий лиц, занятых на теневом рынке труда, а также их мотиваций и эмоциональных эффектов. Чрезвычайно значимым и интересным является изучение самого процесса получения теневых практик, т.е. приобщения индивидов к совершению нелегальных операций. В качестве примера может служить система образования. Молодые люди «обучаются» нарушению норм либо формируют терпимость к этим нарушениям посредством дачи взятки преподавателю, договорных отношений с обучающимися, списывания, исправления оценок, уклонения от работы под различными предлогами и т.п.

Лица, имеющие нелегальный доход, в основной массе прекрасно осведомлены о его источниках. При этом одни идут на данный шаг от безысходности, вторые стараются не задумываться об этом, а третьи испытывают удовлетворение от того, что обманули всех. Анализ различных форм деятельности на микроуровне позволяет выявить отношение индивидов к ним. Причем как извне, так и изнутри. Значимым является ответ на вопрос: «Как граждане России относятся к тем, кто занят на теневом рынке труда и как оценивают личное включение в теневые отношения, если таковые имеются?». Основываясь на

результатах различных исследований, можно отметить, что большинство респондентов указали на нейтральную либо положительную оценку включенности себя или своих знакомых в сферу теневых отношений. Не останавливаясь подробно на возможностях изучения теневой занятости в масштабах отдельной личности и малых групп, следует указать на перспективность данного подхода.

Попытку соотнести индивидуальное восприятие и поведение с групповым возможно осуществить в рамках социальной психологии, предметом которой является изучение закономерностей поведения и деятельности, обусловленных фактом включения индивида в социальные группы. Можно рассмотреть сходства и различия психологических компонентов легально занятых и занятых в сфере теневого рынка труда, теневиков и нелегалов, организаторов (руководителей) и исполнителей (работников) теневых предприятий и др. Однако если при детальном анализе можно выявить особенности данных компонентов у отдельных представителей этих групп, то говорить о схожести психических процессов у больших общностей, на наш взгляд, нецелесообразно. Так, среди занятых на теневом рынке труда могут находиться люди с полярными интерпретациями действительности, а следовательно, и с различиями в психологической структуре.

В *экономических науках* рынок труда, в большей степени, рассматривается как разновидность товарного рынка, отличие состоит лишь в том, что товар приобретается навсегда, а рабочая сила - на какой-то промежуток времени. Основными понятиями экономической теории, в которых фиксируются относящиеся к экономике процессы, являются производство, распределение, обмен и потребление материальных благ. В рамках экономики, на наш взгляд, можно рассмотреть влияние теневого рынка труда на перечисленные процессы.

Производство материальных благ можно определить как процесс превращения труда с помощью орудий производства в товар. Для нас важным является вопрос выявления легальности как самого труда (неформальная экономика), так и орудий производства, а также конечного продукта (криминализируемая экономика). Интересным является вопрос возможности включения прибыли от неформальной занятости в ВВП [11].

Особенности теневой занятости в рамках экономической теории могут быть рассмотрены с позиции камералистской, кейнсианской и институциональной концепций.

Камералистская концепция (Фридрих Лист). С некоторой долей условности, в переводе на теневой сегмент рынка труда, идеи данной концепции могут быть представлены в виде внешнего, по отношению к государству, фактору воздействия на экономическое пространство. Представители этого подхода в противовес идеям классической политической экономии говорили о необходимости государственного вмешательства в сферу экономики [12]. В противном случае, при свободе частных интересов всех участников глобального рынка и при наличии собственной слаборазвитой экономики, оно будет обречено на неконкурентоспособность основной части товаров. Невмешательство государства в определение товарно-денежной политики допустимо только для развитой экономики. Производители товаров и услуг в случае своей развитости имеют возможность диктовать другим субъектам рынка свои условия. В силу ряда позиций, таких, как развитая технология, инновационные процессы, благоприятный климат и др., затраты на производство товаров и услуг могут быть минимизированы, а соответственно, и цена товара может быть установлена на предельно низкой отметке. Если эти товары идут на экспорт, то их цена безусловно оказывает воздействие на стоимость аналогичной продукции в стране-импортере. При этом в данной

стране из-за неразвитости экономики собственная продукция не может конкурировать в ценовом диапазоне с импортной. Развитие отечественного производства товаров и услуг возможно только при ограничении ее ввоза. Безусловно, это касается только тех товаров, которые могут быть произведены в данной стране. Невозможность открытой конкуренции с импортными товарами стимулирует развитие теневой экономики в виде уклонения от налогообложения, контрафакта, пиратства и т.п.

Кейнсианская концепция (Джон М. Кейнс). Иной подход к пониманию экономических процессов был сформирован в 1930-е годы Д.М. Кейнсом. Развитие этого подхода было предопределено Великой депрессией, высоким уровнем безработицы, существенной дифференциацией в оплате труда и др. аналогичными процессами. С теоретических позиций кейнсианства рынок труда находится в состоянии постоянного и фундаментального неравновесия. Экономика, предоставленная сама себе, может попасть либо в ситуацию безработицы, либо инфляции, а экономические факторы самостоятельно обеспечить равновесие не в состоянии. Государству предлагалось осуществлять активное управление хозяйственной деятельностью путем раздачи госзаказов и субсидий, а также прямого контроля за конкуренцией [13].

Теневая экономика в рамках данной концепции формируется в силу нестабильности внутри рыночных процессов. Здесь роль государства рассматривается не с позиции сдерживания и регулирования внешних потоков (импортируемой продукции), а с позиции равновесия на внутреннем рынке. Если же этого равновесия нет, то часть безработных, а также лица с несоизмеримо низкой оплатой труда найдут себе применение в сфере теневой занятости.

Институциональная концепция (Эрнандо де Сото). Оригинальное понимание причин роста теневой занятости представителями данного подхода заключается в

бюрократической заорганизованности, препятствующей свободному развитию конкурентных отношений [14]. Административные барьеры, выраженные в неэффективных правилах регистрации и осуществления хозяйственной деятельности, обуславливают поведение отдельных субъектов на рынке труда. Их успех связан не только с производственной деятельностью, но и дополняется умением безболезненно минимизировать издержки законодательного урегулирования. Основной причиной теневой экономики, как пишет Э. де Сото, принято считать неэффективный правовой режим. По его словам, «чтобы уйти от насилия и бедности, нужно признать собственность и труд людей, которых легальный сектор ныне отторгает, чтобы вместо бунта воцарился дух сотрудничества и ответственности» [15].

Исходя из предложенной нами трактовки неформальной и криминальной занятости, следует акцентировать внимание на возможностях сокращения административного бремени для неформально занятых. Это позволит заинтересовать их и тем самым перевести в сферу легальной деятельности. Прежде всего речь идет об уличной торговле, работе без регистрации, сокрытии истинных доходов и т.п. Что же касается криминальной занятости (рэкет, заказные убийства, сутенерство и т.п.), то их необходимо изживать. При этом усилия с борьбы против неформальной занятости перенаправить на криминальный сегмент рынка труда.

Камералистский, кейнсианский и институциональный подходы к теневой занятости не опровергают, а дополняют друг друга. При этом для различных экономик в определенный период времени тот или иной подход может являться доминирующим. В частности, если рассматривать развитые страны, то для них более актуален кейнсианский подход. Для России на сегодняшний день существенное значение играет подход Э. де Сото.

При рассмотрении теневой занятости с позиций *политологии* на первый план выходят вопросы политических

потребностей, властных отношений, политического лидерства, взаимодействие различных слоев общества.

Некоторые исследователи вообще говорят о том, что проблема теневой занятости является статистической и политической [16]. Причем имеется мнение о том, что политические лидеры в борьбе за власть используют понятие теневой занятости в качестве пиар-ходов. В то же время обвинение противников в недостаточном внимании к данной проблеме и зачастую популистские высказывания относительно собственной политики снижения уровня теневой занятости никаким образом не сказываются на научно-теоретическом понимании исследуемого объекта и, соответственно, на практическом уровне.

Политические потребности появляются после удовлетворения естественно-биологических, к которым можно отнести потребность в труде (т.к. труд обеспечивает удовлетворение потребностей в пище, жилье, одежде и т.д.). Можно предположить, что есть связь между степенью удовлетворения потребностей человека в труде и политическими потребностями (потребность в гражданских правах и свободах, в судебной-правовой защите и др.).

В широком смысле слова политология позволяет рассмотреть обширный круг вопросов, связанных с изучением теневого рынка труда, т.к. оперирует следующими постулатами:

- любая проблема может превратиться в политическую, если она затрагивает интересы большого числа людей;

- политическая власть обладает огромными возможностями и ресурсами для воздействия на общественные процессы - разрешение конфликтных ситуаций, распределение благ, достижение общественно значимых целей (теневой рынок труда предполагает наличие конфликтов, неоднородность рынка труда в целом подразумевает неоднородное распределение благ);

- к сфере политики относятся организация и функционирование всего механизма политической власти, включая ее формирование и принципы деятельности, установленный в обществе политический режим и т.п. (большое значение в функционировании теневого рынка труда имеет факт влияния на него власти, наличие или отсутствие прямой и обратной связи между этими компонентами).

Понимание теневой и криминальной занятости в рамках *социологии* может стать ключевым при рассмотрении различных социальных общностей, механизмов их становления и развития. Через призму социального могут быть раскрыты отношения между этими общностями и внутри них, а также отношение к процессам общественной жизни, в которые эти общности включены, и своему положению в них.

Социология позволяет изучить проблемы теневой занятости на всех уровнях организации общества:

- социальном (общечеловеческом);
- институциональном (экономика, образование, семья и т.д.);
- организационном (процесс функционирования и развития).

К примеру, в масштабах государства наличие теневой занятости может быть рассмотрено как позитивное явление, т.к. снижает степень агрессии и возможность разрушения социальной среды занятыми в неформальном секторе экономики. Теневая занятость выступает в качестве своеобразной буферной зоны. Вместе с тем в неформальном секторе занятости практически отсутствуют социальные гарантии, государство недополучает в виде налогов значительные средства. Помимо этого теневая занятость приводит к образованию и воспроизводству параллельных социально-экономических структур, зачастую криминальной ориентации, способных подчинить себе большую часть ресурсов и стать серьезной угрозой сформированным на сегодняшний день социальным нормам, ценностям, образцам поведения и т.п.

В рамках данной статьи нами были предложены только некоторые подходы к пониманию сущности теневой занятости. Другие авторы могут иметь несколько иное видение как самого процесса конструирования понятий, так и социальной сущности, описываемой этими понятиями. Многомерность рассматриваемого явления обусловлена неоднородностью теневого рынка труда. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Зиновьева, который утверждал, что «многие недоразумения, трудности и споры в социальных исследованиях возникают в значительной мере из-за того, что структурно подвижное и многомерное образование пытаются рассматривать как четко фиксированное структурное и одномерное»[17]. Таким образом, исходя

из вышеизложенного, следует, что теневая занятость - это многомерное образование, требующее детального изучения и формального закрепления как на уровне самого понятия, так и в сфере явлений, им описываемых. Феномен теневой занятости на сегодняшний день преимущественно рассматривается в рамках экономической теории. Несомненно экономисты решают целый спектр проблем, связанных с различными формами занятости населения, но их выводы зачастую недостаточны для реализации целей социального управления. Поэтому необходим комплексный анализ теневой занятости населения с привлечением знаний и подходов социологии, политологии, психологии и других нау

ЛИТЕРАТУРА

1. В рейтинге слабости государств Россия заняла 65-ю позицию. [Электронный ресурс] // Новости в мире. Режим доступа: <http://www.newsru.com>, свободный.
2. Понятие «рамка» было введено И. Гофманом (Goffman I. Frame Analysis. An Essay on the organization of Experience, 1974. - 586р.), который утверждал, что общественные события необходимо анализировать в определенном методологическом, теоретическом и предметном контекстах. Конвенционально установленные исследователем рамки могут полностью или частично менять значение протекающих событий.
3. О занятости в Российской Федерации: Федеральный закон N 1032-1: принят 19 апреля 1991 г. (в ред. ФЗ № 122 от 22.08.2004).
4. Маркович Д. Социология труда. - М., 1998. - С. 358.
5. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. - М., 1996. - С. 39-48.
6. Хусманс Р. Занятость, безработица и неполная занятость. - М., 1994. - С. 57.
7. Macionis J.J. Sociology. - New Jersey: Prentice-Hall Inc, 1999. - С. 501-512.
8. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Шк. культ. политики, 1997. - С. 306-307.
9. Гидденс Э. Социология. - М., 1999. - С. 325.
10. Почему Россия не Америка // Аргументы и факты. - 2009. - №15. - С. 8.
11. [Francie L. Chains of Production, Ladders of Protection: Social Protection for Workers in the Informal Economy. Durban: Universiti of Natal, 2004. 127 p.](#)
12. [Лист Ф. Национальная система политической экономии. - М.: Издательство «Европа», 2005. - С 37-43.](#)
13. [Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // Вопросы экономики. - 2000. - №5. - С. 102-113.](#)
14. [Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. - М.: Catallaxy, 1995. - С. 29-37.](#)
15. [Сото Э. Указ. соч. С. 317.](#)
16. [Олимпиева И. Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования. - СПб.: ЦНСИ, 2003. - С. 7-18.](#)
17. Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма. - М.: Центрполиграф, 1995. - С. 11.

О.Г. Шмелева,кандидат экономических наук, доцент
юридического платного факультета КЮИ МВД России**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА
В МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДАХ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО
ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ Г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)***В статье предложен комплекс мер для достижения социально значимых результатов в интересах повышения уровня жизни населения монопрофильного населенного пункта.*

Негативные тенденции конца 2008 года, сформировавшиеся под влиянием финансового кризиса, сказались на окончательных итогах социально-экономического развития как России в целом, так и отдельных ее регионов. Основными причинами экономического спада явились значительное сокращение промышленного производства, снижение инвестиционной активности, спад в строительстве и замедление роста потребительского спроса.

Особенно остро это почувствовали жители моногородов, где отрицательные тенденции носили более явный характер и наиболее сильно сказались на их жителях.

К категории монопрофильных можно отнести населенные пункты, отвечающие следующим условиям:

1. Наличие предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на котором занято на основной работе более 25% экономически активного населения.

2. Наличие в населенном пункте предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на долю которых приходится более 50% объема промышленного производства.

3. Дополнительные критерии отнесения населенных пунктов к категории монопрофильных:

- доля налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального образования от предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках

единого производственно-технологического процесса, расположенных в населенном пункте, составляет не менее 20% от общего объема налогов и сборов, поступающих в бюджет муниципального образования от всех организаций и предприятий.

В Республике Татарстан самым ярким примером может служить г. Набережные Челны. ОАО «КАМАЗ» – градообразующее предприятие города Набережные Челны, основанное в 1969 году. Доля группы заводов ОАО «КАМАЗ» составляет 60,1% объема промышленной продукции города (2007 г. – 73,6%, 2008 г. – 69,8%).

В 2009 году крупными и средними промышленными предприятиями города отгружено товаров на сумму 119,0 млрд. руб. (65,5% к уровню прошлого года в действующих ценах). Индекс промышленного производства составил 50,7% (на ОАО «КАМАЗ» – 45,6%). Для сравнения в РТ – 91,5%.

Наиболее сложная ситуация сегодня наблюдается на рынке труда. Если на начало кризиса в списке безработных граждан значилось 3 тыс. жителей города, теперь эта цифра «перешагнула» барьер в 14,4 тыс. чел. Уровень безработицы достиг 4,59%.

По оценке 2009 года, среднесписочная численность работников ОАО «КАМАЗ» составила 45,6 тыс. чел., что по сравнению с 2008 г. меньше на 13,5%. За 2009 г. были сокращены 1499 чел. Численность работающих в режиме неполного рабочего времени составила 17,1 тыс. чел., находящихся в простое – 3,3 тыс. чел.

В общей численности занятых в экономике города доля работников ОАО «КАМАЗ» составляет 25,1%. Среднемесячная заработная плата по сравнению с началом 2009 года сократилась на 38,9%.

Подобная ситуация отмечалась лишь в 1996-1998 годах, когда количество безработных достигало более 17 тыс. чел., а уровень безработицы превышал шестипроцентный барьер.

За 2009 год в 3,2 раза увеличилось количество обратившихся граждан по различным причинам в Центр занятости населения и составило 471,1 тыс. чел. Коэффициент напряженности возрос с 5,3 до 32,8 на одну вакансию.

В целях снижения напряженности на рынке труда, Правительством Российской Федерации и Республики Татарстан были приняты антикризисные меры по сохранению кадрового потенциала предприятий, предупреждению роста безработицы, повышению конкурентоспособности на рынке труда работников, находящихся под риском увольнения. Работа велась в основном по четырем направлениям: организация общественных работ, опережающего обучения, содействие развитию малого предпринимательства и самозанятости безработных граждан, оказание адресной поддержки гражданам, включая организацию их переезда в другую местность.

Рынок труда, как живой организм, реагирует на малейшие колебания в экономике и требует тщательного отслеживания, контроля протекающих процессов, выработки мер воздействия, совершенствования инструментов реагирования. Реальным противостоянием высокой безработице становятся дополнительные мероприятия, направленные на снижение напряженности на рынке труда.

И в первую очередь, это осуществляется путем принятия следующих мер:

1. развития трудовых ресурсов, повышения их мобильности;
2. предупреждения массовой и сокращения длительной безработицы;
3. содействия временной занятости;
4. поддержки трудовой и предпринимательской инициативы граждан с

целью уменьшения безработицы в городе;

5. опережающего обучения работников на долгосрочные приоритеты развития города;
- 6.приобретения опыта работы выпускниками учебных заведений.

Реализуя данные возможности и направления деятельности, а также все prerogative участия в федеральных, республиканских и муниципальных целевых программах, республиканских адресных инвестиционных программах, а также национальных проектах, моногорода к 2012-2015 году смогут обеспечить максимально полное, комплексное и сбалансированное использование имеющихся ресурсов города с целью достижения устойчивых положительных социально значимых результатов в интересах повышения уровня жизни населения, создания более комфортных условий труда, отдыха, образования и охраны здоровья, а также обеспечить динамичное устойчивое развитие в условиях растущей конкуренции с многопрофильной самоорганизующейся экономикой на основе инвестиционной, инновационной привлекательности, с высоким уровнем жизни населения, научно-производственным потенциалом, уровнем культуры.

Л.А. Казанцева,

доктор педагогических наук, профессор,
зав.кафедрой педагогики
Казанского (Приволжского) федерального университета

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ

К ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО ЮРИСТА В ВУЗЕ

В статье раскрывается значение и особенности исследовательского и компетентностного подходов в общенаучной и профессиональной подготовке будущих юристов в современных условиях глобализации и интеграции мирового образовательного и правового пространства.

Условия глобализации в международное правовое и образовательное пространство обуславливают требования качественно иных подходов к вузовской подготовке юристов. Важнейшей стратегией изменения качества общенаучной и профессионально-правовой подготовки студентов является развитие их компетентности и конкурентоспособности.

Компетентностный подход применительно к российской высшей школе стал активно осмысливаться учеными и применяться в образовательной практике. Подчеркнем, что в отечественном и зарубежных исследованиях не сложилось однозначного понимания термина «компетентность». В многочисленных исследованиях применяются различные интерпретации понятия: «компетентность», «компетенция», «компетенции», «компетентности» и др. Полагаем, что «компетентность» – многомерный феномен, структурно включающий различные компетенции с учетом особенностей личностно-профессионального развития.

В связи с этим из 37 видов компетентностей, выделенных Дж. Равеном в работе «Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие, реализация» (2002), наибольшее значение для профессионально-правовой

подготовки студентов имеют такие компетенции, как:

- самостоятельность мышления, оригинальность;
- критическое мышление;
- готовность использовать новые идеи и инновации для достижения цели;
- исследование окружающей среды для выявления ее возможностей и ресурсов;
- готовность полагаться на субъективные оценки и идти на умеренный риск;
- широта перспектив;
- готовность решать сложные вопросы;
- уверенность в себе;
- самоконтроль;
- готовность и способность обучаться самостоятельно;
- адаптивность;
- способность принимать решения;
- вовлечение эмоций в процесс деятельности;
- способность к совместной работе;
- способность побуждать других людей работать сообща ради достижения поставленной цели;
- способность слушать других людей и принимать во внимание то, что они говорят;
- готовность разрешать другим людям принимать самостоятельные решения.

Современная профессиональная деятельность юриста осуществляется в условиях неопределенности, противоречивости правового пространства, правовых норм, правовых ситуаций, правовых проблем. Поэтому особое значение в современных

интерпретациях содержания профессионально-правовой деятельности приобретает исследовательско-правовой и правотворческий компоненты.

В контексте современных отечественных и зарубежных концепций высшего профессионального юридического образования овладение профессиональной компетентностью юриста наиболее продуктивно в условиях исследовательского подхода к общенаучной и профессиональной подготовки студентов.

Перспективными целями организации исследовательской учебно-познавательной деятельности студентов является развитие самостоятельности и свободы познания и личностного развития в этом процессе. Учебно-исследовательская деятельность студентов обеспечивает максимальную реализацию их индивидуально-личностной самостоятельности и свободы. Однако студенты по-разному понимают «свободу». Одни - только как уменьшение или полное исключение внешнего управляющего воздействия со стороны педагога; другие - как возможность активного осознания потенциала самостоятельной познавательной деятельности для собственного развития. Подчеркнем, что самостоятельность и способность быть свободным и саморазвивающимся должны целенаправленно развиваться, начиная с первых дней обучения студентов в вузе. Целенаправленное, поэтапное овладение студентами общенаучными и профессионально-правовыми компетенциями весьма эффективно в процессе многогранной самостоятельной работы, тем более что в соответствии с Государственными образовательными стандартами на нее отводится более 60 процентов их учебной нагрузки.

С точки зрения исследовательского подхода, учебно-исследовательскую деятельность студентов целесообразно рассматривать как открытую,

многомерную, многоуровневую личностно значимую систему, обеспечивающую развитие и саморазвитие их индивидуального ценностно-мотивационного, информационного, интеллектуального, творческого и коммуникативного потенциала и качеств современного конкурентоспособного профессионала.

Полагаем, что эффективность исследовательского подхода в организации учебно-познавательной деятельности студентов будет иметь место, если они целенаправленно, системно, поэтапно будут овладевать исследовательским методом и культурой самостоятельной учебно-исследовательской деятельности.

Вместе с тем, как показали результаты наших многолетних педагогических исследований, у большинства студентов (75%) отсутствует системное, целостное представление о сущности и развивающих возможностях учебно-исследовательской деятельности, о ее структуре и логике, об особенностях исследовательского мышления, о значении исследовательского компонента в современной профессионально-правовой деятельности. У 62% студентов отсутствует устойчивая ценностная ориентация на осмысление и развитие индивидуально-личностного информационного, интеллектуального, исследовательского, креативного и коммуникативного потенциала в процессе общенаучного и профессионально-юридического познания. У студентов доминирует стереотипность, ригидность мышления, стремление решать задачи и выполнять задания по алгоритму, типовым методом. У них также отсутствует способность критически мыслить в противоречивом и многообразном научно-информационном пространстве, моделировать проблемное поле исследуемых явлений, процессов, формулировать учебно-познавательные и научные проблемы и находить

альтернативные, креативные способы их разрешения. Основное внимание студентами уделяется получению правильного результата и в меньшей степени оценке возможностей самого процесса познавательной деятельности для самоактуализации и саморазвития. Имеет место «механическое скачивание информации» при работе с научными текстами в библиотеке, в глобальных информационных сетях, стереотипность выступлений на семинарских занятиях, неспособность продуктивного участия в субъект-субъектном познавательном диалоге. О каком развитии и тем более саморазвитии в этом случае может идти речь?

Особое значение в процессе учебно-познавательной работы студентов на основе исследовательского подхода приобретает такой ее компонент учебно-познавательной деятельности, как целеполагание. Целеполагание - это понимание и реализация актуальных и перспективных целей личностно-профессионального развития с учетом «зоны ближайшего саморазвития». Эффективному целеполаганию способствует развитие ценностно-мотивационной сферы студентов.

В условиях применения исследовательского подхода к учебно-познавательной деятельности студентов необходимо развитие у них устойчивых ценностных ориентаций на:

- самоактуализацию, самореализацию в многомерном информационно-правовом пространстве;
- саморазвитие качеств субъекта права, правовой деятельности правосознания;
- развитие и саморазвитие компетенций, составляющих основу исследовательско-правовой компетентности;
- развитие устойчивой потребности в перспективном расширении личностно и профессионально значимых границ проблемно-исследовательского

пространства правовой деятельности с учетом «зоны ближайшего саморазвития»;

- моделирование индивидуального опыта творческой, исследовательской деятельности и научного правового диалога;

- овладение вариативными способами презентации результатов исследовательско-правовой деятельности.

Овладение студентами исследовательским методом - как методом познания и преобразования действительности - процесс многоуровневый и поэтапный. Исследовательский метод - это структурно многомерный феномен. При этом его системообразующими функциональными компонентами являются совокупности логических, эвристических, эмпирических методов познания.

К логическим методам относятся: анализ; синтез; сравнение; абстрагирование; индукция; дедукция; гипотеза; аналогия; моделирование.

Каждый из перечисленных методов имеет свою структуру, логику, содержание. Для того чтобы студенты овладели особенностями этих методов и научились корректно их применять в процессе учебно-исследовательской деятельности целесообразно использовать алгоритмические предписания. Поэтапное и целенаправленное овладение студентами этими методами закладывается в содержание учебно-исследовательских задач и заданий, проблемных ситуаций, творческих задач и заданий. Кроме того, в процессе промежуточного и итогового тестирования студентов оцениваются не только и не столько правильно воспроизведенные общенаучные и профессиональные знания, но необходимые для их выполнения логические методы. Для того чтобы процесс овладения студентами логическими методами протекал более эффективно, педагогу необходимо в процессе лекционных и семинарских занятий,

руководстве учебным исследованием показать особенности и корректность их использования. Эти методы осваиваются студентами при подготовке к семинарским и практическим занятиям в процессе поиска, систематизации научной информации, написания рефератов, собственных научных текстов, в процессе осуществления «микроисследований» на этих занятиях. Эти методы во многом определяют профессионально значимый аналитический склад ума современного юриста. Уровень овладения студентами логическими методами определяется уровнем их интеллектуального развития. Использование логических методов позволит в будущей профессионально-правовой деятельности оперировать понятиями, делать доказательные умозаключения, выдвигать альтернативные гипотезы и обосновывать их справедливость, мыслить на основе противоречий и т.д.

Эвристическими методами являются: «мозговой штурм», инверсия, синектика, метод многомерных матриц, метод организованных стратегий.

Эвристические методы предполагают большую степень свободы и творчества студентов, направленных на индивидуально-личностное, перспективное моделирование исследовательского пространства разрешаемой учебной или научной проблемы. Применение этих методов осуществляется как в процессе аудиторной учебно-познавательной деятельности студентов, так и в процессе субъект-субъектного взаимодействия студентов во внеаудиторной самостоятельной работе с использованием современных коммуникационных технологий в режиме on-line. Перед началом лекционного или семинарского занятия формулируется учебная проблема. Выбор того или иного эвристического метода или сочетания методов для проведения необходимого теоретического исследования в контексте поставленной проблемы определяется уровнем научной новизны, уровнем

творческого, исследовательского потенциала студентов и педагога. Особую значимость в процессе применения эвристических методов в процессе профессионально-правовой подготовки студентов приобретает процесс овладения ими особенностями юридического диалога и юридического полилога при обсуждении правовых ситуаций, разрешении моделируемых в учебном процессе правовых проблем.

К эмпирическим относятся методы наблюдения, описания, систематизации, классификации.

Эмпирические методы необходимы в учебно-исследовательской деятельности. Они развивают способность студентов к содержательно-смысловому обобщению результатов исследовательской деятельности, выделению общего и особенного, причины и следствия и др.

Безусловно, что фундаментальную основу применения исследовательского знания составляет система научных знаний о праве, правовых нормах, принципах правового регулирования, правовом пространстве личности и деятельности.

Овладение исследовательским методом и инновационными правовыми компетенциями обеспечивается в условиях применения таких педагогических образовательных технологий, как:

- технологии проблемно-развивающего обучения;
- технологии личностно-ориентированного обучения;
- технологии контекстного обучения.

В процессе применения этих технологий обучения обеспечиваются необходимые и достаточные условия для овладения студентами особенностями исследовательского, творческого мышления: системность, прогностичность, интегративность, критичность, способность мыслить противоречиями, рефлексивность, эмпатийность,

креативность. Эти особенности составляют фундамент современного правового мышления современного юриста и значительно повышают эффективность профессионально значимых классических мыслительных операций: аргументирования, доказывания, толкования, комментирования. Кроме того, технология личностно-ориентированного обучения обеспечивает развитие студента как субъекта учебно-исследовательской и будущей исследовательско-правовой деятельности.

Технология контекстного обучения может быть использована в процессе учебно-исследовательской деятельности для того, чтобы при выполнении учебно-исследовательских задач и заданий студенты осознали профессиональную значимость получаемых и развиваемых научных знаний, методов познания и особенностей личностного саморазвития.

Овладение студентами исследовательским методом осуществляется на следующих уровнях:

-репродуктивно-стереотипный – учебно-познавательная деятельность студентов осуществляется на основе внешнезаданного алгоритма. Студенты не владеют методами исследования, не стремятся к целенаправленному развитию личностного опыта учебно-исследовательской деятельности; у студентов не сформировано ценностное отношение к учебно-исследовательской деятельности, обеспечивающей их личностное и профессиональное развитие;

-продуктивно-моделирующий – у студентов развивается устойчивое ценностное отношение к исследовательскому компоненту учебно-познавательной и будущей профессионально-правовой деятельности, обеспечивающему необходимые и достаточные условия для творческой самореализации и саморазвития; развивается способность к моделированию и реализации индивидуальных моделей учебно-

исследовательской деятельности вначале под нежестким, косвенным управлением со стороны преподавателя, а постепенно и самостоятельно. У студентов развивается способность к индивидуально-творческой презентации результатов учебно-исследовательской деятельности, к личностно-аргументированной научной позиции, способности вступать в конструктивный научный и научно-профессиональный диалог со студентами и педагогами; проявлять толерантное отношение к иным суждениям, умозаключениям, позициям;

- рефлексивно-творческий - студенты актуализируют свой личностно-ценностный, интеллектуальный, информационный, креативный потенциал с учетом особенностей предстоящей учебно-исследовательской деятельности. Особое внимание уделяется студентами рефлексии проведенного познавательного исследовательского процесса и его результатов на процессуально-деятельностном и личностном уровнях, полноты использования индивидуального информационного, интеллектуального, креативного, коммуникативного потенциала, барьеров в решении учебно-исследовательских задач и разрешении проблемных познавательных ситуаций, а также в использовании современных информационных и коммуникационных технологий. У студентов наблюдается устойчивый интерес и стремление к моделированию индивидуального опыта исследовательской, творческой деятельности с учетом особенностей будущей профессионально-правовой деятельности.

Особое значение для эффективной реализации исследовательского и компетентностного подходов в подготовке студентов-будущих юристов имеют философия права, методология права, конфликтология.

Таким образом, исследовательский подход к развитию личностно-профессиональных компетенций студентов-будущих юристов обеспечивает

личностную включенность в этот процесс, значение.
который приобретает личностный смысл и

Г.Г. Чанышева,

доктор педагогических наук, профессор
кафедры криминологии и уголовно-
исполнительного права
КЮИ МВД России

В.А. Богдановская,

кандидат юридических наук,
ученый секретарь Ученого совета
КЮИ МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОГО СОСТАВА ОВД В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Настоящая статья посвящена актуальным вопросам воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел. Анализируются причины и формы профессиональной деформации и деформации правосознания сотрудников ОВД. Даны рекомендации по организации и проведению воспитательного процесса с личным составом органов внутренних дел в современных условиях.

В приказе МВД РФ «О мерах по совершенствованию воспитательной работы в органах внутренних дел Российской Федерации» № 995 от 25 сентября 2000 года отмечается, что в целях реализации положений Концепции кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации, объявленной приказом МВД России от 11 января 1999 г. № 12, необходимо рассматривать воспитательную работу с личным составом органов внутренних дел как важнейшую составную часть государственной кадровой политики. Таким образом, работа по совершенствованию деятельности органов внутренних дел активно ведется уже почти 10 лет. Между тем, несмотря на проводимую работу, уровень профессиональной подготовки личного состава нельзя признать высоким. Анализ материалов свидетельствует, что негативное влияние на совершенствование деятельности органов внутренних дел оказывают недостатки воспитания личного состава.

Реформирование системы воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел – актуальная проблема на сегодняшний день. Приказом МВД России от 1 февраля 2007 года № 120 «О комплексном реформировании системы воспитательной работы в органах внутренних дел» была утверждена Программа комплексного реформирования системы организации работы с личным составом органов, подразделений, учреждений системы МВД России на 2007-2009 годы. Эта же тема была рассмотрена на заседании коллегии МВД России в феврале 2008 г. Главной целью реформы было названо восстановление авторитета милиции в российском обществе, решительное пресечение фактов нарушения законности в самих органах внутренних дел, исключение случаев неуважительного и бездушного отношения к гражданам, чьи законные права и интересы обязаны защищать правоохранительные органы. Таким образом, практическая актуальность проблемы состоит в обеспечении

разработки конкретных рекомендаций по организации и проведению воспитания личного состава органов внутренних дел в современных условиях.

Воспитательный процесс со взрослыми, сформировавшимися людьми, имеющими определенный жизненный опыт, организовать непросто. Как правило, процесс воспитания во многом зависит от самого воспитуемого, от его желания совершенствоваться. Воспитателями в данном случае являются непосредственные начальники, педагоги-воспитатели, члены общественного актива ОВД, а воспитательный процесс направлен на поведение, отклоняющееся от нравственных и правовых норм, определенных требованиями профессиональной деятельности ОВД. При этом отклонения характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных условиях. Причинами подобного поведения сотрудников ОВД могут являться:

- коммуникативные проблемы;
- недостаток общего и профессионального образования (качественная составляющая);
- состояние здоровья, эмоциональная незрелость;
- психологическая неустойчивость, профессиональная деформация личности;
- материально-бытовые проблемы;
- негативное влияние социальных групп, в которые входит сотрудник;
- отсутствие перспективности (в службе, учебе, повышение квалификации, классности и т.п.).

Также среди причин низкой эффективности воспитательной работы в органах внутренних дел можно выделить низкий уровень психолого-педагогической подготовки руководителей; недостаточный учет человеческого фактора при решении служебных задач и отсутствие целенаправленной работы по использованию потенциала педагогики в деятельности органов внутренних дел.

Воспитательная работа по укреплению законности и служебной дисциплины у сотрудников ОВД должна быть направлена на воспитание дисциплинированности, осознанной необходимости добросовестного исполнения должностных обязанностей, личной ответственности, формирование правовой культуры, исполнения законов.

Как известно, правовая культура включает в себя правовые знания, правовые установки и убеждения, правовые действия. Низкий уровень правовой культуры в рядах личного состава на практике приводит к серьезным последствиям, как для самого сотрудника, так и для системы ОВД в целом.

Самой мягкой формой деформации правосознания является правовой инфантилизм, заключающийся в недостаточной сформированности и пробельности правовых взглядов, знаний, установок и представлений. Правовой инфантилизм проявляется, прежде всего, в недостаточной сформированности правового сознания. Другим проявлением правового инфантилизма выступает пробел правового сознания, возникающий «лишь на основе полного отсутствия знания о каком-либо элементе правовой действительности либо на основе забывания таких знаний» [1].

Другой формой деформации является правовой нигилизм, а именно сформировавшееся на государственном и бытовом уровнях сознательное отрицание значимости права, законов в социальной жизни и жизни конкретного индивида. Правовой нигилизм выражается в незнании законов и других правовых актов, пренебрежении ими или сознательном их нарушении.

Почти все формы деформации правового сознания имеют свои исторические корни, уходящие в далекое прошлое. Так, основными причинами правового инфантилизма в настоящее время являются:

- непродуманный и неадаптированный для России курс проводимых в стране преобразований;

- отсутствие хорошо организованной системы профессиональной юридической подготовки;

- низкий образовательный уровень населения;

- отсутствие правовой культуры.

На процесс деформации правосознания активно влияют личностные качества человека, микросреда окружения и недостатки воспитательной работы.

Основными направлениями работы по преодолению деформации правового сознания в таком случае будут являться организация воспитательной работы по выработке положительного правосознания, недопущению его деформации и активное воздействие на первопричины и условия. Эти направления работы требуют применения специальных методов воспитательного, предупредительного и принудительного характера. Особое место занимает социально-нормативное воспитание, ключевую роль в котором играет правовое обучение. Кроме того, среди сотрудников ОВД возможно применение следующих мер:

- четкий профессиональный отбор, включая специальный психодиагностический;
- периодическое медицинское освидетельствование и психологический контроль;
- проведение социально-психологических тренингов и т. д. [2]

Наиболее значительным и эффективным аспектом педагогической деятельности является профессиональное воспитание и самовоспитание, из всех направлений которых нравственно-правовое наиболее близко к сфере предупреждения отклонений в поведении. При этом нравственно-правовое воспитание выступает в качестве одной из идеологических мер, сущность которого состоит в том, что оно превращает выработанные обществом требования, нормы, идеалы в личные убеждения, чувства, склонности человека и формирует у него устойчивые положительные привычки поведения, побуждения к их совершенствованию.

Негативное влияние на мотивацию служебного поведения оказывает профессиональная деформация сотрудников ОВД, крайней степенью которой является профессиональная деградация, когда нарушение закона, аморальность, асоциальное поведение и т.д. делают невозможным дальнейшую его службу в органах внутренних дел. Профессиональная деформация – объективная опасность профессий, связанных с повышенным риском, ответственностью, эмоционально-психологическим напряжением. Профессионально-нравственная деформация сегодня представляет собой весьма распространенное явление в деятельности сотрудников ОВД. Понятно, что каждый подобный факт отрицательно сказывается не только на эффективности борьбы с преступностью, но и резко снижает авторитет правоохранительных органов в глазах населения. Кроме общих социально-экономических причин подобного явления, существует целая группа причин появления и распространения профессионально-нравственной деформации среди сотрудников ОВД. Это особые причины, связанные со спецификой системы ОВД. Этой системе, как и всем корпоративным общностям, присуща тенденция к автономизации от общества, замкнутости «на себя» и обслуживанию своих интересов. Таким образом, среди «особых» причин выделяют следующие:

1. Специфика профессиональной деятельности различных служб и подразделений ОВД. Она выражается в дефиците времени, отпущенного сотрудникам на исполнение служебных заданий; в постоянных физических и психических перегрузках и переутомлении; в последствиях конфликтных и экстремальных ситуаций, которые таят опасность для жизни и здоровья; в конспиративности работы.

2. Постоянный конфликт с преступной средой, с негативным и мощным влиянием преступников на сотрудников ОВД. Каждая социальная группа имеет свою

субкультуру, свои нормы этикета и нравственные нормы. Субкультура сотрудников милиции в последние десятилетия существенно изменяется под влиянием криминальной субкультуры. Эти изменения весьма разнообразны, в частности, они проявляются в употреблении сотрудниками ОВД блатного жаргона и нецензурных выражений, в пренебрежении ими правилами служебного этикета и т.д. Негативные изменения в субкультуре сотрудников ОВД также связаны с такими факторами, как низкий уровень общей культуры многих коллективов ОВД, в том числе культуры правовой и моральной; ограниченность общения сотрудников ОВД с «нормальной культурной средой» в силу их загруженности на службе, отсутствия у них потребности в культурном обогащении.

3. Недостатки в организации и управлении деятельностью основных служб и подразделений ОВД. В числе наиболее существенных недостатков такого рода следует отметить несовершенство отчетности; «процентоманию»; наличие «потолка» (предельного звания по должности); уравниловку в оплате труда; просчеты в индивидуально-воспитательной работе с личным составом; несовершенную организацию внутреннего учета и контроля, в частности, несовершенные (формальные) критерии оценки работ; формальную систему отбора кадров в ОВД.

Однако реализация причин профессионально-нравственной деформации, отнесенных к указанным группам, имеет свои особенности. Причины профессионально-нравственной деформации, идущие от состояния общества, от специфики системы МВД – это лишь потенциальные или возможные причины. Действительными же причинами профессионально-нравственной деформации являются те, которые связаны с *личностью сотрудника* ОВД, поскольку явление профессионально-нравственной деформации – это результат морального

выбора самого сотрудника ОВД, действия его бессознательных установок.

К работе в этом направлении следует привлекать штатных психологов, которые при помощи специальных методик могут помочь выявить лиц, склонных к деструктивному поведению, а также осуществлять в течение всей учебы и службы психологическое сопровождение.

Воспитательная работа с сотрудниками ОВД осуществляется посредством решения следующих задач:

- формирования государственно-правового мировоззрения сотрудников ОВД на основе государственности, патриотизма, верности присяге, выполнения норм Кодекса профессиональной этики сотрудника ОВД РФ;

- мобилизации личного состава ОВД на успешное решение оперативно-служебных задач, укрепление законности и служебной дисциплины;

- обеспечения дифференцированного подхода к организации и проведению воспитательной работы с разными категориями личного состава, в первую очередь, профессиональное становление и формирование личности молодых сотрудников ОВД;

- воспитания уважения к истории, культуре, языку традициям народов РФ, социально-нормативное воспитание (правовое обучение);

- формирования здорового морально-психологического климата в коллективах ОВД;

- использования возможностей общественных организаций ОВД в сфере воспитательной работы с личным составом;

- психологического обеспечения работы с кадрами ОВД, повышения психологической устойчивости личного состава к моральным, психическим и физическим нагрузкам в процессе выполнения служебных обязанностей;

- формирования и поддержки позитивного общественного мнения о деятельности ОВД, повышения авторитета и престижа профессии сотрудника ОВД.

Очень важен, на наш взгляд, информационный подход, а именно, ознакомление личного состава с образцами и идеалами, правовым опытом и традициями тех стран, где уровень правовой защищенности личности, а следовательно, и уровень правовой культуры выше, чем в России, где более сильны саморегуляторы гражданского общества, прежде всего, стабильное законодательство, действуют традиции уважения к закону и ответственности перед ним; правовой культурой проникнуты все структуры государственного и социального механизма. При этом необходимо учитывать следующий момент: при построении любой идеальной модели есть риск насильственной «подгонки» под эталон этой модели. В таком случае заимствование форм и элементов правовой системы, оцениваемой как более прогрессивной, вступает в противоречие с элементами правовой культуры, менталитетом в воспринимающей правовой системе и в результате происходит повышение социальной напряженности. Таким образом, «копирование» без поправок на российскую действительность и менталитет пользы не принесет, что

необходимо учитывать в процессе правового воспитания.

Элементами педагогической системы повышения эффективности воспитательного процесса сотрудника ОВД выступают совершенствование содержательной, методической, организационной, эмоционально-смысловой и регулятивно-мотивационной сторон как учебно-воспитательной работы, так и служебной деятельности, а также формирование у сотрудника профессиональной гуманной направленности к высокой нравственно-правовой культуре, потребности самовоспитания нравственно-правовой культуры сотрудника, его стремление к самообразованию и высотам служебного мастерства.

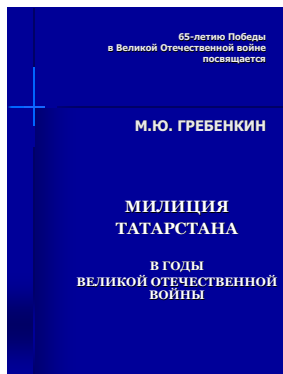
Главной целью воспитательной работы в настоящее время определяется формирование всесторонне развитой, профессионально подготовленной, морально и психологически устойчивой личности сотрудника. Таким образом, изучение данной проблемы в целом, а также взаимосвязи с другими категориями права и педагогики остается актуальной задачей, а многогранность предмета изучения обуславливает необходимость проведения дальнейших научных исследований в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев В.К. Общая теория права: краткая энциклопедия/ В.К. Бабаев, В.М.Баранов. - Н. Новгород, 1998. - С.87.
2. Медведев В.С. Преодоление профессиональной деформации/ В.С. Медведев // Актуальные проблемы морально-психологической подготовки личного состава ОВД. - М., 1992. - С. 50-52.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Гребёнкин М.Ю.

Милиция Татарстана в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие/ М.Ю. Гребенкин. - Казань, 2010. - 61 с.

Научная значимость данной работы заключается в том, что в ней предпринята попытка сформировать более полное, чем ранее, представление о деятельности служб милиции Татарстана в годы Великой Отечественной войны. Материалы учебного пособия могут быть использованы в воспитательной работе с личным составом МВД по общественно-государственной подготовке, для подготовки к культурно – воспитательным мероприятиям, докладам, семинарам, экзаменам.

В.С. Романюк,

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры административного права,
административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД
России

**ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
СИСТЕМЫ МВД РФ В СВЕТЕ БОЛОНСКОЙ КОНВЕНЦИИ**

Рассмотрение перспектив реализации лишь некоторых принципов Болонского процесса в образовательных учреждениях МВД РФ позволяет автору статьи утверждать о необходимости проведения большого объема изменений в учебной работе и законодательном регулировании последующей профессиональной деятельности выпускников вузов, готовящих на своих факультетах дипломированных специалистов с высшим образованием для работы в органах внутренних дел.

Современная Европа неуклонна в своем стремлении к все большему объединению. Уже реальностью для стран Евросоюза стало принятие Европейской конституции, отсутствие границ и единая валюта - евро. Наряду с целесообразностью этих, безусловно, важных для Европы шагов Европейское сообщество поставило перед собой цель усиления интеллектуальной, культурной, социальной базы континента, с тем, чтобы Европа стала и объединенной Европой знаний. В большей степени осуществление этих задач возложено на университеты.

Впервые о намерении создания Зоны европейского образования было заявлено в совместной Декларации «О гармонизации архитектуры Европейской системы высшего образования» в Сорбонне 25 мая 1998 г. министрами образования Великобритании, Германии, Франции и Италии.

Окончательно идея создания «Объединенной Европы знаний» была сформулирована в совместном заявлении европейских министров образования и науки 19 июня 1999 г. в городе Болонья – «Зона европейского высшего образования» в так называемой Болонской конвенции.

Соответственно, все дальнейшие действия европейских государств - подписантов Конвенции в ходе реализации принципов Болонской конвенции стали именовать Болонским процессом.

18 сентября 2003 г. на конференции в Берлине министры образования и науки европейских стран проголосовали за присоединение России к Болонскому процессу, число участников которого в настоящее время достигло 47 европейских государств [1].

Причины перехода к объединенной Европе знаний достаточно очевидны: за прошедшее время в Европе были созданы и политические, и экономические предпосылки объединения. Хотя сегодня мы и видим последствия всемирного экономического кризиса, но для стран - участниц Евросоюза перестали существовать таможенные, пограничный контроль и разные национальные валюты. Все это способствовало беспрепятственному перемещению граждан стран Евросоюза, в том числе и специалистов с университетским образованием. Для свободного трудоустройства стало необходимым, чтобы и дипломы о высшем образовании были признаваемы во всех этих государствах.

Второй причиной создания единого образовательного пространства следует назвать то, что Европа сегодня пытается создать образовательную систему, способную конкурировать с американской. Затраты образовательного рынка США - 18 млрд. долларов в год, в Европе - 5 млрд. долларов [2]. Отсюда и стремление к унификации европейского высшего

образования для противостояния американской образовательной среде, отбирающей лучшие умы по всему миру.

Объединенная Европа, легко проголосовав за присоединение России к Болонскому процессу, обязала тем самым вузы нашей страны перестроиться в организации учебного процесса по европейски к 2010 г. Европа чрезвычайно заинтересована в наших высококлассных специалистах. Одну из главных причин этого назвал ректор МГУ им. М.В. Ломоносова В. Садовничий: «По оценкам демографов, через 25 лет недостаток трудоспособного населения в Европе может превысить 160 млн. человек».

Для осуществления целей Болонской конвенции в нашей стране началась реформа всей системы образования. В частности, уже с 2008 г. российскому выпускнику вуза обязательно выдавать приложение к диплому, напечатанное на одном из широко распространенных европейских языков.

Реформа образования должна пройти во всех высших учебных заведениях России, включая и образовательные учреждения МВД РФ - вузы, готовящие на своих факультетах дипломированных специалистов с высшим образованием для работы в органах внутренних дел.

Работа по переходу к системе обучения, основанной на принципах Болонского процесса, в нашей системе только начинается. На методическом сборе Московского университета МВД России в феврале 2005 г. вопрос о реформировании системы обучения был снят с повестки дня как неактуальный. Однако через год на аналогичном совещании с высокой трибуны была обозначена необходимость изменения ведомственной системы образования в связи с присоединением России к Болонскому процессу.

А теперь позвольте высказать наше субъективное видение вероятных последствий реализации некоторых принципов Болонской конвенции применительно к ведомственной системе высшего образования МВД России.

Один из принципов Болонского процесса - это уже упомянутое нами приложение к диплому. Например, для Московского университета МВД РФ - это не новация, это уже применяется, и при желании каждый работодатель, принимающий выпускника на работу, имеет возможность ознакомиться с объемом и результатами изучения дисциплин. Новое приложение должно, однако, отвечать европейским требованиям, в частности, перечень дисциплин необходимо измерять в единицах трудоемкости, а не в часах, как это существует сегодня. Вопрос с выбором иностранного языка для выполнения приложения пока законодательно не решен. Вполне вероятно, что им может стать или английский, или французский язык.

Следующий принцип - многоступенчатая система образования. Согласно Болонской конвенции, образование в вузе должно иметь три уровня: бакалавр (три года обучения), затем магистр (два года), далее доктор философии (Ph.D.) (три года обучения). Российской Федерации удалось добиться приравнивания нашей ученой степени кандидата наук к существующей в Европе степени доктора философии.

Итак, после трех лет обучения в университете наш курсант выпускается с дипломом бакалавра и, как этого требует Болонская конвенция, идет работать в органы внутренних дел. Через некоторое время желающие учиться дальше (по оценкам российских экспертов, это 40 процентов бакалавров) [3] вновь приходят на учебу для получения диплома магистра. Проучившись еще два года, магистры имеют три альтернативные возможности: первая - поступить в аспирантуру для реализации своих научных идей, вторая - закончить годичную программу подготовки преподавателей и самим обучать курсантов, третья - пойти работать. Это в теории. Теперь позвольте смоделировать этот процесс в практической плоскости на примере выпускника, возьмем, к примеру,

следователя. Итак, выпускник-бакалавр, закончив три курса, должен работать следователем. Следователь, в соответствии с уголовно-процессуальным законом, - это должностное лицо, наделенное большими полномочиями. А реализация таких полномочий требует, соответственно, больших знаний. Ответ на вопрос, сможет ли следователь-бакалавр в должной мере осуществлять свои полномочия, очевиден: не сможет, так как общий уровень профессиональной подготовленности следователей будет объективно снижен. Также возникает вопрос о том, как будет называться должность выпускника-бакалавра, пришедшего в следственный отдел, так как наряду с ним там уже работают следователи с «классическим» высшим образованием. Соответственно, необходимо перерабатывать ведомственные нормативные акты и вносить изменения в УПК РФ. Отработав положенное время, следователь с дипломом бакалавра при желании вновь садится на студенческую скамью, специализируется и через два года получает степень магистра. Здесь возникают два вопроса: каков стимул получения степени "магистр" для нашего выпускника и останется ли выпускник-магистр на работе в органах внутренних дел? Ответ на эти вопросы может быть дан только через создание экономической основы для реализации принципов Болонского процесса. Если разница в оплате труда бакалавров и магистров будет существенной, то у наших курсантов будет и стимул к дальнейшей учебе.

Принцип системы переноса и накопления зачетных единиц по типу European Credit Transfer System (ECTS) - европейской системы перезачета зачетных единиц трудоемкости как надлежащего средства поддержки крупномасштабной студенческой мобильности. Зачетные единицы трудоемкости могут быть получены и в рамках образования, не являющегося высшим, включая обучение в течение всей жизни, если они признаются принимающими заинтересованными университетами.

Предполагается, что система ECTS делает учебные программы легкими для прочтения, понимания и сравнения для всех студентов: и национальных, и зарубежных, способствует мобильности и академическому признанию дипломов, помогает университетам организовывать и пересматривать свои учебные программы [4].

Для получения квалификации студент должен набрать нужное количество зачетных единиц трудоемкости в одном или нескольких университетах. Наряду с традиционными пятибалльными отметками за прослушанный курс студентам выставляют и европейские зачетные единицы. Это более жесткая система контроля изученного. Каждая зачетная единица соответствует 25 астрономическим часам. Согласно Болонской конвенции, каждый учебный год «весит» 60 зачетных единиц. Поэтому первому диплому соответствует 180 зачетных единиц, а второму - еще 120. За каждой такой единицей стоит определенное количество освоенных понятий, связей между понятиями, наработанные навыки. В 25 астрономических часов общей трудоемкости включается самостоятельная работа студентов и сдача ими промежуточных и итоговых испытаний, все другие виды учебной работы. Каждая дисциплина должна «весить» 4 - 6 зачетных единиц. Две трети зачетных единиц составляют обязательные дисциплины, остальные студент формирует самостоятельно.

На первый взгляд, все это очень похоже на то, что есть у нас, и нам не составит большого труда при желании перейти от нашей единицы измерения - академического часа - к европейской зачетной единице и тем самым обеспечить общеевропейскую сопоставимость содержания приложений к дипломам.

Но на самом деле это далеко не так. Во-первых, в нашей системе образования академический час включает не общую работу, а только аудиторную, если брать не стандарт, а реальные учебные планы.

Во-вторых, за каждой зачетной единицей стоят на самом деле не только физические часы затрат, а реально освоенные знания, точнее - компетенции. И определение объема этих компетенций в расчете на зачетную единицу - предстоящая большая кропотливая методическая работа, которая должна проводиться по единым технологиям со всеми университетами, для того чтобы «вес» каждой зачетной единицы был хотя бы примерно одинаковым. Также возникает вопрос, каким образом наш ведомственный вуз сможет принять на обучение студента, получившего зачетные единицы в другом университете. И смогут ли курсанты вузов МВД РФ перемещаться по другим вузам с нашими зачетными единицами?

Принцип содействия мобильности путем преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения студентов и преподавателей состоит в том, что европейские студенты всех ступеней обучения должны поощряться к проведению хотя бы одного учебного семестра в университете вне собственной страны. В то же время все больше преподавателей университетов должны работать в европейских странах за пределами своей собственной. Так гласит Болонская конвенция.

Указанная пространственная мобильность и студентов, и преподавателей проистекает от формирования единого рынка труда высшей квалификации в единой Европе. Россия, к сожалению, вряд ли в обозримом будущем станет частью единого европейского экономического пространства. Соответственно, этот принцип останется для нас декларативным. Теоретически можно допустить учебу наших курсантов в европейских университетах по сходным специальностям. Но кто из курсантов сможет оплатить такую учебу? Кроме того, учебные программы нашего ведомственного образования достаточно специфичны, поэтому и круг потенциально изучаемых в Европе дисциплин достаточно узок. Следующий важный

вопрос при подобной учебе - это свободное владение курсантами иностранным языком избранного европейского вуза. Это в равной мере относится и к преподавателям, которые соберутся преподавать в европейском вузе. Также требует серьезной проработки вопрос оплаты труда наших преподавателей в Европе.

Рассмотрение перспектив реализации лишь некоторых принципов Болонского процесса в образовательных учреждениях МВД РФ позволяет утверждать о необходимости проведения большого объема изменений в учебной работе и законодательном регулировании последующей профессиональной деятельности наших выпускников.

Россия как страна европейская не может игнорировать объединительные процессы, проходящие в Европе. Тем более в таком важном вопросе, как законодательство, регламентирующее получение высшего образования. Однако, на наш взгляд, для полной реализации Болонских принципов в вузах России, в том числе и в образовательных учреждениях МВД РФ, должна быть подготовлена надежная экономическая основа. При реализации Болонских принципов наше ведомственное образование не должно утратить то позитивное, что было накоплено в предыдущие годы, а именно - фундаментальность и академичность в подготовке курсантов и слушателей и интеграцию науки в образование. В противном случае ведомственное образование рискует превратиться в традиционную для западных, в том числе и европейских, стран полицейскую школу с узким и специфичным набором изучаемых дисциплин. Так, например, подготовка офицеров полиции в Австрийской Республике проводится в Академии безопасности. Условие поступления в Академию безопасности (СИАК) в Австрии - наличие аттестата о среднем образовании и законченное начальное полицейское образование: первичная полицейская подготовка и практическая

работа или курс повышения квалификации для служащих.

Специальное офицерское образование в Академии безопасности Австрии продолжается 21 месяц. За это время необходимо окончить курс установленных учебным планом дисциплин, время, отводимое на каждую из них, различно. Например, на курс истории полиции отводится от 8 до 10 лекционных часов. Продолжительность лекционного часа равняется 50 минутам. Содержание курса может быть изменено самим преподавателем. Практические занятия в виде привычных семинаров и практикумов отсутствуют, существуют, правда, выездные занятия для ознакомления с практической работой различных полицейских подразделений. Список учебных дисциплин Академии безопасности Австрии в сопоставлении с российскими аналогами сведен нами для наглядности в таблицу (см. таблицу).

Успешная учеба в Академии безопасности и сдача квалификационного экзамена являются обязательным условием получения специального звания – «офицер полиции» и дальнейшего карьерного роста на службе в полиции.

Окончание Академии дает право только на работу в полиции и некоторых иных правоохранительных органах. Степень «магистра права» выпускникам Академии безопасности не присваивается [5]. Таким образом, по окончании такой Академии выпускники получают только профессиональное, а не высшее образование. К примеру, надо сказать, что аналогичная система подготовки полицейских существует и в Турецкой республике, о чем свидетельствует отчет о посещении Академии полиции Турции (ТНАП) руководством нашего института в мае 2010 года.

Академия с 2003 года работает в рамках Болонского процесса по системе кредитов, имеется бакалавриат, магистратура, докторантура. В академии учатся студенты из балканских стран. Дипломы академии признают в ОБСЕ и ООН. Студенты живут в академическом кампусе. Академия

находится за пределами Анкары. Быт и развлечения студентов характеризуются участием в различных кружках, спортивных секциях, в театральных представлениях.

Бакалавриат – 4 года, возраст поступления в академию 18-19 лет. Обучение бесплатное. Обучение иностранных студентов оплачивается правительством Турции. Обучается 1600 студентов, заканчивая обучение, получают диплом юриста и звание помощника комиссара полиции. Выпускники служат в полиции, работают в судах и других правоохранительных органах ТР.

Обучение в магистратуре и докторантуре по специальности юриспруденция, борьба с преступностью. Основные научные направления: терроризм, наркотрафик, разведка.

Кадры:

академические специалисты – 81,

полицейские специалисты – 145.

В том числе:

Профессоров – 17,

доцентов – 8,

ассистентов – 18.

14 кафедр, 48 кандидатов наук (ph d).

Преподают в академии и практики из полиции.

Практическая направленность обучения выражается в месячной стажировке в полицейских участках.

Основные учебные дисциплины: конституционное право, административное право, правовая защита, специальные дисциплины.

Социально-гуманитарный блок в образовательной программе академии составляют предметы: философия, социология, политология, этика и др. науки.

В системе подготовки кадров 2 полицейских колледжа. Выпускники колледжей поступают в академию без вступительного экзамена.

После 8 лет учебы в общеобразовательной школе мальчики 2 года учатся в колледже по программе средней школы.

Психологический отбор реализуется в форме тестов в ходе поступления в колледж и после обучения на последнем 4 курсе академии. Тестирование проводят психологи и специальные сотрудники. Если возникает необходимость, дополнительные исследования проводятся на базе стационарных лечебных учреждений. Отсев незначительный.

Конкурс в колледжи большой: 350 человек отбирают из 80000 заявлений по результатам ЕГЭ и после вступительного экзамена (математика и физика, физкультура) и собеседование.

В академию поступают не только после колледжей, но и после учебы в других заведениях.

***Из выступления директора
полицейского колледжа Анкары***

Цель учебы в колледже – подготовка для поступления в академию.

Учиться в колледже престижно. Полицейский колледж занимает 6 место среди колледжей Турции. Учеба бесплатная. Она обеспечивает выбор стабильной и хорошо оплачиваемой работы (в среднем офицер полиции после учебы в академии получает около 1500 долларов в месяц).

Завершение учебы в колледже позволяет выбирать и другие профессии.

Учеба в колледже одного ученика обходится в 10000 долларов.

Учеба организована по стандартам среднего образования. Полицейские дисциплины даются факультативно. 425 курсантов колледжа занимаются спортом по 17 видам.

При поступлении в колледж придается большое значение собеседованию. Запрашивается медицинская справка из учреждения здравоохранения. Кандидаты с явными физическими и психическими дефектами сразу отсеиваются. В колледже учатся курсанты из разных уголков Турции. Примерно 30% курсантов – из семей полицейских.

Английский – обязательный предмет, даются и развиваются навыки общения, разговорной речи на английском. По выбору французский или немецкий.

95% выпускников колледжа поступают в академию без экзаменов. Курсант, поступивший в Академию и выбравший после ее окончания не полицейскую службу, а другую профессию, обязан оплатить учебу. В 2009 году было подано 200000 заявлений в полицейский колледж по итогам ЕГЭ. В результате многоступенчатого отбора на собеседование пригласили 7000 абитуриентов и отобрали 325 курсантов.

В колледже все бесплатно и даже выдаются деньги курсантам на карманные расходы в зависимости от успеваемости: 30 лир (25 долларов) в месяц тем, у кого есть тройки, 35 лир – у кого их нет, 40-45 лир получают отличники.

Письменный экзамен при поступлении проводится в форме теста.

Полицейские школы. Обучение двухгодичное. Поступление в школу после 10 лет обучения в средней школе. Образование среднее специальное или незаконченное высшее.

Научные исследования.

***Из выступлений руководителя
антитеррористического
исследовательского центра (институт
безопасности) (образован в 2008 году):***

Центр ведет исследования в области противодействия терроризму, его сотрудники участвуют в образовательной деятельности. Направление – противодействие терроризму и предупреждение преступности. В декабре 2010 г. запланирована международная конференция по борьбе с терроризмом.

Один из проектов центра посвящен проблемам «злоупотреблений в области религии» и религиозного экстремизма.

По итогам реализации проекта рассматриваются три вида терроризма: левый, сепаратисты и правый.

В результате успешной антитеррористической работы полиции удалось раздобыть архив из 7000 анкет членов турецкой экстремистской организации «Хезбола».

Использовались экспертные интервью с работниками тюрем, полиции, преподавателями, а также фокус-группы

по проблемам терроризма, опросы руководителей религиозных организаций. Для террористов специальным антитеррористическим законодательством Турции предусмотрено пожизненное заключение, за финансирование террористов – до 15 лет в специальных тюрьмах (FE). В турецких тюрьмах 120000 заключенных (рассчитаны они на 75000).

Основные итоги обработки эмпирических данных:

60% террористов вовлечены в террор родственниками;

40% другими агентами.

Среди экстремистов 26% верующие.

В основном молодежь, в том числе:

42% от 14 до 17 лет,

22% от 18 до 21 года,

13% от 22 до 25 лет.

50% имеют школьное образование,

23% неполное (8-летнее),

57% безработные.

В структуре Министерства внутренних дел Турции, турецкой национальной полиции существует специальный департамент – TADOC турецкая международная академия антинаркотизма и организованной преступности.

В ней ведется обучение на 3 языках (турецкий, английский, русский). В тренингах участвуют представители 63 стран (3319 участников).

В системе специального образования полицейских существует академия разведки (ISAK), основанная в 1951 году. Академия проводит тренинги по повышению квалификации полицейских,

работающих в разведке (основная программа, программы специализации, программа персональных навыков); международные тренинги, публикует учебные материалы.

Основные учебные пакеты:

1. Курс разведки «Внутренняя безопасность», продолжительность 2 недели.

2. Курс «Основные понятия разведки и пешего-мобильного преследования», 2 недели.

3. Курс «Разведки по борьбе с терроризмом», 2 недели.

4. Курс «Разведки с организованной преступностью», 2 недели.

5. Электронно-технический курс разведки, 1 неделя.

Опубликовано 111 книг по проблемам противодействия организованной преступности и терроризму.

Академия имеет гостевой дом на 100 человек.

Есть мнения, что введение аналогичной системы обучения в системе МВД может отрицательно сказаться на общем образовательном уровне сотрудников органов внутренних дел, что, в свою очередь, может привести к росту преступности в Российской Федерации. И здесь следует отметить, что необходима большая работа всей системы подготовки кадров для правоохранительных органов по выработке новой образовательной концепции профессионального образования. В самое ближайшее время.

Таблица

N	Курс в Академии безопасности Австрии		Курс вузов МВД РФ
1.	Verfassung	Конституция	Конституционное право
2.	Behoerdenorganisation	Организация органов власти	Конституционное право
3.	Eu-recht	Право Евросоюза	-
4.	Verwaltungsverfahren	Административный процесс	Административное право
5.	Dienst- und besoldungsrecht	Служебное право и порядок выплаты денежного	-

		содержания	
6.	Disziplinarrecht	Дисциплинарное право	Трудовое право
7.	Materielles polizei- verwaltungsrecht	Материальное право полицейского управления	Основы управления в ОВД
8.	Grundzuege des Haushalts	Основы жилищного права	Жилищное право
9.	Finanz und zollrechtes	Финансовое и таможенное право	Финансовое право Таможенное право
10.	Strafrecht und Strafverfahrensrecht	Уголовное и уголовно- процессуальное право	Уголовное право Уголовный процесс
11.	Privatrecht und zivilprozessrecht	Частное право и гражданско- процессуальное право	Гражданский процесс
12.	Voelkerrecht	Международное право	Международное право
13.	Vollzugsdienst	Исполнительная служба	Уголовно-исполнит. право
14.	Einsatzbearbeitung	Проведение специальных операций	Тактико-специальная подготовка
15.	Kriminalistik und kriminaltechnik	Криминалистика и криминалистическая техника	Криминалистика
16.	Kriminaltaktik	Криминалистическая тактика	Криминалистика
17.	Erscheinungslehre	Габитология	Криминалистика
18.	Fahndungswesen	Основы розыска	ОРД
19.	Beweislehre	Учение о доказательствах	Уголовный процесс
20.	Vernehmungstaktik und vernehmungslehre	Тактика допроса и учение о допросе	Криминалистика
21.	Staatspolizeilicherdienst	Государственная полицейская служба	-
22.	Tatortpraxis	Практика работы на месте преступления	Уголовный процесс Криминалистика
23.	Kriminalpsychologie	Криминальная психология	Психология
24.	Gerichtsmedizin	Судебная медицина	Судебная медицина
25.	Gerichtspsychiatrie	Судебная психиатрия	Судебная психиатрия
26.	Verkehrsdienst	Дорожная служба	-
27.	Taktik und Ordnungsdienst	Служба по охране правопорядка	Тактико-специальная подготовка
28.	Ausbildung in Einheiten	Учение о взаимодействии	-
29.	Karten- und Gelaendekunde	Картография рекогносцировка	Тактико-специальная подготовка
30.	Flugbeobachtungsausbildung	Подготовка по наблюдению за самолетами	Тактико-специальная подготовка
31.	Waffen- und Geraetekunde	Оружие и специальная техника	Специальная техника
32.	Schiess- und Sprengmittelwesen	Боеприпасы и взрывчатые вещества	Тактико-специальная подготовка
33.	Fernmeldewesen	Средства связи	Специальная техника
34.	Strahlenschutz	Радиационная защита	Тактико-специальная подготовка

35.	Schriftverkehr	Служебная переписка	-
36.	Psychologie	Психология	Психология
37.	Soziologie	Социология	Социология
38.	Wirtschaftspolitik	Экономическая политика	Экономика
39.	Paedagogik	Педагогика	Педагогика
40.	Politische bildung	Политическое образование	Политология
41.	Fuehrungsausbildung	Обучение руководителя	Основы управления в ОВД
42.	Projekt management	Управление проектами	Основы управления в ОВД
43.	Netzplantechnik	Техника сетевого планирования	Основы управления в ОВД
44.	Rhetorik	Риторика	Риторика
45.	Medienverhalten	Связь с общественностью	-
46.	Personalmanagement	Управление персоналом	Основы управления в ОВД
47.	Englich; franzoesisch	Английский, французский	Иностранный язык
48.	Oesterr zeitgeschichte	Новейшая история Австрии	История Отечества
49.	Geschichte des sicherheitswesens	История учения о безопасности	История государства и права
50.	Leibesubung und selbstverteidigung	Физическая подготовка и самооборона	Физическая подготовка
51.	Einfuehrung in die empirische sozialfor-schung und wissen-schaftliche arbeit	Введение в практические социологические исследования и научную работу	Социология

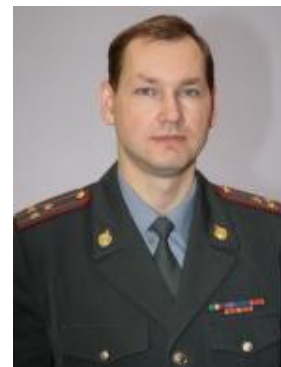
ЛИТЕРАТУРА

1. Основные документы по Болонскому процессу размещены на сайте Санкт-Петербургского государственного университета. <http://www.bologna.spbu.ru>
2. Кузнецов Д.И., Иванов А.В. От Болонской декларации к университетскому книгоизданию России, или Некоторые размышления о будущем высшего образования // Университетская книга. - 2004. - № 2.
3. Зенькович О. Откуда берутся волшебники-недоучки // Парламентская газета. - 2005. - 10 марта.
4. Болонский процесс 2020 - Европейское пространство высшего образования в новом десятилетии: Коммюнике Конференции европейских министров, ответственных за высшее образование. Левен / Лувен-Ла-Нев, 28-29 апреля 2009.
5. G. Bogl, H. Seyrl. Die Wiener Polizei. Edition "S". - Wien, 2003. - S. 390-395.

О.А. Степушенко,

заместитель министра внутренних дел по Республике Татарстан,
председатель научно-практической секции Совета МВД России
по науке и передовому опыту в МВД по Республике Татарстан

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Научно-методическое обеспечение оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел является одним из ключевых резервов повышения эффективности выполнения своих профессиональных обязанностей практическими сотрудниками.

Активное использование и внедрение в практику инновационных методик способствует достижению сотрудниками органов внутренних дел высоких результатов в раскрытии и расследовании преступлений.

В настоящее время научно-методическое обеспечение деятельности органов внутренних дел – это скоординированная по целям, времени и ресурсам совокупность организационных мероприятий, направленных на проведение научных исследований, экспериментов, испытаний и разработок, позволяющих осуществлять научно обоснованное стратегическое развитие системы МВД России, создавать и применять в ней новые технологии оперативно-служебной деятельности, решать другие научно-практические задачи в интересах органов внутренних дел.

Работа Министерства внутренних дел по Республике Татарстан по внедрению научных разработок и передовых методов работы в практическую деятельность осуществляется в соответствии с требованиями приказов МВД России от 28.12.2005г. №1055 «Об организации научного обеспечения и распространения передового опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках МВД России», от 11.07.2006г. №543 «О внесении изменения в приказ МВД России от 28 декабря 2005г. №1055», от 19.12.2009г. №964 «Вопросы Государственного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», другими нормативно-правовыми актами, регламентирующими эту деятельность.

Реализация мероприятий по научному обеспечению осуществляется на плановой основе, в соответствии с «Планом основных организационных мероприятий МВД по Республике Татарстан на 2010 год» и «Планом работы научно-практической секции Совета МВД России по науке и передовому опыту в МВД по Республике Татарстан на 2010 год». Управлениями и отделами МВД по Республике Татарстан ежеквартально предоставляются в Штаб министерства сведения по выявлению, применению передовых форм и методов работы, внедряемых научных и научно-технических разработках, а также информация об эффективности их использования в деятельности ОВД.

Научно-практическая секция МВД по Республике Татарстан по науке и передовому опыту создана в 2006 году (приказ МВД Республики Татарстан от 31.01.2006 г. №46). Последние изменения в составе НПС произошли в сентябре 2010 г. (приказ МВД по Республике Татарстан №570 от 03.09.2010 г.). В состав секции входят сотрудники управлений и отделов аппарата МВД по Республике Татарстан (занимающие должность не ниже заместителя начальника отдела), представители Казанского юридического института МВД России, филиала ФГУ «ВНИИ МВД России» по Республике Татарстан, Казанского ЛУВД на транспорте.

Возглавляет научно-практическую секцию Совета МВД России по науке и передовому опыту в МВД по Республике Татарстан заместитель министра внутренних дел по Республике Татарстан полковник милиции Олег Александрович Степущенко, заместителями председателя научно-практической секции являются заместитель начальника милиции общественной безопасности МВД по Республике Татарстан полковник милиции Василий Александрович Соколов, начальник Управления уголовного розыска МВД по Республике Татарстан полковник милиции Владимир Викторович Иванов и начальник Информационно-аналитического отдела Штаба МВД по Республике Татарстан полковник милиции Вячеслав Валентинович Круглов.

В системе МВД по Республике Татарстан решение вопросов организации научного обеспечения ОВД возложено на отделение информационного обеспечения и передового опыта Информационно-аналитического отдела Штаба МВД по Республике Татарстан.

В 2008-2010 гг. научно-практической секцией МВД по Республике Татарстан по науке и передовому опыту проведено 17 заседаний. На заседаниях рассматриваются вопросы, касающиеся наиболее актуальных проблем оперативно-служебной деятельности министерства, внедрения новейших технологий, выявления передовых форм и методов работы.

Например, в 2010 году на одном из заседаний НПС рассмотрен материал об опыте совместной работы субъектов профилактики по реабилитации несовершеннолетних, вернувшихся из специальных учреждений закрытого типа и мест лишения свободы. В результате обсуждения было принято решение направить этот аналитический материал в ДООП МВД России для признания его положительным опытом.

В ОВД Республики Татарстан, управлениях и отделах аппарата министерства во исполнение приказа МВД по Республике Татарстан № 200 от 27.03.2006 года «О совершенствовании работы по организации научного обеспечения и внедрения передового опыта в органах и подразделениях МВД по Республике Татарстан» приказами (распоряжениями) руководителей закреплены сотрудники, ответственные за

выявление и внедрение передового и положительного опыта.

* * *

В рамках деятельности научно-практической секции продолжается активное сотрудничество органов и подразделений МВД по РТ с Казанским юридическим институтом МВД России и филиалом ВНИИ МВД России по РТ.

Мероприятия по разработке, внедрению, авторскому сопровождению научно-исследовательских разработок осуществляются согласно двухстороннему договору о творческом сотрудничестве между ФГУ «ВНИИ МВД России» и МВД по Республике Татарстан от 25.06.2004 г. №MVD/С-03/04. Соглашение о взаимодействии и сотрудничестве в сфере проведения научно-исследовательских работ заключено между МВД по РТ и КЮИ МВД РФ 7.02.2002 г.

Близость территориального расположения КЮИ МВД России и филиала ФГУ «ВНИИ МВД России» по Республике Татарстан, дающая возможность быстрого реагирования на замечания, отраженные в отзывах заказчиков на научную продукцию, принятия своевременных мер по доработке научно-исследовательских работ, создают плодотворные условия для сотрудничества. Показателем результативности взаимного сотрудничества является количество внедренной научной продукции, что составляет 100% от числа заказанной научной продукции.

Согласно заявкам, каждая из которых утверждена на заседании научно-практической секции, в 2009 году научными сотрудниками ВНИИ (включая его филиал по Республике Татарстан) проведены исследования и подготовлена научная продукция по 7 темам, две - совместно с Казанским юридическим институтом МВД России и одна - с Академией управления МВД России. Профессорско-преподавательским составом КЮИ МВД России были проведены исследования по 14 темам.

На 2010 год с Казанским юридическим институтом МВД России, ВНИИ МВД России и Академией управления МВД России было согласовано 22 заявки на проведение научно-исследовательских работ по актуальным темам.

На 2011 год управлениями и отделами МВД по Республике Татарстан во взаимодействии со Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России и Казанским юридическим институтом МВД России также оформлено 22 заявки.

Необходимо отметить, что наше сотрудничество с Казанским юридическим институтом МВД России не ограничивается лишь проведением научных исследований по заявкам подразделений МВД по Республике Татарстан. Стали доброй традицией встречи руководства министерства с профессорско-преподавательским составом и курсантами института, проведение различных тематических выставок и круглых столов. Курсанты института регулярно принимают участие в различных общественных мероприятиях, проводимых под эгидой МВД по Республике Татарстан.

Руководящий состав таких подразделений министерства, как УУР, УБЭП, УГИБДД, Штаба, УОД УУМ и ПДН на учебной базе КЮИ МВД России проводит лекции, на которых делится своим практическим опытом.

Все эти мероприятия, несомненно, помогают курсантам определиться с направлением своей дальнейшей милицмейской службы.

В целях повышения образовательного и профессионального уровня сотрудников ОВД Республики Татарстан на факультете повышения квалификации КЮИ МВД России регулярно проводятся учебные сборы, на которых сотрудники МВД по Республике Татарстан читают лекции, проводят практические занятия.

* * *

Во исполнение п.2.5. Плана основных организационных мероприятий МВД по

Республике Татарстан на 2010 год 16 марта т.г. в Центральном научно-методическом кабинете передового опыта МВД по Республике Татарстан проведено занятие по служебной подготовке с сотрудниками аппарата министерства и ОВД, ответственными за выявление и внедрение передового опыта и научной продукции. Во время обучения были разъяснены требования нормативных документов, регламентирующих научную деятельность в МВД, порядок оформления отчетной документации, разобраны на примерах характерные ошибки. Отдельным вопросом рассмотрено взаимодействие между подразделениями ОВД, аппарата МВД, КЮИ МВД России и филиалом ФГУ «ВНИИ МВД России» по Республике Татарстан.

28 апреля т.г. аналогичное занятие проведено с ответственными сотрудниками ОВД Альметьевской оперативной зоны (11 ОВД).

* * *

В 2010 году организована приемка пяти научно-исследовательских работ, выполненных по заявкам МВД по Республике Татарстан:

- двух методических рекомендаций, разработанных ФГУ «ВНИИ МВД России», по темам: «Методика расследования преступлений, связанных с уничтожением имущества путем поджогов и неосторожного обращения с огнем»; «Расследование хищений автотранспорта в условиях крупных городов (на примере г. Казани)»;

- методических рекомендаций «Роль ОВД в ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы», подготовленных Академией управления МВД России, по теме;

- двух работ, выполненных в КЮИ МВД России: научно-практическое пособие «Методика выявления, раскрытия и расследования преступлений по фактам нарушения правил охраны рыбных запасов (ст.257 УК РФ); учебно-методическое пособие «Милиция Татарстана в годы Великой Отечественной войны (к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне)».

* * *

В соответствии с планом основных организационных мероприятий МВД по Республике Татарстан в ноябре текущего года запланировано совместно с КЮИ МВД России и филиалом ВНИИ МВД России по Республике Татарстан проанализировать состояние работы по научному обеспечению органов и подразделений МВД по Республике Татарстан, данный вопрос впоследствии будет рассмотрен на совещании МВД по Республике Татарстан (в режиме видеоконференции) в декабре.

* * *

Одним из важных направлений научно-методического обеспечения деятельности МВД по Республике Татарстан является организация и проведение межрегиональных и межведомственных научно-представительских мероприятий по актуальным проблемам, в том числе борьбы с экстремизмом и терроризмом, коррупцией, а также совершенствованию отдельных направлений деятельности органов внутренних дел. Данная работа ведется при активном взаимодействии и сотрудничестве с филиалом ФГУ «ВНИИ МВД России» по Республике Татарстан и Казанским юридическим институтом. Только за последние три года проведен ряд подобных мероприятий, среди которых можно выделить наиболее значимые:

- круглый стол «Предупреждение создания на территории Татарстана молодежных группировок экстремистской направленности», проведенный 10 октября 2007 г. в Государственном Совете Республики Татарстан;

- круглый стол «Совершенствование взаимодействия органов внутренних дел на транспорте с территориальными органами внутренних дел по вопросам разграничения объектов оперативного обслуживания в рамках реализации требований приказа МВД России от 21 июня 2000 г. №671», проведенный 24 июня 2008 г. в МВД по Республике Татарстан;

- круглый стол «Научное обеспечение деятельности органов внутренних дел: состояние и перспективы», проведенный

31 июля 2008 г. в МВД по Республике Татарстан;

- круглый стол «Противодействие коррупции: проблемы и перспективы формирования и реализации национальной, региональной и муниципальной антикоррупционной политики», проведенный 9 декабря 2008 г. в г. Нижнекамске;

- круглый стол «Противодействие распространению экстремизма», проведенный 18 июня 2009 г. в МВД по Республике Татарстан;

- международную научно-практическую конференцию «Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: опыт, проблемы, поиски решений», проведенную 26 февраля 2010 года в КРК «Корстон»;

- межведомственную научно-практическую конференцию «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по противодействию экстремизму», проведенную 5 мая 2010 г. в Государственном Совете Республики Татарстан;

- международную научно-практическую конференцию «Антикоррупционное образование в системе органов внутренних дел (организационно-правовые аспекты формирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел)», проведенную 29 сентября 2010 г. в Казанском юридическом институте МВД России.

В заключение необходимо отметить, что совершенствование научно-методического обеспечения позволяет ввести в практическую деятельность органов внутренних дел Республики Татарстан новые формы и методы борьбы с преступностью, активизировать работу МВД по РТ по основным направлениям обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности.

Е.П. Шляхтин,
начальник
кафедры ОРД
КЮИ МВД
России

В конце августа 2010 года на имя начальника КЮИ МВД России генерал-майора милиции Ф.К. Зиннурова поступило письмо исполнительного директора оргкомитета студенческого фестиваля Приволжского федерального округа Российской Федерации А.С. Люлина, в котором он информировал о проведении с 6 по 9 сентября т.г. под патронажем Национального антитеррористического комитета России, Ассоциации профсоюзных организаций студентов Самарской области, при поддержке Министерства по делам молодежи, спорта и туризма Республики Татарстан, региональной молодежной общественной организации «Лига студентов РТ», Общественной молодежной палаты при Государственном Совете РТ Второго студенческого фестиваля ПФО РФ «Экстремизму – Нет!».

Несмотря на то, что в нашем институте в это же время начался учебный процесс, учитывая значительную политическую и социально-общественную значимость вышеуказанного фестиваля, руководством института было принято решение об участии в нем профессорско-преподавательского состава и курсантов института.

Согласно программе фестиваля, он начался в городе Самаре, откуда его участники на теплоходе проследовали через Ульяновск в Казань.

Во время пути основные участники фестиваля (приглашенные эксперты и делегаты различных регионов Российской Федерации) проводили обсуждение вопросов противодействия идеологии экстремизма и терроризма, систематизации и улучшению этой работы. Во всех городах, где побывали участники

ОБ УЧАСТИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И КУРСАНТОВ КЮИ МВД РОССИИ В ПРОВЕДЕНИИ ВТОРОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА «ЭКСТРЕМИЗМУ – НЕТ!»

фестиваля, они принимали участие в семинарах и круглых столах по обмену опытом в сфере антитеррористической работы, обсуждали проблемы, связанные с экстремизмом в молодежной среде и на религиозной почве, организовывали тематические выставки и проводили иные мероприятия, направленные на единство народа в противодействии экстремистским проявлениям и крайней форме их осуществления – террористическим акциям.

В город Казань участники фестиваля прибыли утром 8 сентября. Им была организована торжественная встреча.

Далее в стенах Государственного Совета Республики Татарстан прошла пресс-конференция организаторов фестиваля.

Затем в стенах Дома Дружбы народов Татарстана был проведен семинар по теме «Деятельность религиозных организаций по противодействию идеологии экстремизма и терроризма». В работе данного семинара принимали участие представитель аппарата Президента Республики Татарстан В.А. Никифоров, высшие духовные лица мусульманской и христианской конфессий Татарстана, сотрудники государственных, муниципальных и общественных органов и организаций. Казанский юридический институт представлял старший преподаватель кафедры ОРД полковник милиции А.С. Макаров.

В те же часы прошло заседание круглого стола по теме «Научный подход к противодействию идеологии экстремизма и терроризма» в зале ученого совета Казанского (Приволжского) государственного университета. В числе многих на данном круглом столе выступал заместитель председателя Комитета Государственного Совета РТ по вопросам

законности и правопорядка генерал-майор милиции в отставке Р.Г. Нугуманов. В работе данного круглого стола приняли участие представители нашего института: преподаватель кафедры ОРД капитан милиции Р.Д. Низамов и курсанты 2 и 4 курсов института Шашина Е.В., Бикмуллина А.Т., Алимов К.Н. и Сафаров И.Г. В дальнейшем они приняли участие в торжественном шествии от КСК КПФУ УНИКС до памятника М. Вахитову и митинге, посвященном памяти жертв терроризма «От звона до набата!».

В качестве основных и существенных недостатков прошедшего мероприятия следует отметить следующие моменты.

Во-первых, слишком короткий срок, отводимый на подготовку. Письмо от оргкомитета поступило в конце августа т.г., а уже с 6 по 9 сентября запланировано его проведение. Традиционно конец августа в вузах – это период всесторонней подготовки к предстоящему учебному году, как профессорско-преподавательского состава, так и обучающихся. Неслучайно, практически, до 6 сентября т.г. не было известно о том, какие именно мероприятия будут проводиться на территории г. Казани.

Во-вторых, вне программы фестиваля остался вопрос: «Каким образом и где общественность нашего региона и других субъектов РФ сможет ознакомиться с информационными, научно-исследовательскими и фотовидеоматериалами и практическими рекомендациями участников фестиваля по его итогам?».

Здесь предлагается обратиться к организаторам данного мероприятия с предложением совместить его проведение с круглым столом с аналогичной тематикой, проводимым МВД по РТ, КЮИ МВД России, филиалом ВНИИ МВД РФ по РТ ежегодно весной на базе Государственного Совета Республики Татарстан.

В-третьих, учитывая заявленную воспитательную цель вышеуказанного мероприятия, к подготовке и проведению данного фестиваля желательно привлекать сотрудников отделения воспитательной работы ОК института, а также студентов, обучающихся на юридическом платном факультете нашего института.

В целом, несмотря на сжатые сроки для подготовки, поставленные цели во время проведения мероприятий Второго студенческого фестиваля ПФО РФ «Экстремизму – Нет!», направленных на повышение интереса студенчества к проблеме необходимости снижения террористической активности в Приволжском федеральном округе Российской Федерации, в побуждении участников данного фестиваля и всей общественности во включение не только в обсуждение вышеуказанной проблемы, но и в активное участие в выработке предложений и противодействии идеологии экстремизма и терроризма, в том числе в молодежной среде и на религиозной почве, достигли своих целей.

С.Я. Казанцев,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный юрист России,
начальник кафедры криминалистики
КЮИ МВД России

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР В ГЕРМАНИИ
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ**

С 5.09.10 по 11.09.10 в ФРГ (земля Северная Рейн- Вестфалия) состоялся международный семинар по актуальным проблемам раскрытия и расследовании преступлений криминальной полицией.

Земля Северная Рейн Вестфалия - самая крупная из пятнадцати земель Германии, где работают более 20 процентов всех полицейских станы. Семинар состоялся на базе Центра подготовки и переподготовки сотрудников криминальной полиции в г. Зельме.

В составе официальной делегации МВД России в работе семинара принимал участие начальник кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, заслуженный юрист России, профессор, полковник милиции Казанцев Сергей Яковлевич.

В числе других вопросов на семинаре рассматривались и вопросы подготовки кадров для криминальной полиции. В Германии подготовка таких кадров состоит из нескольких этапов. Первый этап - все будущие полицейские должны закончить специальные трехгодичные учебные заведения и получить диплом бакалавра по специальности «менеджмент в полиции». Затем все без исключения должны один год отработать на патрульной машине. После этого еще три года в так называемых ротах готовности (аналог нашего спецназа), и только потом происходит деление на криминальную полицию и полицию общественной безопасности с обучением в одном из центров подготовки. Так, например, подготовка специалистов криминальной полиции осуществляется в течение семи

месяцев в центрах, где обучаемые изучают такие дисциплины как криминалистика, ОРД, спецтехника и другие. Обучение происходит в учебных лабораториях и на криминалистических полигонах (такие же созданы в нашем институте). Затем каждые три года служащие полиции проходят аттестацию и переподготовку. Интересно отметить, что в криминальной полиции нет какого либо разделения на следственных или оперативных работников, а данные, полученные в ходе оперативно-розыскной работы, проще реализовать и использовать в качестве доказательств в уголовном процессе. Для этого оперативному работнику достаточно сообщить в суде, что он получил эти данные из оперативного источника.

Специально был рассмотрен вопрос о действиях полиции при проведении массовых мероприятиях на примере стадиона, где тренируется известная футбольная команда «Шальке 4». Основной упор здесь делается на специальную технику. В частности, на камеры слежения. Такие камеры управляются со специального пульта. Они позволяют выделить из толпы с большими увеличением отдельное лицо и проследить за ним вплоть до выхода его со стадиона. Стадион обслуживается силами службы собственной безопасности в количестве пятисот человек, трехсот полицейских в форме и четырех взводов резерва, по тридцать восемь человек каждой.

Отдельно изучались возможности криминалистической техники в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

В целом вооруженность криминалистической техникой в Германии мало чем отличается от российской. Сравнительный анализ показал, что наша техника в ряде случаев даже превосходит по некоторым показателям немецкую. Так, например, унифицированный следственный чемодан отечественного производства, используемый при осмотре места происшествия, сегодня намного удобней и функциональней по сравнению с показанным нам, участникам семинара. Однако кое-где они все же впереди. Заслуживает внимания опыт использования нашими коллегами так называемого, 3D-сканера, который применяется при осмотре места происшествия для сканирования участков местности. При этом создается виртуальное изображение места происшествия, где с точностью до одного миллиметра измеряются все предметы и расстояния между ними. В дальнейшем, используя возможности компьютерной графики, можно моделировать на месте происшествия, например, механизм аварии, место нахождения стрелявшего и т.д.

Вызывает также интерес использования опыта немецких коллег в области геноскопии. При этом в качестве ДНК-проб можно использовать любые следы пальцев рук, которые непригодны для

дактилоскопических исследований, следы крови, пота и других выделений человека. Тем самым создается база данных для криминалистических учетов. Уже сегодня в Германии ДНК-учеты используются наравне с дактилоскопическими и, по мнению немецких ученых, скоро вытеснят дактилоскопию вообще, как это произошло в свое время с учетами Альфонса де Бертильона.

Криминалистические лаборатории Германии оснащены современными высокоточными приборами инфракрасной и ультрафиолетовой спектроскопии, рентгеноструктурного и рентгенофазового анализа, газожидкостными хроматографами, электронными и люминесцентными сравнительными микроскопами, что позволяет исследовать вещественные доказательства на высоком уровне, извлекая из них всевозможную информацию.

В целом семинар получил высокую оценку со стороны нашей делегации. Помимо новых знаний, члены-участники семинара получили сертификат полицейских международного образца, какие выдают полицейским Германии.

Ю.Ю. Комлев,

доктор социологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
начальник кафедры ФПСП
КЮИ МВД России

**КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
РУКОВОДИТЕЛЯМ И СОТРУДНИКАМ ОВД,
СЛУШАТЕЛЯМ И КУРСАНТАМ**

23-25 сентября 2010 года в Казани прошел III Международный конгресс конфликтологов, организованный Международной ассоциацией конфликтологов, Федеральным агентством по образованию, Казанским государственным технологическим университетом.

Международный научный форум был посвящен оценке роли конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества. Он собрал ведущих исследователей социальных конфликтов из России, Украины, Белоруссии, Сербии, Болгарии. В нем приняли участие более 150 специалистов. В их числе ведущие ученые: Е.И.Степанов – президент Международной ассоциации конфликтологов (Институт социологии РАН, Москва), д.филос.н., профессор; Д.Димитров – д.социол.н., профессор (Софийский университет, Болгария); Авксентьев В.А. – директор Института социально-экономических и гуманитарных проблем Южного научного центра РАН, Ставрополь), д.филос.н., профессор; А.Н.Самарин – профессор (МГИМО-университет, Москва); И.И.Елисеева, (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург), член-корр. РАН, профессор; А.А.Возмитель (ИС, Москва), д.социол.н., профессор, и многие другие.

Вузы и научные учреждения системы МВД представлены на конгрессе докладами профессора Ю.Ю.Комлева из Казанского юридического института МВД России и Ю.Н. Мазаева, старшего научного сотрудника ВНИИ МВД

России.

Интерес российских и зарубежных обществоведов к проблематике этнических, конфессиональных, трудовых, политических и правовых конфликтов закономерен. Как известно, в советский период, в годы ориентации отечественной социальной науки на постулаты «единственно верного учения» и «бесконфликтное» развитие общества, конфликтологические знания были бесперспективными.

В современных условиях конфликтологическая теория как никогда востребована практикой социального управления и правоприменения. Вопросы противодействия терроризму и экстремизму, обеспечения толерантности, согласия и правопорядка стали все чаще выступать в качестве предмета специальных конфликтологических исследований. Конфликтология как учебная дисциплина вошла в государственные образовательные стандарты при подготовке правоведов по специальностям «юриспруденция» и «правоохранительная деятельность».

Очевидно, что знание основ конфликтологии необходимо сотрудникам органов внутренних дел, поскольку институты правопорядка выполняют важнейшие социальные функции государства, противодействуя общеуголовной преступности, терроризму и экстремизму, обеспечивая безопасность и общественную интеграцию как в «горячих точках», так и обществе в целом. Конфликтологическая образованность практиков позволяет

своевременно находить эффективные решения сложных конфликтов, «снимать» противоречия в сфере управления, в правоприменении и обеспечении безопасности. Об этом убедительно свидетельствует конструктивный опыт стран с развитыми демократическими традициями. Так, образ полицейского на Западе в последние 20 лет стал символизировать в общественном сознании не только законность, моральный консенсус, но и реноме успешно функционирующего «уличного конфликтолога».

Освоение правоведами-практиками методологии анализа конфликтов, методов и технологий их разрешения – путь, на котором существенно выше перспектива укрепления доверия к ОВД, повышения социальной эффективности правоохранительной деятельности.

Конфликтологию успешно изучают курсанты и слушатели КЮИ МВД России. В интересах совершенствования

учебного процесса, его теоретико-методологического обеспечения и практической направленности на кафедре философии политологии, социологии и психологии института ведется научная работа по синтезу и эмпирической проверке теории рестриктивного социального контроля, оценке ее возможностей по противодействию наркоконфликту. Этот исследовательский проект был неоднократно поддержан грантами Российского гуманитарного научного фонда. В развитие данной темы на кафедре завершена работа по подготовке учебного пособия «Основы конфликтологии: анализ, оценка и управление конфликтами в правоохранительной деятельности».

Презентация и апробация основных идей и положений новой книги успешно состоялись на очередном научном мероприятии международного уровня.

Д.Э. Кабиров,

кандидат исторических наук
начальник ОН и РИО КЮИ МВД России

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»**

29 сентября 2010 г. в нашем институте была проведена международная научно-практическая конференция, посвященная организационно - правовым аспектам формирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел. В ней приняли участие представители государственных структур и общественных организаций республики, иностранные ученые, ведущие научные сотрудники ВНИИ МВД России, профессора Академии управления и Академии экономической безопасности МВД России, сотрудники органов внутренних дел Приволжского федерального округа, ученые вузов Республики Татарстан, адъюнкты, курсанты, слушатели и студенты нашего института.

С приветственным словом к участникам конференции обратились заместитель председателя Комитета по законности и правопорядку Государственного Совета Республики Татарстан генерал-майор милиции Р.Г. Нугуманов и заместитель министра внутренних дел по РТ полковник милиции О.А. Степущенко.

В своем вступительном слове начальник института генерал-майор милиции Фоат Канафиевич Зиннуров отметил, что коррупция является существенным сдерживающим фактором дальнейшего развития современной России; она проникла во все сферы деятельности и

отрасли управления. Активное противодействие коррупции является важнейшим направлением современной государственной политики.

Одной из основных задач, возложенных на министерство внутренних дел, является борьба с коррупцией во всех ее проявлениях, в том числе и в собственных рядах. По данным Департамента собственной безопасности МВД России, за 2008-2009 годы выявлено 6523 должностных преступления, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, в том числе 2311 случаев превышения должностных полномочий, 1583 - по фактам взяточничества, 1220 - злоупотребление должностными полномочиями, 1065 - служебный подлог.

Существенным фактором снижения коррупционных проявлений является образование, его дальнейшее совершенствование. Как показывает практика, в том числе и развитых европейских стран, реализация специальных образовательных программ и технологий позволяет значительно минимизировать проявления коррупции, в том числе и среди сотрудников правоохранительных органов.

В выступлении Ф.К. Зиннурова немалое место было отведено антикоррупционной составляющей в деятельности нашего вуза. В частности, понимая остроту и важность организации борьбы с коррупционными

проявлениями, и в целях реализации положений Указа Президента РФ от 19 мая 2008 года № 815 «О мерах по противодействию коррупции», в нашем учебном заведении в 2008 г. была создана специальная комиссия по реализации основных положений антикоррупционной политики. В нее входят сотрудники управления собственной безопасности МВД по РТ, представитель УБЭП МВД по РТ и сотрудники нашего вуза. Имеется телефон доверия, по которому можно сообщить о проявлениях элементов коррупции в институте.

В рамках реализации национальной антикоррупционной политики совершенствуется и учебно-воспитательный процесс в институте. Существенным образом пересмотрены методы работы с курсантами и слушателями, методы аттестации постоянного состава, введена практика обязательной беседы курсантов с начальником института, с психологами.

Большое внимание уделяется научной работе в этом направлении; издаются монографии и научные статьи, на факультете повышения квалификации с прошлого года по рекомендации ДКО МВД России успешно реализуется специальный курс по формированию антикоррупционного поведения сотрудников и государственных гражданских служащих ОВД.

Развивается и студенческая наука вуза. За последние годы активисты слушательского научного общества становились соорганизаторами, координаторами и активными участниками нескольких антикоррупционных проектов и конкурсов.

Курсанты и студенты института выбирают проблему борьбы с коррупцией в качестве темы для глубоких научных исследований. Особого внимания заслуживают работы адъюнкта института Исмаилова Рауфа о политической коррупции в избирательном процессе и выпускницы 2010 года Каримовой Адели о предупреждении коррупции в российском обществе. Обе работы были выдвинуты на

всероссийские конкурсы, по итогам которых награждены дипломами.

Наши курсанты совместно с активистами республиканского движения «Мы» приняли участие в работе выездных школ по антикоррупционной проблематике, провели ряд антикоррупционных акций и встреч с молодежью в Казани и Наб.Челнах.

Представитель совета слушательского научного общества курсант 4 курса Юнусов Айдар с 2009 года является координатором от КЮИ МВД России республиканского антикоррупционного проекта «Не дать – не взять!». В рамках реализации проекта он создал в КЮИ МВД России антикоррупционную группу курсантов и студентов. Основные цели деятельности группы состоят в пропаганде антикоррупционного мировоззрения, сотрудничестве с отделом по реализации антикоррупционной политики Аппарата Президента республики, вузами Татарстана и рядом общественных организаций, среди которых следует особо выделить региональную молодежную общественную организацию «Лига студентов Республики Татарстан», молодежное движение «Мы» и Союз молодежи ОВД РТ.

Фоат Канафиевич подчеркнул, что сегодня в рамках работы нашей конференции будут не только рассмотрены теоретические проблемы, но и предложены обоснованные практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию работы по формированию антикоррупционного поведения сотрудников ОВД, в том числе и путем внедрения новых образовательных технологий, программ и специальных курсов.

С докладом о формировании системы антикоррупционного образования в Российской Федерации выступил **Павел Александрович Кабанов**, директор Научно-исследовательского института противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань), председатель комиссии по антикоррупционной пропаганде и антикоррупционному образованию Республиканского совета по реализации антикоррупционной политики

Республики Татарстан, профессор, доктор юридических наук.

О формировании антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел в контексте уголовной политики российского государства рассказал **Валерий Филиппович Цепелев**, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С большим интересом были заслушаны доклады начальника кафедры теории и социологии управления органами внутренних дел Академии управления МВД России, доктора социологических наук, профессора **Коробова Виктора Борисовича**, начальника отдела психологического обеспечения деятельности сотрудников Управления по работе с личным составом МВД по Республике Татарстан, кандидата педагогических наук **Ажимовой Ольги Александровны**, проректора по научной работе Института экономики, управления и права (г. Казань), доктора юридических наук, профессора **Бикеева Игоря Измайловича**.

Далее работа конференции проходила в рамках секций: **«Правовые основы формирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел»** под председательством доктора юридических наук, профессора Кабанова Павла Александровича и **«Организационный механизм противодействия коррупционным проявлениям в деятельности сотрудников органов внутренних дел»** - под председательством доктора юридических наук Алиуллова Рашида Рахимулловича, начальника кафедры административного

права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России.

Доклады участников затронули широкий круг вопросов, касающихся правовых и организационных проблем противодействия коррупции и формирования антикоррупционного поведения сотрудников ОВД, а именно:

- профилактики коррупции в органах внутренних дел;
- предотвращения коррупционных деяний в системе государственной службы;
- виктимологических аспектов антикоррупционного образования;
- совершенствования антикоррупционного профессионального образования в системе подготовки сотрудников органов внутренних дел;
- антикоррупционного образования в рамках повышения квалификации сотрудников ОВД;
- современных методов борьбы с коррупцией в Германии;
- реорганизации органов внутренних дел в контексте антикоррупционной национальной стратегии и др.

В работе конференции приняла участие аспирант Университета Гиссена (ФРГ) Нина Миллер.

Во время работы конференции были развернуты выставки научных работ сотрудников института и ВНИИ МВД России, тематические стенды подразделений МВД по РТ (ГИБДД, ОВО, ОИиОС).

После секционных заседаний были подведены итоги конференции, выработаны практические рекомендации и принято решение о создании межведомственной рабочей группы по разработке специального курса «Основы профилактики коррупции в органах внутренних дел».

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

**Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал
«Вестник Казанского юридического института МВД России»**

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
3. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
4. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
5. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
6. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
7. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Кабиловым Дмитрием Эрнстовичем (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)